

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

1914.

М А И.

№ 5.

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1914 году

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1913 года № 212).

Въ 1914 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказъ по военному вѣдомству и циркуляръ Главнаго Штаба принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главныя официальныя извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» имѣетъ задачей дать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		р. — к.	съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою иногороднымъ.
На годъ	9		
„ 11 мѣсяцевъ	8	50	”
„ 10 ”	8	—	”
„ 9 ”	7	50	”
„ 8 ”	7	—	”
„ 7 ”	6	50	”
„ 6 ”	5	75	”
„ 5 ”	5	—	”
„ 4 ”	4	25	”
„ 3 ”	3	25	”
„ 2 ”	2	25	”
„ 1 ”	1	25	”

За границей:		р. — к.	съ пересылкою.
На годъ	15		
„ 11 мѣсяцевъ	14	—	”
„ 10 ”	13	—	”
„ 9 ”	12	—	”
„ 8 ”	11	—	”
„ 7 ”	10	—	”
„ 6 ”	9	—	”
„ 5 ”	8	—	”
„ 4 ”	6	50	”
„ 3 ”	5	—	”
„ 2 ”	3	50	”
„ 1 ”	2	—	”

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкой на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на сроки менѣе года и отдельно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Войсковыми частями и учрежденіями подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

При подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ мѣщъ*, допускается *разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».		р.
не позже 1 января	2	р.
„ ” 1 февраля	1	”
„ ” 1 марта	1	”
„ ” 1 апрѣля	1	”
„ ” 1 іюня	1	”
„ ” 1 іюля	1	”
„ ” 1 сентября	1	”
„ ” 1 ноября	1	”
Итого	9	р.

На «Военный Сборникъ».		р.
не позже 1 января	2	р.
„ ” 1 марта	1	”
„ ” 1 мая	1	”
„ ” 1 іюля	1	”
„ ” 1 сентября	1	”
Итого	6	р.

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

№ 5. ≡ М А Й. ≡ 1914.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1914.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

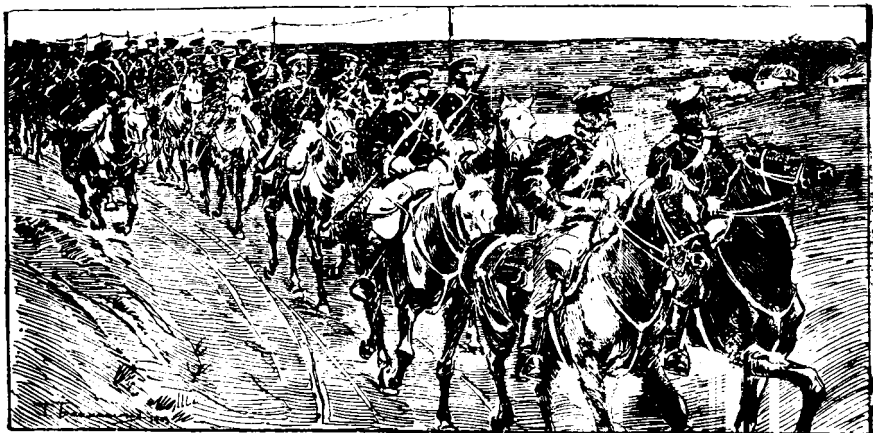
I.

	СТРАН.
I. Генеральный штабъ и высшій командный составъ. (Окончаніе). Э. КАЛНИНЪ.	1
II. Служба генеральнаго штаба въ военное время. (Продолженіе) Н. ГОЛОВИНЪ.	9
III. Рознь или братство? М. ГАЛКИНЪ.	21
IV. Вѣроятное вліяніе воздухоплаванія на тактику артиллеріи. И. КАБАЛОВЪ.	35
V. Выѣздка строевой казачьей лошади (Продолженіе). (Съ рисункомъ). П. КРАСНОВЪ.	47
VI. Сигнализациа въ бою. Добавленіе къ статьѣ А. Семенова, «Воен. Сборн.» № 4.	55
VII. Вліяніе академическаго образованія на нравственный элементъ (силу духа). А. ДМИТРЕВСКІЙ.	59
VIII. Вліяніе артилерійскаго огня на психику. (Военно-психологическій этюдъ). Д-ръ Г. ШУМКОВЪ.	67
IX. Братоубійственная война. (Со схемами). (Окончаніе). А. ДОРОШКЕВИЧЪ.	81
X. Исторія, народность, политика и война. Бесѣды военнаго на современныя темы (Продолженіе). Я. ЧЕРВИНКА.	93
XI. Благотворительныя братства и общества трезвости въ арміи. Л. В. ЕВДОКИМОВЪ.	101
XII. Французскій офицеръ о сербской арміи. П. Ч.	113
XIII. Годъ въ Венгріи. Очерки и замѣтки. (Продолженіе). С. ПЛЕХАНОВЪ.	123
XIV. Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи (Продолженіе). ЕВ. АВГУСТУСЪ.	131
XV. Очерки горной Бухары. (Окончаніе). Д. ЛОГОФЕТЪ.	139
XVI. Былое. (Окончаніе). И. КУРМОЯРОВЪ.	149
XVII. Красное яичко. П. САМОХВАЛОВЪ.	165
XVIII. Сила любви. (Изъ былинъ войны). В. ТЮТЧЕВЪ.	191
XIX. Спортъ за границей. (Съ рисункомъ). БРОНСКІЙ.	189

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. В. БЪЛЯЕВЪ и В. Н.	195
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	215
ПРИЛОЖЕНІЕ. Уставъ для обученія и дѣйствія пѣхоты. (Съ болгарскаго). Перевели І. ПЕХЛИВАНОВЪ и А. СЕМЕНОВЪ.	1—8

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ *Бьялевъ*.
Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Шеманскій*.

Генеральный штабъ и высшій командный составъ.

(Окончаніе)¹⁾.

Еще менѣе заслуживаютъ названія специальной работы генеральнаго штаба отличія, указаннаго въ п. 29 ст. 112: доблестная и самоотверженная дѣятельность въ бою или боевой операціи, при явной для жизни опасности, содѣйствующая достиженію цѣли, которая поставлена отряду. Подъ это условіе подойдутъ, напримѣръ, и офицеръ-ординарецъ, съ явной опасностью для жизни передающій во время боя въ войска приказанія начальника или доставляющій ему донесенія, и начальникъ какой-либо отдѣльной части, которой будетъ поручено выполненіе особой задачи, имѣющей важное значеніе для исхода боя или операціи, и даже начальникъ всякой части, дѣйствія котораго, въ силу ли личныхъ его качествъ или вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ находится его часть, имѣли особенно важное значеніе для достиженія успѣха. Въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ надобности быть офицеромъ генеральнаго штаба, чтобы выказать доблестную и самоотверженную дѣятельность, подвергая опасности свою жизнь и, при извѣстныхъ условіяхъ оказывая существенное содѣйствіе успѣху общаго дѣла.

¹⁾ См. Военный Сборникъ № 4.

Въ сущности этотъ пунктъ, составленный въ общихъ выраженіяхъ, не болѣе какъ перефразировка общаго опредѣленія отличія, достаиваемаго высшей боевой награды, которое дано въ началѣ ст. 8 статута: достоинъ ордена св. Георгія тотъ, «кто, презрѣвъ очевидную опасность и явивъ доблестный примѣръ неустрашимости, присутствія духа и самоотверженія, совершилъ отличный воинскій подвигъ, увѣнчанный полнымъ *успѣхомъ* и доставившій явную *пользу*».

Близко къ этому подходятъ и указанная въ п. 71 ст. 8 условія, а именно неустанныя наблюденія въ бою, производимыя съ опасностью для жизни, въ результатѣ коихъ явятся свѣдѣнія о противникѣ, выясняющія его планы и намѣренія. Такого рода наблюденія могутъ быть произведены всякимъ офицеромъ и дать такіе же результаты; нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы офицерамъ генеральнаго штаба удавалось это чаще или вѣрнѣе, чѣмъ другимъ. Во всякомъ случаѣ въ описаніи подвига, о которомъ говорится въ этомъ пунктѣ, нѣтъ никакихъ специальныхъ признаковъ, которые отличали бы его отъ подвига, доступнаго, согласно п. 18 ст. 8, офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ вообще; слѣдовательно, онъ врядъ ли можетъ быть отнесенъ къ специальнымъ боевымъ отличіямъ генеральнаго штаба.

Остальные три пункта говорятъ уже не объ офицерахъ генеральнаго штаба вообще, а лишь о начальникахъ штабовъ. Приходится сказать, что отличія, дающія имъ право рассчитывать на награжденіе орденомъ св. Георгія или Георгіевскимъ оружіемъ и указанная въ пп. 60, 70 и 28, все же носятъ какой то общій характеръ, дѣлающій ихъ доступными и для офицеровъ прочихъ родовъ войскъ. Въ этомъ смыслѣ особенно неопредѣленнымъ является п. 70 ст. 8, согласно которому можетъ быть признанъ достойнымъ награжденія орденомъ св. Георгія тотъ, кто въ критическую минуту боя, подвергая свою жизнь явной опасности, по указанію ли начальства или по собственному почину, приметъ мѣры, которыя будутъ способствовать рѣшительному успѣху нашихъ войскъ. Если позабыть, что рѣчь здѣсь идетъ о начальникѣ штаба, никому и въ голову не пришло бы, что описываемое здѣсь отличіе составляетъ специальное отличіе офицера генеральнаго штаба: его можетъ оказать любой офицеръ, любой начальникъ, конечно, въ той сферѣ, которая соотвѣтствуетъ его служебному положенію. Да это подтверждаетъ и самъ Статутъ, указывая въ п. а) ст. 9, что вообще награждается орденомъ св. Георгія, независимо отъ рода войскъ,

тотъ, «кто по собственному почину, за своею отвѣтственностью совершить такой доблестный подвигъ, который по рѣшительному его вліянію на ходъ боя приведетъ къ успѣху нашихъ войскъ...» Очевидно, этотъ пунктъ совершенно одинаковъ съ п. 70 ст. 8.

Остальные два пункта, 69 ст. 8 и 28 ст. 112, носятъ нѣсколько иной характеръ и ставятъ, дѣйствительно, требованія, удовлетворить которымъ можно лишь при извѣстной спеціальной подготовкѣ. Оба они, какъ сказано, говорятъ о начальникахъ штабовъ, но изъ содержанія ихъ не видно, почему бы поставленнымъ въ нихъ требованіямъ не могли удовлетворить офицеры генеральнаго штаба вообще. П. 28 ст. 112 указываетъ, что Георгіевскимъ оружіемъ можетъ быть награжденъ начальникъ штаба, который, «принимая энергичное участіе въ бою или боевой операціи и подвергая свою жизнь явной опасности, вѣрной оцѣнкой обстановки и своею самоотверженною дѣятельностью будетъ способствовать удачнымъ дѣйствіямъ строевой части, при которой состоитъ». Энергичное участіе въ бою при условіи опасности для жизни и самоотверженную дѣятельность обязаны проявить не только начальники штабовъ, но и всѣ военнослужащіе вообще, которымъ приходится быть въ бою, такъ что это не можетъ составлять спеціального отличія первыхъ. Напротивъ, спеціальная сфера ихъ дѣятельности—штабъ, канцелярія—находится вѣдѣ поля сраженія, и проявить эти отличія они могутъ лишь въ томъ случаѣ, когда оставляютъ ее и примутъ на себя другія функціи—ординарца, посылаемаго начальникомъ съ важнымъ порученіемъ въ боевыя линіи, или самого начальника, распорядясь самостоятельно его именемъ. Но, конечно, эти и подобныя имъ функціи не могутъ быть названы спеціальными функціями генеральнаго штаба.

Но помимо энергии и самоотверженной дѣятельности, Статутъ въ п. 28 ст. 112 требуетъ отъ начальника штаба еще и вѣрной оцѣнки обстановки. Вотъ это требованіе въ полной мѣрѣ можетъ быть предъявлено только офицеру генеральнаго штаба, который по своей разносторонней научной подготовкѣ лучше всякаго другого офицера долженъ умѣть дать надлежащую оцѣнку каждому явленію въ бою, опредѣлить его значеніе среди другихъ явленій и сдѣлать правильный выводъ касательно общаго положенія дѣлъ въ каждый моментъ боя. Но увы! эта работа... чисто умственная, работа, можно сказать, научнаго характера, не влекущая за собой опасности для жизни, и, слѣдовательно, она никакъ не можетъ быть подведена подъ общіе признаки отличій, заслуживающихъ награжденія выс-

шей боевой наградой по смыслу статей 7-й или 105-й Статута, такъ какъ не носить въ себѣ признаковъ «очевидной опасности» и «несомнѣннаго самоотверженія». Такимъ образомъ начальникъ штаба по п. 28 ст. 112 можетъ быть удостоенъ Георгіевскаго оружія за подвиги, которые лежатъ внѣ сферы его специальности, какъ офицера генеральнаго штаба, тогда какъ работа его, какъ такового, не даетъ ему права на такую награду.

Послѣдній изъ семи пунктовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, п. 69 ст. 8, тоже говорить о начальникѣ штаба: онъ долженъ произвести рекогносцировку, сопряженную съ личною для него опасностью, составить на основаніи этой рекогносцировки планъ операціи, соотвѣтствующій видамъ высшаго начальства, принять дѣятельное участіе въ бою и заслужить признаніе своего начальника, что онъ былъ главнымъ его сотрудникомъ въ достиженіи побѣды. Какъ уже было объяснено, производство рекогносцировки и дѣятельное участіе въ бою не могутъ считаться специальнымъ дѣломъ начальника штаба, какъ офицера генеральнаго штаба. Въ сущности же и составленіе плана операціи дѣло не начальника штаба, а начальника отряда: недаромъ же здѣсь введена оговорка, что планъ операціи долженъ соотвѣтствовать видамъ высшаго начальства, а тѣмъ болѣе и видамъ своего начальника, которому приходится выполнять этотъ планъ и нести отвѣтственность за результаты его выполненія. Какъ бы то ни было, однако, составленіе плана операціи на основаніи данныхъ, добытыхъ рекогносцировками, несомнѣнно требуетъ специальныхъ знаній, предполагаемыхъ у офицера генеральнаго штаба, и если можетъ вообще считаться отличіемъ, то, конечно, должно считаться отличіемъ именно генеральнаго штаба; но... это тоже умственная работа, совершенно лишенная признаковъ, по которымъ отличіе награждается высшей боевой наградой.

Изъ разсмотрѣнія положеній Статута, касающихся боевыхъ отличій генеральнаго штаба, видно, что большинство ихъ лежитъ внѣ сферы дѣятельности генеральнаго штаба по его специальности и составляетъ общія отличія, доступныя всѣмъ офицерамъ вообще, независимо отъ ихъ специальности, и нашедшія себѣ выраженіе въ другихъ статьяхъ Статута (п. 18 ст. 8, п. а ст. 9), которыя не относятся специально къ генеральному штабу. Тѣ же отличія, которыя по своему существу требуютъ специальной подготовки, свойственной генеральному штабу (вѣрная оцѣнка обстановки, составленіе плана операцій), могутъ происходить внѣ поля сраженія и составляютъ умственную работу, совершенно неподходящую подъ

условія награжденія орденомъ св. Георгія или Георгіевскимъ оружіемъ. И мы приходимъ къ заключенію, что не только теорія, но и данныя опыта, поскольку онѣ нашли себѣ выраженіе въ Статутѣ ордена св. Георгія, указываютъ, что специальное дѣло генеральнаго штаба заключается въ умственной, научной работѣ надъ выясненіемъ и оцѣнкой обстановки.

Принимая все это во вниманіе, можно ли, подобно г. I. Миклушчу, отрицать специальность у генеральнаго штаба или, подобно гг. II. Злобину, Н. Морозову и др., отрицать самый генеральный штабъ, доказывая, что ему мѣсто въ строю и нигдѣ болѣе? Едва ли. Современная армія немыслима безъ генеральнаго штаба, какъ особаго органа научнаго характера со спеціальной задачей изучать обстановку или, точнѣе, противника, немыслима потому, что въ наше время трудность оцѣнки обстановки возрасла въ чрезвычайной степени, благодаря колоссальнымъ успѣхамъ техники, которыми отмѣченъ XIX вѣкъ. Именно успѣхи техники дали возможность привести на театръ войны и сосредоточить на полѣ сраженія арміи во много сотенъ тысячъ человѣкъ, раздвинули поля сраженія на многіе десятки верстъ, снабдили арміи оружіемъ, доведеннымъ чуть не до предѣловъ совершенства, и техническими средствами, о которыхъ въ Наполеоновское время и мечтать нельзя было. Обстановка нынѣшнихъ войнъ сдѣлалась страшно сложной, и для оцѣнки ея еще менѣе, чѣмъ во времена Наполеона, можно опираться на одинъ только здравый смыслъ. Наполеонъ полагалъ необходимымъ готовиться къ роли полководца путемъ изученія 84 походовъ великихъ полководцевъ, т.-е. путемъ детальнаго ознакомленія съ обстановкой, въ какой имъ приходилось дѣйствовать, и съ рѣшеніями, которыя они въ соотвѣтствіи съ обстановкой принимали и приводили въ исполненіе. Въ наше время этого уже оказывается недостаточнымъ: необходимо еще быть знакомымъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, со всею совокупностью современнаго военнаго дѣла, необходима и извѣстная организація въ дѣлѣ изученія обстановки, такъ какъ по своей сложности оно стало недоступно для отдѣльнаго человѣка. Такой организаціей и явился повсюду генеральный штабъ, спеціальный органъ для изученія противника, обстановки.

И въ нашей арміи такой органъ существуетъ; только вслѣдствіе невыясненія нами истиннаго назначенія генеральнаго штаба онъ у насъ находится въ зачаточномъ состояніи, теряется среди разныхъ штабныхъ и канцелярскихъ должностей и въ нашемъ представле-

ніи вполне ассимилируется съ ними. Я говорю о той сравнительно небольшой группѣ офицеровъ, которые работаютъ въ генералъ-квартирмейстерской части Главнаго управленія генеральнаго штаба, въ окружныхъ штабахъ на должностяхъ окружныхъ генералъ-квартирмейстеровъ и старшихъ адъютантовъ мобилизаціонныхъ, развѣдывательныхъ и отчасти отчетныхъ отдѣленій и, наконецъ, на должностяхъ военныхъ агентовъ. Эти офицеры заняты настоящею службою генеральнаго штаба—изученіемъ обстановки, противника. Песмотря, однако, на исключительную важность ихъ функций, комплектованіе ихъ ведется не планомерно и не въ соотвѣтствіи съ научнымъ характеромъ ихъ занятій, а предоставлено случаю. Работы ихъ контролируются и направляются въ большинствѣ случаевъ недостаточно компетентными инстанціями. Ихъ мало упражняютъ въ ихъ спеціальности, считая ихъ чисто научныя занятія штабными, канцелярскими. Они не выдѣлены въ особую группу съ особою линіею движенія по службѣ, какъ это сдѣлано у насъ для офицеровъ-академиковъ изъ кавалеристовъ, казаковъ и служащихъ по передвиженію войскъ. А между тѣмъ именно относительно ихъ то и слѣдовало бы сдѣлать это прежде всего, такъ какъ именно эта группа офицеровъ и представляетъ собою нашъ генеральный штабъ въ собственномъ значеніи этого слова. И какъ онъ незначителенъ въ сравненіи съ могучей организаціей, какую являетъ собою аналогичный ему по своимъ функциямъ германскій Большой генеральный штабъ!

При такой его мизерности мы, конечно, не въ правѣ ожидать отъ него, чтобы онъ могъ дать намъ еще что-либо, кромѣ выполненія—да и то черезъ пень въ колоду—его прямого назначенія, изученія противника. А между тѣмъ, надлежаще организованный въ соотвѣтствіи съ этимъ своимъ назначеніемъ генеральный штабъ играетъ огромную роль и въ дѣлѣ подготовки высшаго команднаго состава. Мы думаемъ создать контингентъ соотвѣтствующихъ своему назначенію высшихъ строевыхъ начальниковъ, путемъ привлеченія офицеровъ генеральнаго штаба къ службѣ въ строю, установивъ рядъ болѣе или менѣе продолжительныхъ цензовыхъ командованій строевыми частями. Но мы упускаемъ изъ виду, что наши офицеры генеральнаго штаба въ массѣ не имѣютъ ничего общаго со службой и спеціальностью генеральнаго штаба: это просто офицеры, прошедшіе курсъ военной академіи, офицеры съ высшимъ военнымъ образованіемъ, служба которыхъ протекаетъ на самыхъ разнообразныхъ должностяхъ, вездѣ, гдѣ требуются болѣе образован-

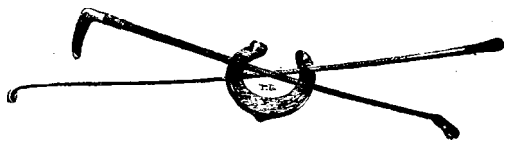
ные, болѣе развитые офицеры. Названіе офицеровъ генеральнаго штаба сохранилось за ними по недоразумѣнію, какъ пережитокъ того времени, когда у насъ была академія генеральнаго штаба, питомцевъ которой по выпускѣ довольно естественно было называть офицерами генеральнаго штаба, хотя они и тогда въ большинствѣ попадали на должности, ничего общаго съ генеральнымъ штабомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣвшія. Теперь же, когда наша академія генеральнаго штаба стала военной академіей, названіе офицерами генеральнаго штаба въ приложеніи къ ея питомцамъ только увеличиваетъ число всякаго рода недоразумѣній, опутывающихъ у насъ вопросъ о генеральномъ штабѣ.

Привлекая къ службѣ въ строю офицеровъ съ высшимъ образованіемъ, мы проводимъ мѣру, несомнѣнно полезную для арміи; но мы жестоко заблуждаемся, если думаемъ при этомъ, что даемъ арміи въ качествѣ кандидатовъ на высшія командныя должности тотъ въ высшей степени цѣнный матерьялъ, который представляютъ собою настоящіе офицеры генеральнаго штаба, соотвѣтственно подобранные и подготовленные спеціалисты по изученію противника, обстановки. Это очевидное заблужденіе, такъ какъ офицеръ, хотя бы и съ высшимъ военнымъ образованіемъ, прослужившій всю жизнь на строевыхъ, штабныхъ и административныхъ должностяхъ, все же можетъ не имѣть тѣхъ знаній, навыковъ и пріемовъ, которые необходимы строевому начальнику на высшихъ строевыхъ должностяхъ, чтобы умѣть правильно оцѣнивать обстановку и дѣлать изъ нея правильные выводы. Это умѣнье въ наше время вырабатывается лишь однимъ путемъ—дѣятельнымъ участіемъ въ научныхъ работахъ учрежденія, занятаго изученіемъ противника, т.-е. генеральнаго штаба, въ истинномъ значеніи этого слова. Не привлеченіемъ офицеровъ генеральнаго штаба къ службѣ въ строю можно создать соотвѣтствующій своему назначенію личный составъ на высшихъ командныхъ должностяхъ, а, наоборотъ, привлеченіемъ выдающихся строевыхъ начальниковъ къ работамъ генеральнаго штаба по изученію противника: это единственная возможность привить строевымъ начальникамъ правильные, научно обоснованные взгляды на военное дѣло вообще, выработать въ нихъ умѣнье правильно оцѣнивать обстановку, дѣлать изъ нея правильные выводы и принимать соотвѣтственно обстановкѣ рѣшенія.

Но привлекать строевыхъ начальниковъ къ работамъ и упражненіямъ генеральнаго штаба возможно лишь тогда, когда самъ ге-

генеральный штабъ организованъ въ соотвѣтствіи со своимъ назначеніемъ, и военно-научныя работы по изученію противника (обстановки) поставлены въ немъ на должную высоту. Такъ и обстоитъ дѣло въ Германіи, напримѣръ. Мы же никоимъ образомъ не можемъ похвастать этимъ: генеральнаго штаба у насъ въ этомъ смыслѣ нѣтъ, такъ какъ этотъ придатокъ къ штабнымъ организаціямъ, который нынѣ несетъ у насъ обязанности генеральнаго штаба, въ военно-научномъ отношеніи крайне слабъ и потому лишень подобающаго ему значенія въ жизни арміи. Зачаточное состояніе нашего генеральнаго штаба надо считать существеннѣйшимъ недостаткомъ организаціи нашей арміи, парализующимъ и правильную подготовку высшаго команднаго состава ея: если онъ не будетъ устраненъ, то можно быть увѣреннымъ, что и въ будущей войнѣ намъ не избѣжать горькихъ разочарованій въ вождяхъ, которые будутъ стоять во главѣ нашихъ войскъ.

Д. Калнинъ.

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

ОЧЕРКЪ 2-й.

Войсковая развѣдка основана на наблюдѣніи «собственнымъ глазомъ войскъ».

Войсковая развѣдка основана на наблюдѣніи «собственнымъ глазомъ войскъ». Изъ одного этого видно, что она представляетъ основной способъ развѣдыванія и что она должна составлять нераздѣльную часть каждаго акта боевой дѣятельности войскъ, какъ для мельчайшей войсковой единицы, такъ и для крупныхъ войсковыхъ соединеній.

Главная цѣль войсковой развѣдки — наблюдѣніе противника «собственнымъ глазомъ войскъ» — заставляеть обратить вниманіе всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, чтобы въ своихъ донесеніяхъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 1.

они рѣзко отдѣляли то, что наблюдалось войсками, отъ свѣдѣній, собранныхъ изъ другихъ источниковъ. Какъ мы увидимъ далѣе, показанія мѣстныхъ жителей могутъ дать цѣнные свѣдѣнія, но при производствѣ войсковой развѣдки они являются лишь подспорьемъ къ лучшему выполнению поставленной задачи.

Наблюденіе «собственнымъ глазомъ войскъ» въ современную эпоху затруднилось.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы уже указали, что современное огнестрѣльное оружіе затруднило наблюденіе со стороны войскъ. Съ одной точки обзора нельзя надѣяться видѣть батальныхъ картинъ прошлаго: громаднхъ биваковъ, большихъ войсковыхъ колоннъ на поляхъ сраженій и т. п. Прежнее наблюденіе съ одной или двухъ точекъ замѣнилось теперь наблюденіемъ съ многочисленныхъ точекъ, причемъ каждое изъ этихъ наблюденій охватываетъ только самый маленькій отрывокъ картины общей обстановки. Вотъ почему важнѣйшимъ условіемъ для ориентированія въ дѣйствіяхъ непріятеля является прочное вѣдреніе войскамъ сознанія необходимости быстрого и самаго широкаго взаимнаго обмѣна сдѣланными наблюденіями ²⁾. Наша минувшая война показала, что въ этомъ отношеніи мы были далеки отъ идеала; часто замѣчалось не только пренебреженіе къ ориентированію своего сосѣда, но даже своего начальника, причемъ забывалось, что въ современныхъ условіяхъ начальникъ крупнаго войскового соединенія не можетъ уже лично наблюдать непріятеля въ той же степени, какъ это было возможно въ эпоху Наполеона, и что поэтому представленія о дѣйствіяхъ непріятеля у него могутъ складываться только изъ донесеній своихъ подчиненныхъ.

Войсковая развѣдка въ настоящее время требуетъ вступленія въ бой.

Наблюденіе за войсками непріятеля затруднилось въ настоящую эпоху еще въ другомъ отношеніи. Дѣйствительность и дальность скорострѣльнаго оружія значительно увеличили разстояніе, на которомъ вынужденъ держаться наблюдатель; часто только

²⁾ Японскій полевой уставъ изд. 1907 г. въ § 19 подчеркиваетъ необходимость постояннаго обмѣна свѣдѣній между сосѣдними частями.

звукъ выстрѣла и понесенныя потери явятся единственными показателями присутствія противника.

Подобная обстановка неизбежно приводитъ къ тому, что съ одной стороны «проникновеніе» войсковою развѣдки вглубь крайне затруднилось и что съ другой стороны, для выясненія установившагося огневого контакта, требуется проявленіе силы, т.-е. вступленіе въ бой.

Для того, чтобы обнаружить противника, развѣдывательная часть должна его нащупать, надавить, иначе она рискуетъ быть введенной въ заблужденіе небольшими развѣдывательными непріятельскими частями.

Удаленіе, съ котораго приходится наблюдать, увеличиваетъ потребность обзора во многихъ точкахъ, а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что установленное въ одномъ мѣстѣ соприкосновеніе требуетъ дальнѣйшаго развитія и расширенія. Вслѣдствіе этого поддержаніе установленнаго соприкосновенія съ непріателемъ тоже нуждается въ силѣ. Только что сказаннымъ объясняется эволюція во взглядахъ, происшедшая въ послѣднихъ изданіяхъ полевыхъ уставовъ всѣхъ армій: проявленію силы при веденіи войсковою развѣдки придается все большее значеніе; это особенно отчетливо отражается на пріемахъ развѣдывательной работы конницы; въ послѣднее время особое вниманіе обращается на возможность поддержки развѣздовъ и развѣдывательныхъ частей для своевременнаго проявленія съ ихъ стороны силы.

Необходимость для установленія соприкосновенія съ противникомъ примѣненія силы заставить въ будущей войнѣ часто прибѣгать къ усиленнымъ рекогносцировкамъ. Какъ извѣстно, многія теоретическія изслѣдованія отрицаютъ значеніе усиленныхъ рекогносцировокъ, какъ отдѣльныхъ актовъ; они признаютъ усиленную рекогносцировку, только какъ прелюдію общаго боя ³⁾. Въ прежнихъ условіяхъ веденія войны (напр. въ Наполеоновскую эпоху) подобная точка зрѣнія была совершенно справедливой; усиленная рекогносцировка производилась для того, чтобы заставить противника развернуть свои главные силы, для выясненія же соприкосновенія съ непріателемъ она была не нужна; послѣднее легко достигалось обозрѣніемъ передовыхъ частей противника, которое, благодаря малой дѣйствительности и небольшой дальности огня, не

³⁾ На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ англійскій полевой уставъ, см. § 2.

было затруднено и облегчалось тѣмъ, что войска не стѣснялись двигаться и располагаться въ массивныхъ строяхъ. Въ настоящую же эпоху усиленные рекогносцировки нужны для самаго нацупыванія вѣшняго контура противника. Кавалерія часто окажется безсильной; ее должны будутъ замѣнить пѣхотныя части, поддержанныя артилеріей. Идея «*détachements mixtes*», проповѣдуемая французской военной литературой, не носитъ исключительно охранительнаго характера; эти «*détachements mixtes*» должны служить также и для развѣдывательныхъ цѣлей. Отличіе усиленныхъ развѣдокъ въ современную эпоху отъ усиленныхъ развѣдокъ въ минувшее время и заключается въ томъ, что онѣ не задаются цѣлью заставить противника обнаружить свои резервы, а преслѣдуютъ задачу—опредѣлить степень сопротивленія передовыхъ непріятельскихъ частей и установить съ ними прочное соприкосновеніе.

Необходимость частаго примѣненія силы при веденіи войсковой развѣдки въ современную эпоху приводитъ къ тому, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, самыя вѣрныя данныя о противникѣ даетъ бой. Поэтому, какъ при завязкѣ боя, такъ и въ самомъ бою, особенно необходимъ быстрый и непрерывный обмѣнъ добытыми свѣдѣніями. Крайне желательно, чтобы нашъ полевой уставъ подчеркнул эту мысль, потому что, только при настойчивомъ привитіи этой простой мысли въ мирное время, войска будутъ выполнять ее въ военное. Вниманіе войскъ, ведущихъ бой, настолько напрягается и приковывается къ ближайшимъ частнымъ задачамъ, что упущеніе интересовъ высшаго командованія случается болѣе чѣмъ часто. Всѣ иностранные полевые уставы сочли нужнымъ подчеркнуть значеніе боя для войсковой развѣдки. Они особенно настойчиво требуютъ быстрѣйшаго донесенія послѣ окончанія или прерыва каждаго столкновенія съ противникомъ. Нѣмецкій, австрійскій, японскій уставы предписываютъ съ этою цѣлью не ожидать выясненій всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для подробнаго отчета о боѣ, а немедленно же посылать краткое донесеніе съ указаніемъ: какія непріятельскія части были противъ, въ какомъ состояніи находится противникъ, какіе пункты онъ занимаетъ или въ какомъ направленіи онъ отступилъ. Особенное значеніе этимъ немедленнымъ краткимъ донесеніямъ о боѣ придаютъ, послѣ опыта войны 1904—5 гг., японцы; §§ 18 и 19 ихъ полевого устава 1907 г. говорятъ:

«Самыя вѣрныя данныя о противникѣ дасть бой; поэтому старшему начальнику особенно важно немедленно получить донесенія отъ тѣхъ частей, которыя имѣли столкновеніе съ противникомъ...»

«Отчетъ о боѣ имѣетъ первостепенное значеніе.... Всякая отсрочка послышки этого отчета уменьшаетъ его цѣнность. Поэтому его слѣдуетъ посылать немедленно, не дожидаясь того момента, когда окажется возможнымъ отвѣтить на всѣ поречисленные выше вопросы. Его можно будетъ пополнить впоследствии».

«Въ безотлагательныхъ случаяхъ, одновременно съ отправкой отчета непосредственному начальнику, слѣдуетъ посылать его старшимъ начальникамъ. слѣдуетъ также оповѣстить тѣ войска, котрымъ непосредственно угрожаетъ непріятель. Когда отчетъ отправленъ одновременно нѣсколькимъ инстанціямъ, то объ этомъ помѣчается на каждомъ экземплярѣ. Если условія времени вынуждаютъ въ данный моментъ миновать кого нибудь изъ промежуточныхъ начальниковъ, то слѣдуетъ отправить ему этотъ отчетъ при первой возможности, оговоривъ, что онъ уже пошелъ въ такіе-то высшіе штабы».

Войсковая развѣдка даетъ «контуръ».

Дальнобойность современнаго оружія чрезвычайно затруднила «проникновеніе» войсковой развѣдки вглубь непріятельскаго расположенія. Поэтому отъ войсковой развѣдки можно требовать только обрисовку фронта и фланговъ района, занятаго непріятелемъ; послѣднее, для сокращенія, условимся называть «контуромъ» противника. Но нужно сказать, что даже подобное ограниченіе роли войсковой развѣдки не уменьшаетъ ея значенія, какъ главнаго средства ориентированія въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ.

Если принять въ основу тотъ оперативный методъ, о которомъ говорилось на первыхъ страницахъ настоящаго выпуска, и отказаться отъ предпосылки своимъ расчетамъ гаданія за непріятеля, то станетъ понятнымъ, что при дѣйствіяхъ крупныхъ войсковыхъ соединеній важнѣйшими вопросами, относящимися къ непріятельскимъ дѣйствіямъ, являются: удаленіе противника, его фронтъ и фланги.

Несомнѣнно, что рядомъ съ этими вопросами, по мѣрѣ сближенія съ противникомъ, все большее и большее значеніе приобретаетъ вопросъ о группировкѣ непріятельскихъ войскъ за установ-

ленной линіей соприкосновенія. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не согласиться, что необходимость опредѣленія «контура» непріятеля этимъ не исключается. Напротивъ того, войсковая развѣдка, обволакивая расположеніе противника, даетъ возможность, до нѣкоторой степени, предугадывать и его группировку.

При опредѣленіи «контура» непріятеля необходимо различить два типа соприкосновенія: 1) съ непріятельскою пѣхотой, 2) съ его кавалеріей.

Соприкосновеніе перваго типа имѣетъ первостепенное значеніе для установленія того, что мы назвали непріятельскимъ контуромъ. Пѣхотныя части не отдѣляются далеко отъ главной массы войскъ; «наружныя» пѣхотныя части представляютъ собою авангарды, аррьергарды, боковые охраняющіе отряды; такимъ образомъ, соприкосновеніе съ ними позволяетъ съ очень большою долею вѣроятія, при внимательномъ изученіи сѣти дорогъ, опредѣлить мѣсто прикрываемыхъ ими колоннъ. Съ другой стороны, фронтъ охраняющихъ частей тоже позволяетъ съ большою долею вѣроятія опредѣлить величину силъ, отъ которыхъ высланы эти охраняющіе отряды.

Вотъ почему слѣдуетъ обратить особое вниманіе на обязательность немедленной посылки донесеній всякій разъ, когда установлено присутствіе на новомъ направленіи пѣхотныхъ частей противника; эти донесенія имѣютъ большое значеніе для всѣхъ командныхъ инстанцій, а потому должны возможно быстрѣ передаваться вверхъ.

Контакты второго типа, т.-е. съ конницей противника, имѣютъ менѣе общее значеніе; они представляютъ, главнымъ образомъ, интересъ для ближайшихъ нашихъ частей. Въ виду подвижности, присущей конницѣ, и характера развѣдывательной ея работы, соприкосновенія, установленныя съ непріятельскою кавалеріей, сильно измѣняютъ общее очертаніе по сравненію съ контуромъ, обведеннымъ вокругъ передовыхъ пѣхотныхъ частей; послѣдній, какъ мы говорили выше, даетъ возможность составить себѣ представленіе о группировкѣ противника, соприкосновеніе же съ конницей служить только указаніемъ на присутствіе непріятеля въ данномъ районѣ.

Разсматривая вопросъ о «контурѣ» непріятеля, необходимо еще указать на значеніе, которое имѣютъ для его установленія донесенія, «отрицающія» присутствіе противника въ опредѣленныхъ

пунктахъ или на опредѣленныхъ направлѣнiяхъ. Особенно серьезное значенiе имѣють подобныя донесенiя, когда они относятся къ районамъ, прилегающимъ къ нашимъ и непрiятельскимъ флангамъ.

Въ будущихъ войнахъ войсковая развѣдка встрѣтитъ все большiя и большiя затрудненiя; дальнѣйшее усовершенствованiе баллистическихъ свойствъ оружiя еще увеличитъ отдаленность наблюденiя; изобрѣтенiе глушителей къ ружьямъ, уменьшивъ звукъ выстрѣла, сдѣлаетъ опредѣленiе его направлѣнiя очень труднымъ. Но тѣмъ не менѣе войсковая развѣдка *всегда* останется *главнымъ и незамѣнимымъ* средствомъ для ориентированiя въ дѣйствiяхъ противника. «Контуръ» послѣдняго можетъ дать *только* войсковая развѣдка, потому что, какъ мы уже говорили, какъ разъ усовершенствованiе огнестрѣльнаго оружiя требуетъ для установленiя и поддержанiя соприкосновенiя силу.

Войсковая развѣдка даетъ возможность захвата плѣнныхъ и «вещественныхъ доказательствъ».

Если бы данныя войсковой развѣдки ограничивались только опредѣленiемъ непрiятельскаго «контура», и тогда мы имѣли бы право заключить, что никакiя изобрѣтенiя въ области воздухоплаванiя и летанiя не уменьшаютъ значенiя войсковой развѣдки (слѣдовательно, также и кавалерiи), потому что установить «контуръ» противника можетъ только она.

Но кромѣ того войсковая развѣдка является еще и въ другомъ отношенiи цѣннымъ и незамѣнимымъ средствомъ ориентированiя въ непрiятельскихъ дѣйствiяхъ. Она даетъ возможность захватывать плѣнныхъ, а также предметы непрiятельскаго снаряженiя, обмундированiя, документы и т. п.

Захватъ плѣнныхъ въ войнахъ настоящей эпохи получаетъ *особенное значенiе*. Мы говорили уже выше, что каждая изъ воюющихъ сторонъ вынуждена избѣгать нарушенiя установленнаго въ мирное время боевого расписанiя войскъ, а потому выясненiе къ какимъ частямъ принадлежатъ плѣнные является цѣннымъ указателемъ группировки непрiятельскихъ войскъ.

О томъ, какое огромное значенiе придавалъ этимъ даннымъ генераль Мольтке, свидѣтельствуетъ та настойчивость, съ которою онъ требовалъ съ самаго начала войны 1870—71 гг. отъ войско-

выхъ частей быстрого донесенія о номерахъ полковъ, къ которымъ принадлежатъ плѣнные французы.

Въ телеграмѣ отъ 25-го іюля 1870 г. въ 10 ч. 30 м. утра, посланной въ Саарбрюкенъ подполковнику Пестель, говорится: «немедленно телеграфируйте сюда №№ частей плѣнныхъ, убитыхъ, дезертировъ...» Копія этой телеграммы была направлена командиру VIII корпуса въ Кобленцъ съ предписаніемъ приказать всемъ войсковымъ частямъ, выдвинутымъ къ границѣ, немедленно и *непосредственно* доносить въ штабъ главнокомандующаго о номерахъ полковъ, къ которымъ принадлежатъ плѣнные. 27-го іюля 1870 г. всѣмъ командующимъ арміями и командирамъ корпусовъ было отправлено приказаніе: «послѣ каждаго боя доносить безъ промедленія номера полковъ плѣнныхъ; генераловъ и штабъ-офицеровъ указывать по фамиліямъ». Наконецъ, 28-го іюля 1870 г. командиру VIII корпуса вновь адресуется телеграмма: «предпишите частямъ войскъ непосредственно мнѣ телеграфировать всѣ свѣдѣнія о противникѣ, особенно о столкновеніяхъ; насколько это возможно—сообщать номера полковъ».

Японцы тоже придавали особое значеніе выясненію номеровъ полковъ, къ которымъ принадлежатъ плѣнные и убитые ⁴⁾. Для того, чтобы затруднить это выясненіе намъ, японскій главнокомандующій приказалъ своимъ войскамъ снять наружныя отличія частей, а именно—во всѣхъ частяхъ погоны, а въ резервныхъ также и цифры на воротникахъ мундировъ ⁵⁾. Это распоряженіе маршала Ойямы сильно затруднило нашу развѣдывательную работу.

Нужно быть готовымъ къ тому, что и въ будущей войнѣ наши противники не откажутся примѣнить эту мѣру. Въ этомъ случаѣ захватъ плѣнныхъ явится неоцѣнимою помощію. Умѣлый опросъ ихъ и внимательный осмотръ обмундированія и снаряженія дадутъ необходимыя указанія для опредѣленія номеровъ войсковыхъ частей.

⁴⁾ Японцы въ своемъ полевомъ уставѣ, изданномъ послѣ войны 1904—5 гг. сочли нужнымъ выдѣлить эту мысль; въ § 57 говорится: «важно захватить возможно болѣе плѣнныхъ, такъ какъ можно опредѣлить распредѣленіе и размѣщеніе непріятельскихъ силъ по тѣмъ войсковымъ частямъ, къ которымъ эти плѣнные принадлежатъ».

⁵⁾ Приказъ этотъ былъ отредактированъ такъ: «дабы не обнаруживать силъ и состава нашей арміи, снять погоны, а въ резервныхъ частяхъ также цифры на воротникахъ мундировъ у нижнихъ чиновъ».

Такимъ образомъ, захватъ плѣнныхъ въ будущей войнѣ является въ полномъ смыслѣ слова «добычей языка». Посредствомъ его войсковая развѣдка получить возможность, въ дополненіе къ «контурѣ», опредѣлять также и группировку войскъ противника, съ которыми установлено соприкосновеніе. Какъ указываетъ опытъ Русско-японской войны, войсковая развѣдка, при посредствѣ захвата плѣнныхъ и «вещественныхъ доказательствъ». *вполнѣ устанавливала расположеніе выдвинутыхъ въ первую линію дивизій.*

Какъ много можетъ дать умѣлый опросъ плѣнныхъ можно убедиться, изучая сводки свѣдѣній о противникѣ, изданныя развѣдывательными отдѣленіями штабовъ нашихъ Манчжурскихъ армій. Для примѣра приведемъ выдержки изъ двухъ подобныхъ сводокъ, составленныхъ въ штабѣ 2-й Манчжурской арміи.

Изъ сводки свѣдѣній къ вечеру 20-го апрѣля 1905 г.

«По показаніямъ плѣнныхъ, штабъ 7-й дивизіи стоитъ въ Факумынѣ, штабъ 1-й дивизіи около 18 верстъ южнѣ Тунцзягоу, 9-я дивизія расположена къ востоку отъ 1-й до желѣзной дороги; одинъ изъ плѣнныхъ говоритъ, что въ резервѣ 3-й арміи стоитъ 3-я дивизія; онъ видѣлъ дивизію около перехода южнѣ д. Ацинюроба.

Въ штабѣ 1-й дивизіи плѣнный былъ при штабѣ 7-й дивизіи состоитъ одинъ эскадронъ 1-го полка и потому плѣнный про нее знаетъ точно; гдѣ стоитъ 9-я дивизія плѣнный слышалъ. Раньше, когда онъ находился при штабѣ арміи Ноги, ему приходилось возить во всѣ три дивизіи пакеты и около 10-го апрѣля вся армія была въ окрестностяхъ с. Лювантунъ (Рюотонъ по-японски), примѣрно около половины дороги между Мукеденомъ и Факумынемъ. Въ это время дивизіи стояли въ такомъ порядкѣ: 9-я почти у желѣзной дороги, къ западу отъ нея; рядомъ съ 9-й—1-я; крайняя западная, 7-я, стояла на дорогѣ на Факумынъ. Плѣнный слышалъ, что штабъ генерала Нодзу въ Тъелинѣ и что въ резервѣ 4-й арміи стоитъ 8-я дивизія. Про резервныя части плѣнный ничего не знаетъ.

Въ общемъ показанія плѣнныхъ освѣщаютъ до нѣкоторой степени группировку японскихъ армій. Свѣдѣнія о 8-й и 3-й дивизіяхъ указываютъ на то, что армія Оку, на фронтѣ необнаруженная, стоитъ въ резервѣ за арміей Ноги: плѣнный говоритъ, что 3-я ди-

визія принадлежит не къ 3-й арміи, а дана ей въ резервъ изъ другой арміи; про 8-ю дивизію, стоящую за 4-й арміей, тоже говорить, что она принадлежит не къ арміи Подзю.

.... Показанія плѣнныхъ указываютъ какъ будто на то, что 3-я и 8-я дивизіи вошли въ составъ 2-й арміи; въ этомъ случаѣ вѣроятно, что 5-я дивизія также входитъ въ составъ 2-й арміи, такъ какъ она примыкала (во время Мукденской операціи) къ правому флангу 8-й. Этотъ выводъ подтверждается и ходомъ операціи...»

Изъ сводки свѣдѣній о противникѣ къ вечеру 8-го августа 1905 г.

«По ихъ (плѣнныхъ) словамъ въ с. Пабаотунъ стоитъ 35-й пѣх. полкъ, часть 9-го кавалерійскаго полка и (показаніе одного плѣннаго) часть 1-го кавалерійскаго полка. 7-й пѣх. полкъ стоитъ къ западу отъ с. Цзиньцятунъ, штабъ 6-й бригады въ с. Пабаотунъ; штабъ дивизіи (9-й) въ с. Лянцзыцзы (10—12 верстъ южнѣе Цзиньцятунъ). 19-й и 36-й полки расположены верстъ 5 сѣвернѣе штаба дивизіи. По слухамъ, къ востоку отъ 9-й дивизіи стоитъ 4-я дивизія, къ западу 7-я дивизія. Гдѣ стоитъ 1-я дивизія и резервныя части—плѣнные не знаютъ.

Показанія плѣнныхъ..., въ связи съ прежними свѣдѣніями, вполне выясняютъ расположеніе японскихъ дивизій первой линіи. Оно вполне совпадаетъ съ расположеніемъ, указаннымъ въ сводкѣ штаба главнокомандующаго № 93.

Изъ показаній тѣхъ же плѣнныхъ видно, что въ с. Сяотацзы расположены части другой дивизіи, не 9-й. Можно предположить, что тамъ расположены части 1-й дивизіи; косвеннымъ подтвержденіемъ предположенія, что 1-я дивизія стоитъ за 9-й, служитъ показаніе, что часть 1-го кавалерійскаго полка стоитъ въ Пабаотунъ.

Показанія тѣхъ же плѣнныхъ ясно обрисовали организацію японскихъ запасныхъ частей и объяснили какъ могли попадаться документы (бляхи, книжки... съ надписью «запасный баталіонъ, 6, 9 и т. под. рота»). По ихъ словамъ... въ (запасномъ) баталіонѣ число ротъ колеблется, иногда доходитъ до 12 ротъ, въ ротѣ около 200 человѣкъ.

Въ запасный баталіонъ попадаютъ всѣ нижніе чины, предназначенные для пополненія полка, какъ выздоровѣвшіе раненые и больные, такъ и новобранцы и запасные. Срокъ пребыванія въ баталіонѣ различный; новобранцы обучаются въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

По мѣрѣ надобности изъ запаснаго баталіона посылаются въ полкъ команды пополненія, которыя по прибытіи къ полку немедленно расформируются и люди распределяются по ротамъ. Бляхи и книжки выдаются въ запасномъ баталіонѣ и не замѣняются въ полку.

О какихъ либо запасныхъ людяхъ при полку плѣнные не слышали и говорятъ, что таковыхъ нѣтъ. Въ ротахъ теперь 200 съ небольшимъ нижнихъ чиновъ и до 5 офицеровъ, изъ нихъ 2—3 заурядъ-прапорщика. Всего въ (ихъ) полкъ послѣ Мукденскаго сраженія пришло изъ запаснаго баталіона до 1.200 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ половина новобранцевъ, половина людей 33—37 лѣтняго возраста.

Всѣ взятые плѣнные (6 человекъ), прибывшіе изъ запаснаго баталіона, отвѣчаютъ на вопросы охотно, противорѣчій въ ихъ показаніяхъ нѣтъ и не вѣрить имъ нѣтъ основаній.

Изъ другихъ показаній плѣнныхъ слѣдуетъ отмѣтить, что при 35-мъ пѣхотномъ полку состоятъ 4 пулемета.

7-го августа въ отрядѣ генераль-адъютанта Мищенко взятъ плѣнный...; по его показаніямъ 15-я резервная бригада мѣсяць тому назадъ стояла у г. Синминтина. Отрядъ Акіямы усиленъ, къ нему присоединились 8-й и 18-й драгунскіе полки. №№ этихъ полковъ весьма интересны: 8-й полкъ даетъ еще подтвержденіе предположенію, что 8-я дивизія передвинута на лѣвый флангъ японскихъ армій.

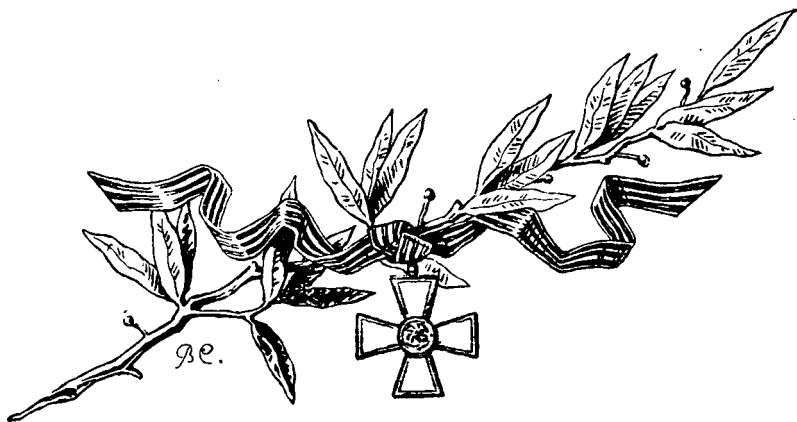
18-й полкъ — полкъ вновь сформированный; его присутствіе подтверждаетъ, что на Манчжурскій театръ прибыла часть (или вся) вновь сформированной дивизіи; о ея номерѣ можно пока только гадать: у японцевъ было 16 полковъ, 18-й по номеру — второй изъ вновь сформированныхъ, возможно, что онъ приданъ 2-й по номеру изъ новыхъ дивизій, т. е. 14-й, такъ какъ о 13-й дивизіи свѣдѣнія получались ужъ давно (повидимому она на правомъ флангѣ японскихъ армій); присутствіе 18-го полка указываетъ какъ будто на то, что на театрѣ войны уже не менѣе 2-хъ вновь сформированныхъ дивизій. Гдѣ расположена 14-я дивизія никакихъ свѣдѣній нѣтъ (всѣ разсужденія, связанныя съ 18-мъ драгунскимъ полкомъ чисто гадательны)»⁶⁾.

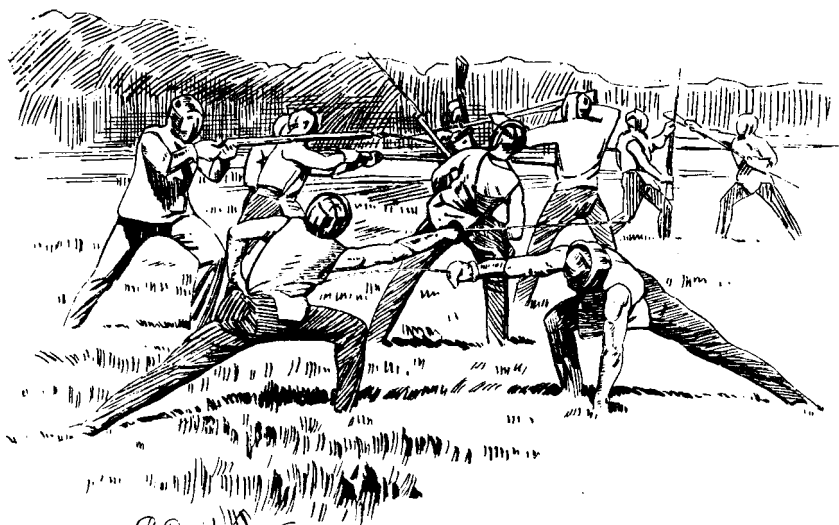
⁶⁾ См. далѣе: стр. 30 и 31, заполненный опросный листъ штаба 2-й Манчжурской арміи.

Изъ изложеннаго видно, какое громадное значеніе для использования результатовъ войсковой развѣдки получаютъ умѣлые опросы плѣнныхъ и разсмотрѣніе захваченныхъ «вещественныхъ доказательствъ». Въ виду этого мы и остановимся нѣсколько на этихъ вопросахъ.

Н. Голобинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Стружков
1914

Рознь или братство?

Какъ странно поднимать этотъ вопросъ? Рознь или братство между различными частями, различными родами войскъ одного и того же организма арміи? Пушка и ружье, вѣдь это двѣ руки одного и того же субъекта, только отъ рожденія одна рука короче, т.-е. ружье стрѣляетъ мѣтко, но недалеко и мало разрушаетъ, пушка—рука длинная—стрѣляетъ мѣтко, далеко и разрушительно. Сложите эти данныя вмѣстѣ и получите гармоничное цѣлое; одинъ поглотитъ и нивелируетъ слабыя стороны другого, выдвигая впередъ сильныя. Артиллеристъ и пѣхотинецъ. Артиллеристъ—человѣкъ при машинѣ, пѣхотинецъ—человѣкъ съ машинкой; одинъ расчищаетъ огнемъ дорогу къ врагу, другой, благодаря этому, быстрѣе достигаетъ того же врага. Одинъ стрѣляетъ, но себя защитить не можетъ, другой защищаетъ не только себя, но и обязанъ защищать друга-пушку. Одинъ, т.-е. пѣхотинецъ, пролѣзаетъ во всякую щель, другого—пушку—сплошь и рядомъ надо тащить. Попробуйте обособить эти два рода войскъ, попробуйте поставить между ними перегородку, порвите между ними моральную связь, заставьте ихъ говорить на разныхъ языкахъ и въ

результатъ лишняя пролитая кровь на бранныхъ поляхъ — на лицо.

Кавалеристъ и пѣхотинецъ. Первый пользуется четырьмя ногами, второй—двумя. Отсюда теоретически скорость перваго велика, скорость втораго мала. Одинъ налетитъ, но не удержитъ, другой подбѣжитъ и закрѣпитъ. Снова гармонія, снова взаимодействіе, снова одинъ безъ другаго—половина успѣха.

Все это азбука; не стоило бы и заниматься повтореніемъ начальныхъ буквъ военнаго дѣла, если бы въ дѣйствительности единеніе ружья, пушки и коня было такой силы, про которую въ былинѣ говорится: за голову взялъ—голова прочь; за руку взялъ—рука прочь; если бы въ дѣйствительности это единеніе вошло въ плоть и кровь каждаго изъ членовъ великой братской семьи независимо отъ мундира, который падѣтъ на немъ.

Увы, жизнь арміи говоритъ иное, и сколько разъ приходилось слышать, читать, безконечно спорить, доказывая, что воинству русскому нужно братство, а признаки розни налицо.

Въ всенное время, когда налицо «поправка смерти», армія какъ бы просыпается отъ тяжелаго кошмарнаго сна и съ удивленіемъ различныя части ея спрашиваютъ себя: «и что это мы дѣлили въ мирное время—непонятно». Поздно, слишкомъ поздно стремится артиллеристъ въ объятія пѣхотинца, а кавалеристъ скачетъ, чтобы пожать достойную руку подвижнику своему, маленькому, нагруженному человѣчку-пѣхотинцу. То, что не спаяно въ періодъ покоя, то не упадетъ сразу съ неба въ минуту военныхъ бурь. И сколько напраснаго пота, сколько напрасныхъ жертвъ приходится оставлять на бранныхъ поляхъ только потому, что дома полнаго единенія, полной гармоніи, полнаго братства не было.

Какъ часто приходится слышать въ бою возгласъ пѣхоты: А гдѣ же пушка? или: А! наша заговорила.... Сколько боевого смысла въ этихъ словахъ, сколько надеждъ и упованій и непоколебимой увѣренности, что только сообща, дружно, вмѣстѣ, понимая другъ друга, можно дѣло сдѣлать!

Вскорѣ послѣ войны одинъ изъ молодыхъ талантливыхъ художниковъ помѣстилъ серію рисунковъ подъ общимъ названіемъ: «Единая армія». Картина первая: идетъ рота, усталыя потныя лица, многіе съ трудомъ тащатся, чувствуется истома, жажда, зной. Лица сумрачны, недовольны, на что-то злы. Вдали дымки, кусочки ваты на небѣ—это рвется неприятельская шрапнель; кое-кто падаетъ, то

тамъ, то сямъ, тащить или везуть доблестныхъ бойцовъ—это жертвы долга. Подъ картиной подпись: «Все при, да при, а гдѣ же артилерія?»

Картина вторая: батарея на позиціи, орудія выглядываютъ щеголевато, суеты не замѣчается, все спокойно, офицерство въ уголку за кустомъ закусьиваетъ... внизу подпись: «Наше дѣло простое, остановился въ 4-хъ верстахъ и утверждай, что ближе выѣхать невозможно».

Картина третья: скачетъ эскадронъ, вылощенъ, чистенькій, молодцеватый, офицерство франты, у эскадроннаго въ зубахъ сигара, въ рукахъ стекъ. Безподобно веселы и довольны.... Внизу надпись: «Кавалерія родъ оружія благородный, его надо беречь».

Картина четвертая: рота саперъ что-то копаешь, усиленно трудится, безъ оружія, душа на распашку, офицерство на травкѣ въ кучкѣ, мирно ведетъ бесѣду. Все кругомъ тихо, покойно.... Внизу подпись: «Наше дѣло копаться; на то пѣхота, чтобы сражаться».

Картина пятая: стоитъ начальникъ отряда, растерянная физиономія, руки безпомощно разведены. На лицѣ недоумѣніе.... Внизу подпись: «Каждый молодецъ на свой образецъ, вотъ и воюй».

Краски сгущены, пахнетъ шаржемъ, но, согласитесь, значительная доля правды есть.

Отрядъ изъ трехъ родовъ войскъ надеженъ въ бою только тогда, когда онъ состоитъ изъ людей, проникнутыхъ нравственной связью, когда онъ образуетъ товарищество. Лишь при такой связи явится въ немъ круговая порука, увѣренность во взаимной поддержкѣ, и часть будетъ представлять слитную, цѣлую единицу. На войнѣ осуществленіе этого—громадная данная успѣха. Офицерство съ одного конца Россіи и до другого должны быть братскимъ, рыцарскимъ сословіемъ. Офицеръ долженъ быть офицеромъ; если же приходится при этомъ спрашивать какой (т.-е. артилеристъ, пѣхотинецъ или кавалеристъ), то онъ самъ не знаетъ, какими глазами на себя смотрѣть. Осуществленъ ли этотъ принципъ въ арміи? Къ сожалѣнію, нѣтъ. И въ повседневномъ обиходѣ службы и быта войскъ чаще приходится наблюдать рознь, чѣмъ признаки братства. Гдѣ-же источники этой розни, гдѣ корни ея?

Мнѣ думается, что сѣмена розни находятся въ различныхъ источникахъ комплектованія офицерами нашей арміи, причемъ образовательный цензъ этихъ источниковъ еще такъ недавно былъ крайне разнообразенъ. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ наша армія

получала своихъ офицеровъ изъ двухъ резервуаровъ, а именно: 1) изъ юнкерскихъ училищъ и 2) изъ военныхъ училищъ. Изъ юнкерскихъ училищъ выходило большинство, потому что этихъ учебныхъ заведеній было много, изъ военныхъ—меньшинство. Первые комплектовали пѣхоту и конницу, вторыя—пѣхоту, артилерію, саперъ и кавалерію. Юнкерскія училища прежняго типа по программамъ стояли значительно ниже военныхъ. Кромѣ того, въ юнкерскія училища, главнымъ образомъ, пріемъ былъ, такъ называемый, со стороны, т.-е. ихъ комплектовали юношами различныхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, неокончившими курса и прослужившими въ войскахъ положенное время вольноопредѣляющимися. Въ кадетскихъ корпусахъ эта молодежь не была, т.-е. основы военного воспитанія съ малыхъ лѣтъ не получала, а таковое на-сѣхъ давалось въ теченіе 2-лѣтняго курса юнкерскаго училища.

По образованію юнкерскія училища пополнялись двумя сортами молодыхъ людей: вольноопредѣляющимися 1-го и 2-го разряда. Первый сортъ—какъ будто бы указываетъ, что это что-то отборное. Увы, нѣтъ. Это былъ самый слабый элементъ юнкерскихъ училищъ. Это тѣ самые Вани, Коли, которые не желали учиться въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и родители рѣшили отдать ихъ «въ юнкера».

Вольноопредѣляющіеся 2-го разряда, второго сорта, поступавшіе въ юнкерскія училища, представляли особую группу. Въ подавляющемъ большинствѣ это не были «неудачники», выгнанные изъ различныхъ заведеній. Это были субъекты черстватаго чернаго хлѣба люди, незнавшіе, что такое лишній грошъ, въ большинствѣ, дома неимѣвшіе понятія о правильной, спокойной жизни съ комфортомъ и излишествами. Эти молодые люди выдержали экзаменъ на 2-й разрядъ или окончили городскія училища.

Городскія училища—это тѣ учебныя заведенія въ Россіи, которыя въ педагогическомъ отношеніи достигли такого расцвѣта, который въ тѣ времена и не снился нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Курсъ невеликъ, но онъ такъ систематиченъ, такъ логически построенъ и такъ основательно, что представлялъ изъ себя прочный фундаментъ, на которомъ можно строить какое угодно зданіе. Юнкерскія училища и строили таковой. Вся эта молодежь лбомъ, силой пробивала брешь. Знаніями, трудомъ, терпѣніемъ, преодолевая часто нищету, заняли они побѣдоносно казенный уголокъ на школьной скамьѣ юнкерскаго училища. Они знали

цѣну жизни, передъ ними не было скрыть міръ и въ немъ почерпнули они великую, но старую истину: «Въ трудѣ познаешь ты счастье свое».

Все это положительныя стороны, но были и отрицательныя. Масса этой молодежи, заполнявшей ряды пѣхоты въ арміи получила малую дозу общаго развитія и минимальную—военнаго. Багажъ былъ невеликъ, онъ годился для чернаго, повседнежнаго труда, но не могъ поспѣть за головокружительнымъ прогрессивнымъ движеніемъ, по которому шла русская армія, и въ итогѣ этотъ сортъ офицерскаго кадра отсталъ. Кроме того, въ массѣ эта офицерская среда не могла претендовать на рыцарское сословіе, однородное по происхожденію, а скорѣе больше подходила къ демократическому типу. Армія получала свыше 60% офицеровъ, кончившихъ юнкерскія училища; не мало было войсковыхъ пѣхотныхъ частей, въ которыхъ весь офицерскій составъ былъ сплошь изъ этой категоріи училищъ. Такъ комплектовалось ядро арміи, главный родъ войскъ—пѣхота.

Другой резервъ пополненія былъ въ видѣ военныхъ училищъ. Это совершенно иная категорія: съ 10-ти лѣтъ мальчугана облачали въ форму и сажали на школьную скамью кадетскаго корпуса, и онъ твердо зналъ, что черезъ девять лѣтъ надѣнетъ офицерскія эполеты. Семь лѣтъ онъ былъ въ корпусѣ на попеченіи казны, не зная, что значитъ истратить собственный грошъ; юношей онъ переходилъ на слѣдующую скамью, въ военное училище. По происхожденію все это въ массѣ были дѣти военныхъ, т.-е. будущіе офицеры, и уже являлись какъ бы однородной семьей. Военное воспитаніе начиналось съ юныхъ лѣтъ и, постепенно развиваясь, шло на протяженіи девяти лѣтъ. Худо ли, хорошо ли, будущаго воина специализировали, его тренировали въ извѣстномъ направленіи, ему дѣлали извѣстныя прививки, именуемыя кадетскими традиціями. Уходъ за его тѣломъ, надзоръ за душой были изумительны по той массѣ труда и энергій педагогическаго персонала, который затрачивался на будущаго фендриха.

Военныя училища принимали въ свои стѣны окончившихъ среднія учебныя заведенія, т.-е. кадетскіе корпуса. Наліцо была однородная подготовка, какъ бы общая трафаретная нивелировка знаній. На этомъ фундаментѣ военныя училища шли дальше, заполняя умственный багажъ учащагося спеціальными и другими нужными ему знаніями. Черезъ два или три года юноша былъ готовъ,

вспоенъ, накормленъ и съ наполненнымъ мозгомъ входилъ въ ряды арміи. Военныя училища поставили офицеровъ въ пѣхоту (по сравненію съ юнкерскими училищами очень немного) и заполняли сплошь артилерію, саперъ и бѣольшую часть кавалеріи.

Такимъ образомъ изъ двухъ резервуаровъ комплектованія въ ряды арміи вступали офицеры двухъ типовъ, чрезвычайно рѣзко отличныхъ другъ отъ другаго и по образованію и по воспитанію и даже по происхожденію. Естественно, что они заговорили на разныхъ языкахъ. Естественно, что въ арміи появились офицеры различной степени превосходства.

Кончившій военное училище считалъ себя выше, а при свойственномъ молодежи самолюбіи на своего собрата юнкерскаго училища смотрѣлъ съ извѣстной долей пренебреженія, свысока.

Долгіе годы мира (съ Турецкой кампаніи и до Японской 28 лѣтъ) являлись неблагопріятной данной для единенія и братства: отсутствіе войнъ—«поправки смерти», которыя разомъ рушатъ эти перегородки и средостѣнія, весьма мало содѣйствовало сліянію офицера въ единый типъ, служащій одному дѣлу и исповѣдующій единый военный катехизисъ.

Кромѣ того и между офицерами второго резервуара, т.-е. военныхъ училищъ, появились признаки розни, которые культивировались, увеличивались. Офицеръ-артилеристъ, получившій почетное назначеніе состоять при пушкѣ—этомъ тонкомъ инструментѣ, получившій специальное образованіе, получившій право нести службу на конѣ, смотрѣлъ на своего брата-пѣхотинца, какъ на обездоленнаго судьбой, котораго обидѣли, заставивъ всю жизнь «пылить»,

Офицеръ-кавалеристъ, воспріявшій славныя традиціи былыхъ гусаръ и уланъ, носившій красивую, изящную форму, такъ отвѣчавшую его молодому, бурному самолюбію, смотрѣлъ на своего брата-пѣхотинца съ отбѣнкомъ гордаго сознанія, хотя и мнимого, но все же превосходства.

Саперъ, какъ и артилеристъ, гордился передъ пѣхотой своимъ бархатнымъ воротникомъ. Появилась странная картина: члены одного и того же организма бунтовали, каждый считалъ себя обособленнымъ, самимъ по себѣ.

Насколько тяжело отразилось на арміи комплектованіе громаднаго большинства офицеровъ лицами, вышедшими изъ юнкерскихъ училищъ, видно изъ слѣдующихъ грустныхъ статистическихъ данныхъ.

Къ 1-му іюня 1908 года въ русской арміи состояло капитановъ 6.405; изъ нихъ:

Съ образованіемъ ниже средняго	4.897.	76,5%
„ „ среднимъ	23,5%

Въ конницѣ къ тому же періоду всего ротмистровъ было 463 изъ нихъ:

Съ образованіемъ ниже средняго	303.	65,5%
„ „ среднимъ	34,5%

Въ періодъ съ 1900 по 1905 годъ изъ капитановъ въ подполковники было произведено 932; изъ нихъ:

Съ высшимъ образованіемъ	22.	2,4%
„ среднимъ „	102.	10,9%
„ образованіемъ ниже средняго	808.	86,7%

Въ армейской кавалеріи за тотъ же періодъ было произведено въ подполковники 121; изъ нихъ:

Съ среднимъ образованіемъ	36.	29,8%
„ высшимъ „	85.	70,2%

Измѣнились ли эти условія комплектованія нынѣ? Да, и къ лучшему. Юнкерскія училища прежняго типа канули въ вѣчность и превратились въ военные. Другими словами въ арміи появился типъ одинаго по образованію офицера. Разумѣется эта реорганизація поможетъ нивелировать, а затѣмъ совсѣмъ изгнать рознь между офицерами различныхъ категорій, но когда? Да можетъ быть лѣтъ черезъ двадцать, т.-е. когда старики юнкерскаго училища уйдутъ и уступятъ мѣсто молодежи, офицерамъ одинаго типа.

Такимъ образомъ условія комплектованія изъ резервуаровъ различныхъ категорій способствовали «разномастности» офицеровъ, что и повело къ извѣстной розни между ними.

Вторая причина этой розни кроется въ организаціонныхъ данныхъ.

До послѣднихъ дней каждый родъ войскъ въ мирное время работалъ совершенно обособленно; онъ былъ какъ бы замкнутъ обширной и высокой стѣной. Отсюда сознаніе общаго военнаго дѣла, разработка идей, проведеніе ихъ въ жизнь между всѣми членами арміи встрѣчали неодолимые досадныя препятствія.

Различные роды войскъ были соединены механически, но не органически, что служить и всегда будетъ служить первоисточникомъ слабой, импровизованной боевой подготовки.

Выражаясь воено-технически, связь между войсками различныхъ категорій слаба, ее тщетно стараются поддерживать. Но дѣло въ томъ, что на бранныхъ поляхъ ее приходилось часто не возстановлять, а создавать, такъ какъ организація арміи мирнаго времени исключала возможность заблаговременной подготовки въ этомъ направленіи. Эта «пресловутая связь» не виситъ готовой, а является результатомъ совмѣстной долгой упорной работы въ періодъ мира.

Современный бой требуетъ такого гармоничнаго, планомѣрнаго дѣйствія различныхъ родовъ войскъ, котораго можно достигнуть лишь при условіи, что всѣ члены организма арміи будутъ спаяны прочно въ мирное время, совмѣстно работая, дополняя другъ друга понимая взаимныя сильныя и слабыя стороны.

Набросаемъ въ общихъ чертахъ современныя условія, среди которыхъ живутъ и работаютъ различныя категоріи войскъ.

Артилерія, могучій огонь которой по справедливости предоставилъ ей нынѣ титулъ «царицы полей сраженій», до послѣднихъ дней шла совершенно обособленно отъ остальныхъ родовъ войскъ. Въ мирное время она имѣла мало общаго съ пѣхотой и входила только въ составъ армейскаго корпуса, не спускаясь ниже. Быть и служба ея были до послѣдняго времени такъ обставлены, что при всемъ добромъ желаніи артиллеристы не имѣли средствъ и способовъ ознакомиться съ особенностями своего неизмѣннаго боевого товарища-пѣхотинца.

Всю зиму спеціализируясь, артилерія лѣтомъ отправляется на свой полигонъ, отбываетъ курсъ стрѣльбы, начиная, а главное заканчивая его безъ всякаго участія пѣхотной винтовки. Затѣмъ на послѣднія двѣ-три недѣли цушки прибываютъ въ общіе лагерные сборы, дабы принять участіе въ различнаго рода занятіяхъ вмѣстѣ съ пѣхотой, главнымъ образомъ, тактическаго характера.

Такимъ образомъ артиллеристъ сразу принимаетъ участіе въ томъ отдѣлѣ боевой подготовки, которая составляетъ вѣнецъ обученія арміи. Все, конечно, для него ново. На общихъ лагерныхъ сборахъ тактическія ученія идутъ на первыхъ порахъ малыми частями. Артилерія придается къ пѣхотѣ небольшими пакетами. Тутъ то, въ роли тактиковъ выступаютъ по преимуществу молодые

офицеры. Отъ нихъ требуютъ тактическихъ знаній, основанныхъ, разумѣется, на взаимномъ пониманіи свойствъ всѣхъ родовъ войскъ. Но откуда имъ взять это «разумѣніе», когда спеціализація службы исключаетъ возможность ихъ приобрѣсти постепенно, послѣдовательно, заблаговременно?

Старшимъ артилерійскимъ начальникамъ приходится выступать въ роляхъ начальниковъ отрядовъ, и тутъ скрытое «средостѣние» пушки и ружья выступаетъ весьма ярко. Практическихъ знаній мало, а теорію, особенно въ полѣ, въ карманъ прячутъ.

Дальше наступаютъ большіе маневры на-короткѣ, на-спѣхъ въ нѣсколько дней тренируютъ командный элементъ. Изъ года въ годъ повторяется тотъ же «пейзажъ» и нѣтъ того маневренного поля, на которомъ въ видѣ назиданія не остались бы все одни и тѣ же дефекты.

Почему, проходя спеціальнѣй артилерійскій курсъ на полигонѣ, нельзя удѣлить время совмѣстнымъ стрѣльбамъ съ пѣхотой? Вѣдь артилеристы исполняютъ рядъ боевыхъ задачъ, которыя только тогда и ярки по результатамъ, когда фигурируетъ по сосѣдству пѣхотная винтовка. Тутъ то скорострѣлка миниатюрная и скорострѣлка внушительная по размѣрамъ и пораженію и пойдутъ рука объ руку, выяснятся ихъ взаимоотношенія. Въ особенности это относится къ стрѣльбамъ дивизионами. Хорошо сюда приспособить и пулеметы. Тогда самый серьезный актъ—огневой періодъ боя будетъ представленъ полностью.

Да, но вѣдь у насъ боевыя стрѣльбы различныхъ родовъ войскъ существуютъ и узаконены Наставленіемъ для стрѣльбы? Совершенно вѣрно, но знаете ли въ какомъ числѣ участвуютъ въ нихъ артилеристы? Одна батарея въ годъ, т.-е. $\frac{1}{6}$. Маловато, такъ какъ бригада такимъ образомъ обучается въ 6 лѣтъ, что уже многовато.

Такъ служили два рода войскъ долгіе годы. Слава Богу, это явленіе какъ будто кончилось. Дивизія пѣхоты составляетъ ту силу, которая можетъ рѣшать вполне самостоятельно весьма серьезныя боевыя задачи. Пѣхота нуждается въ усиленіи огня—надо дать ей огня, т.-е. влить въ нее, какъ постоянную величину, извѣстную часть артилеріи.

И въ настоящее время къ большой радости людей, смотрящихъ въ корень боевой подготовки, артилерія подчинена начальникамъ пѣхотныхъ дивизій, т.-е. сдѣлали то, что въ силу боевой обста-

новки исполнялось всегда и вездѣ само собой, но до послѣднихъ дней этотъ аллиансъ имѣлъ характеръ импровизаціи, а теперь онъ сталъ организаціей. Пѣхота и артилерія, наконецъ то, въ періодъ мира удостоились протянуть другъ другу руки.

Скажите же: помогали ли прежняя жизнь и служба артилеріи и пѣхоты превращенію офицерскаго состава въ единое братство или, наоборотъ, мѣшали этому? Полагаю, что мѣшали и сѣяли, быть можетъ неумышленно, инстинктивно, рознь. Дѣло нынѣ идетъ на поправку. Но когда въ карманѣ будутъ осязательные результаты?

Да, лѣтъ черезъ 20, когда оба рода войскъ сольются, познаютъ другъ друга, когда старики уйдутъ на покой, а молодежь станетъ на ихъ мѣсто; такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ измѣнить мышленіе послужившаго 25—35 лѣтъ. Какъ вы его ни убѣждайте, но воспитанный на старыхъ, какъ ему кажется, испытанныхъ традиціяхъ онъ упорно будетъ твердить: а все же прежде было лучше. Такъ уже устроена человѣческая голова.

Думаю, что дѣло сближенія, а слѣдовательно нивелировка розни двинется въ тотъ день, когда мы прочтемъ, что въ русской арміи появился новый терминъ: артилерійскіе полки.

Съ саперами дѣло обстояло еще хуже. До послѣдняго времени они были подчинены военнымъ округамъ и только въ послѣдніе годы ихъ передали въ корпуса. Тутъ уже о братствѣ трудно было и помышлять, такъ какъ выходило, что этотъ родъ войскъ представлялъ изъ себя какое-то особое министерство.

Остается сказать нѣсколько словъ о конницѣ. Кавалерія, какъ артилерясты и саперы, въ мирное время живетъ и работаетъ совершенно обособленно отъ другихъ родовъ войскъ. А между тѣмъ у насъ фигурируетъ интересный военный терминъ—«дивизионная конница», т.-е. извѣстное количество кавалеріи, которая входитъ въ составъ пѣхотной дивизіи. Казалось бы весьма желательнымъ еще въ мирное время влить эту конницу, какъ постоянную величину, въ составъ пѣхотной дивизіи. Выгоды большія—взаимное ознакомленіе и заблаговременная, тѣсная связь, а въ итогѣ офицерское братство.

На изложенныхъ началахъ организованы арміи буквально всѣхъ государствъ; они законны, такъ какъ даютъ возможность добиться единства дѣйствій, взаимной выручки, планомерности, стройности, гармоничности боевыхъ операцій, а главное—моральный элементъ получаетъ чудное приращеніе въ видѣ единого офицерскаго братства.

Итакъ, условія комплектованія арміи офицерами—съ одной стороны, организаціонныя данныя—съ другой до послѣдняго времени мѣшали сліянію офицерства во-едино, и пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ въ мозгъ и душу арміи проникнетъ непоколебимое убѣжденіе, что нѣтъ родовъ войскъ, подраздѣленныхъ на номера, и быть ихъ не можетъ.

Нужна ли вообще спеціализація знаній въ различныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и, если нужна, то въ какой мѣрѣ? У насъ, какъ извѣстно, на лицо: пѣхотныя, кавалерійскія, артилерійскія и инженерное училища. Другими словами, каждый родъ войскъ имѣетъ какъ бы свой особый департаментъ комплектованія. При такой системѣ спеціализація знаній на лицо, но есть ли данныя для проведенія въ жизнь еще на школьной скамьѣ единства взглядовъ на военное дѣло? Едва ли. На школьной скамьѣ будущій офицеръ уже посвятъ въ сердце своемъ сѣмена непріязни ко всѣмъ родамъ войскъ, кромѣ того, которому самъ служить. Здѣсь же происходитъ кладка того фундамента, на которомъ строится зданіе взаимнаго непониманія арміи, какъ единого организма. Если пушка, ружье, конь съ всадникомъ части одного цѣлага, то офицеръ-специалистъ, лишенный познанія другихъ родовъ войскъ, едва ли полезенъ. Короче, не пора ли намъ подумать о такъ называемой «единой военной школѣ», приготавливающей офицерство во всѣ роды войскъ, а не въ какой-либо одинъ изъ нихъ. Тогда училище будетъ многобокое, а не однобокое, какъ теперь. Единая военная школа дастъ будущимъ офицерамъ сперва общее военное образованіе, а затѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ должны быть выпускные спеціальныя классы: пѣхотные, кавалерійскіе, артилерійскіе и инженерные, гдѣ обучаются юнкера, сообразно избранной спеціальности. Нынѣ изъ военныхъ пѣхотныхъ училищъ все равно вѣдь выходитъ значительное число юнкеровъ въ артилерію, саперы и даже въ казаки, однако, жалобъ на недостатокъ спеціальныхъ знаній что-то не слышно. Нынѣ изъ Пажескаго корпуса вѣдь выходятъ же офицеры во всѣ роды войскъ, но жалобъ, что эти воины неподготовлены къ службѣ въ спеціальныхъ войскахъ, тоже не слыхать. А вѣдь Пажескій корпусъ въ сущности ничто иное, какъ «единая военная школа».

Мало того, единая военная школа у насъ была въ старое доброе время, когда изъ кадетскихъ корпусовъ выпускали офицерами во всѣ роды войскъ.

Взглянемъ на западь. Тамъ единая военная школа процвѣтаетъ

и въ Германіи, и въ Австріи, и арміи своими офицерами довольны, въ особенности германская.

У нѣмцевъ на лицо 8 кадетскихъ школъ съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ каждая, гдѣ происходитъ подготовка къ поступленію въ кадетскій корпусъ. Ихъ нѣсколько: въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и др. пунктахъ. Цѣль такой организаціи—воспитывать отдѣльно дѣтей отъ юношей. т.-е. стремленіе достигать индивидуальнаго развитія насколько можно, а не «стаднаго». Окончивъ кадетскій корпусъ, юноша поступаетъ въ войска портуней-юнкеромъ. Его тренируютъ по строевой наукѣ и, кромѣ того, онъ проходитъ небольшой курсъ военныхъ наукъ. Какъ исключеніе, лучшіе по выпуску изъ Берлинскаго корпуса производятся прямо въ офицеры. Всѣ портуней-юнкера, отслуживъ въ войскахъ годъ и получивъ соотвѣтствующую аттестацію, поступаютъ въ военное училище, причемъ юнкера всѣхъ родовъ войскъ обучаются въ училищѣ вмѣстѣ, т.-е. въ одной военной школѣ.

Нѣчто подобное существуетъ и въ австро-венгерской арміи. Тамъ въ юнкерскихъ училищахъ имѣются отдѣленія для различныхъ родовъ войскъ, и всѣ юноши обучаются въ стѣнахъ одного и того же учебнаго заведенія ¹⁾, т.-е. мы опять встрѣчаемся съ типомъ «единой военной школы». Вопросъ этотъ не новый; онъ уже нѣсколько разъ поднимался въ печати, имѣеть сторонниковъ, имѣеть и противниковъ. Но вопросъ интересный, такъ какъ отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о комплектованіи офицеровъ зависитъ «прочность души арміи».

Школа, въ смыслѣ знаній, цынѣ даетъ, что можетъ. Никакое военно-учебное заведеніе не въ состояніи дать того, что требуетъ армія, и никогда не дастъ. На школьной скамьѣ возможно съ успѣхомъ работать надъ правильнымъ направленіемъ мозга, но никоимъ образомъ не надъ наполненіемъ черепной коробки до краевъ. Военное дѣло не цеховое, не ремесленное, потому что офицеръ работаетъ не надъ машинами, а надъ живыми людьми.

Школа даетъ лишь остоу знаній, она ставитъ вѣхи, въ лучшемъ случаѣ намѣчаетъ триангуляціонную сѣть, предоставивъ за-полнять ее подробностями въ дальнѣйшей военной службѣ. Воен-

¹⁾ Кромѣ того на лицо Техническое военное училище, которое въ незначительномъ числѣ комплектуетъ артилерію и инженерныя войска. Въ настоящее время всѣ юнкерскія училища заканчиваютъ реорганизацію: они превращаются въ военные.

ное дѣло, какъ практическое, ходко идетъ впередъ; школа за этими скачками не поспѣваетъ и, при всемъ напряженіи, всегда будетъ позади. Если это вѣрно, то спеціализація знаній въ томъ объемѣ, въ какомъ это преподносится нынѣ, отпадаетъ; наоборотъ, «единая военная школа» получаетъ законность и логически обоснована. Выгода есть въ смыслѣ болѣе быстраго сращенія офицеровъ всѣхъ видовъ и категорій, сращеніе въ видѣ единого могучаго дуба, расшатать который врагу будетъ трудновато. Прибавьте къ этому нѣкоторыя измѣненія организаціонныхъ данныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, и дубъ станетъ еще болѣе мощнымъ и бурю и грозу спокойно встрѣтитъ.

Что выгоднѣе: поменьше спеціализаціи въ школахъ и побольше средства или побольше спеціализаціи въ школахъ и поменьше средства—рѣшайте? Но не забывайте о наполеоновской формулѣ, которая безконечное число разъ выглядываетъ подъ разными соусами: $\frac{3}{4}$ моральныхъ, $\frac{1}{4}$ матеріальныхъ данныхъ; итогъ—побѣда. Не забудьте и того, что спеціализацію знаній нагоните потомъ, въ теченіе всей службѣ, средство же растеряете, а когда его потребуются въ болѣе дозѣ, то до врага этого средства не донесете. И въ повседневной службѣ войскъ кое-что можно было бы сдѣлать. Надо поработать надъ тѣмъ, чтобы войсковыя части, стояція въ одномъ и томъ же городѣ, не подраздѣлялись по номерамъ, а шли бы подъ однимъ номеромъ. Гдѣ можно, крайне полезно устройство общихъ гарнизонныхъ собраній; это облегчитъ спайку, взаимное ознакомленіе и уваженіе другъ къ другу. Слова—«этотъ офицеръ не нашъ, это чужой офицеръ» и т. д. настолько нелѣпы по существу, настолько вредны для общаго родного всѣмъ дѣла, что ихъ надо безпощадно гнать и гнать... Помнится покойный генералъ Драгомировъ основательно насаждалъ «средство»; была мѣра и оригинальная. Онъ приказалъ среди палатокъ одного изъ полковъ въ лагерное время внѣдрить палатки и батареи и такимъ образомъ пришилъ ее къ пѣхотинцамъ.

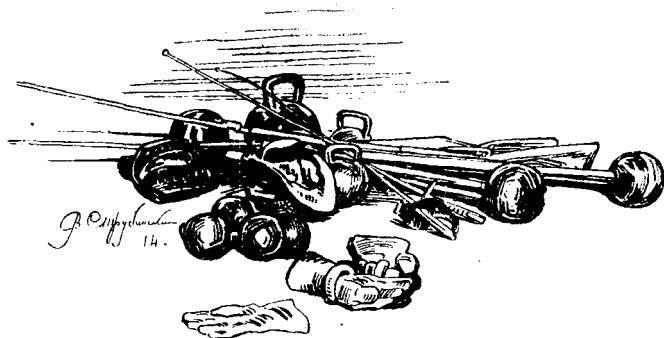
Пусть девизомъ каждаго офицера будетъ: *«Братцы, позвольте до брата добратся»*. Проиграть отъ этого ничего нельзя, а выиграть—безконечно много. Передѣлаемъ извѣстное выраженіе: «идти врозь, а драться вмѣстѣ» для офицерскаго корпуса всей арміи такъ—«идти вмѣстѣ и драться вмѣстѣ». Не забудемъ, что пуля и шпаннель бьетъ, не разбирая номеровъ по превосходству, а кого придется, въ кого угодить.

Будемъ помнить слова нашего Державнаго Вождя, сказанныя молодымъ офицерамъ при ихъ производствѣ въ минувшемъ году ²⁾.

«Будьте настоящими товарищами между собой, въ какомъ бы родѣ войскъ вы ни служили, помня, что каждый изъ васъ членъ великой и могучей семьи, называемой русской арміей».

Пусть же эти слова прочно запечатлѣются въ сердцахъ каждаго изъ военачальниковъ, на какой бы ступени военной іерархіи онъ ни стоялъ. Но помнить эти слова мало; надо закрѣпить ихъ въ жизнь и службу.

М. Талкинъ.

²⁾ «Русскій Пивалидъ» 1913 г., № 169.

Вѣроятное вліяніе воздухоплаванія на тактику артилеріи.

1913 годъ отмѣченъ въ исторіи военного искусства повсемѣстнымъ введеніемъ въ составъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ авіаціонныхъ войскъ. Такимъ образомъ аэропланы и другіе воздухоплавательные аппараты признаны какъ бы новымъ оружіемъ.

Извѣстенъ афоризмъ: новое оружіе—новая тактика. Въ войнахъ будущаго придется считаться съ новой данной обстановки. Воздушные развѣдчики и бойцы должны повліять извѣстнымъ образомъ на измѣненіе тактики вообще и тактики артилеріи въ частности.

Въ бою воздухоплавательные аппараты, въ томъ числѣ и неуправляемые, могутъ быть использованы, какъ чудные наблюдательные пункты. Особенно въ этомъ видѣ наблюденія нуждается артилерія.

У компетентныхъ артиллеристовъ существуетъ убѣжденіе, что для лучшаго наблюденія нельзя пренебрегать возможностью хоть

немного превыситъ цѣль. Вопросъ этотъ пріобрѣлъ особую остроту съ примѣненіемъ закрытыхъ позицій, которыя повели къ введенію вышекъ. Но что такое вышка въ 2—3 или даже 12 сажень по сравненію съ воздушнымъ змѣемъ, могущимъ поднять наблюдателя на 100 сажень, или со змѣйковымъ аэростатомъ, имѣющимъ тросъ почти въ версту длиною? Нечего и говорить про аэропланъ, который можетъ побывать надъ самой цѣлью.

Математически доказано ¹⁾, что съ шара, расположеннаго въ 6 верстахъ отъ противника и поднятаго на высоту отъ 18 до 390 саж., могутъ быть видимы полевая батарея непріятеля, расположенныя на самыхъ глубоко-укрытыхъ позиціяхъ, а для обнаруженія блеска выстрѣловъ не надо подниматься выше 340 саж.

Другой авторъ ²⁾ говоритъ: «Если артилерія когда-либо, въ бою, будетъ имѣть возможность использовать змѣйковый аэростатъ для подъема наблюдателя, то для такой артилеріи перестанутъ существовать закрытыя цѣли и мертвыя пространства для взора».

Изъ приведеннаго видно, какой идеальный наблюдательный пунктъ пріобрѣтаетъ артилерія.

Охотниковъ отрицать возможность управленія огнемъ артилеріи съ воздушныхъ аппаратовъ едва ли пайдется много. По крайней мѣрѣ относительно неуправляемыхъ не сомнѣваются. Въ первой изъ вышеуказанныхъ статей говорится: «Корректированіе стрѣльбы со змѣйковаго аэростата не представляетъ затрудненій». Относительно же аэроплановъ высказывается совершенно иное мнѣніе: «Артилерійское наблюденіе при стрѣльбѣ основано на измѣреніи угловъ, а также на схватываніи извѣстнаго совокупнаго расположенія снарядовъ и цѣли. Такое наблюденіе, конечно, требуетъ одной постоянной точки, съ которой оно производится, такъ какъ съ переменною пункта наблюденія мѣняются всѣ величины, входящія въ составъ добытыхъ результатовъ. Аэропланы съ ихъ громадной подвижностью, слѣдовательно, вовсе непригодны для этой цѣли».

Едва ли можно согласиться съ только что высказаннымъ. Измѣреніе угловъ, на которое здѣсь ссылаются, есть продуктъ такъ называемой угломѣрщины; послѣдняя въ свою очередь явилась какъ послѣдствіе закрытыхъ позицій. Но вѣдь теперь закрытыхъ позицій нѣтъ! Теперь дѣло будетъ обстоять проще. Мы какъ бы возвра-

¹⁾ Л. Чернявскій. «Примѣненіе змѣйковыхъ аэростатовъ и змѣевъ къ стрѣльбѣ полевой артилеріи». «Вѣстникъ Офицерской артилерійской школы», № 9-й. Январь. 1913 г.

²⁾ Бар. П. Майдель. «Стрѣльба артилеріи при пособіи змѣйковаго аэростата и аэроплана». «Вѣстникъ Офицерской артилерійской школы» № 20. Декабрь. 1913 г.

щаемся къ стрѣльбѣ гладкостѣнной артилеріи, гдѣ все было на виду и глазомѣръ вмѣстѣ съ опытомъ замѣнялъ все. Съ высоты птичьяго полета едва ли понадобится прибѣгать къ кропотливымъ измѣреніямъ приборами и безконечнымъ вычисленіямъ земныхъ наблюдателей.

Въ этомъ отношеніи взгляды, высказанные во второй статьѣ, казалось бы, больше отвѣчаютъ дѣйствительности. Всецѣло можно согласиться съ выраженными тамъ словами: «Что аэропланы, быстрые и малоуязвимые, сыграютъ громадную роль въ дѣлѣ артилерійской стрѣльбы—это несомнѣнно. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что та нація, которая первая сумѣетъ использовать рационально аэропланы въ боевомъ столкновеніи, получитъ громадные преимущества: для ея артилеріи не будетъ закрытыхъ пѣлей, не будетъ «неуязвимыхъ батарей», отпадаетъ вопросъ о пораженіи глубокихъ площадей!»

Наши офицеры, побывавшіе во Франціи, были ознакомлены съ результатами, достигнутыми французскими артилеристами, и утверждаютъ, что тамъ въ этомъ отношеніи большіе успѣхи имѣются на лицо. Опытъ итальянцевъ въ Триполитаніи вполне подтверждаетъ убѣжденіе о пригодности управляемыхъ и неуправляемыхъ воздушныхъ аппаратовъ для корректированія артилерійской стрѣльбы.

Хотя пока, сколько извѣстно, нигдѣ еще воздушные наблюдатели не введены въ штаты артилерійскихъ частей, не придано имъ и соответствующаго имущества, однако, это не за горами. До очевидности ясно, что, въ смыслѣ повышенія дѣйствія своего оружія въ бою, никто такъ не нуждается въ этомъ, какъ артилерія. И ни одному роду войскъ воздушные наблюдатели не дадутъ въ сраженіи столь большихъ преимуществъ, какъ ей.

Развитіе военнаго воздухоплаванія въ 1913 году видно изъ приводимой ниже таблицы ³⁾.

Названіе государства.	Виды аппаратовъ:	
	Дирижабли.	Аэропланы.
Россія	14	нѣсколько сотъ
Франціи	16	400
Англія.	4	100
Германія.	13 ⁴⁾	150
Австрія.	3	46
Италія	5	около 100

³⁾ Данныя этой таблицы взяты изъ № 1 «Русскаго Пивалида» за 1911 г.

⁴⁾ Кромѣ того 8 частныхъ.

Въ 1914 году, конечно, цифры эти не уменьшатся, а значительно увеличатся.

Хотя въ данное время на летчиковъ смотрятъ, какъ на средство развѣдки старшихъ начальниковъ, но несомнѣнно, что въ бою при сближеніи сторонъ часть свободныхъ летчиковъ, волей неволей, придется обратить къ работѣ на артилерію, дабы она имѣла столь необходимый для успѣха перевѣсъ въ огнѣ. Конечно, это будетъ извѣстнаго рода импровизація, но все же это такъ будетъ, если артилерія не получитъ своихъ летчиковъ.

Такъ или иначе артилеріи придется имѣть дѣло съ новымъ факторомъ обстановки. Той обстановки, которая, по словамъ Наполеона, на войнѣ повелѣваетъ. Несомнѣнно, что артилеріи придется отвѣтить видоизмѣненіемъ своей тактики.

Тотъ же великій полководецъ выражалъ мысль, что тактика должна мѣняться каждые десять лѣтъ. Прогрессъ современной техники едва ли увеличилъ этотъ срокъ.

На что же базировалась тактика артилеріи въ наше время? Въ смыслѣ теоретическомъ—на изслѣдованіи талантливаго итальянца Алансона, на пророческихъ мысляхъ француза Ланглуа и на трудахъ плеяды достойныхъ ихъ послѣдователей. Въ смыслѣ практическомъ—на опытѣ Русско-японской войны.

Но вѣдь Алансонъ работалъ въ концѣ XIX столѣтія, а Ланглуа на рубежѣ XIX и XX столѣтій, т.-е. 20—15 лѣтъ тому назадъ. Русско-японская война, подтвердившая ихъ выводы, началась 10 лѣтъ тому назадъ. Положенія, тогда выработанныя, должны по рецепту гения подлежать пересмотру въ силу давности, не говоря даже про введеніе авіаціонныхъ войскъ, о которыхъ 10 лѣтъ тому назадъ никому и не снилось. Провозглашенные тогда: пустота полей сраженій, закрытія позиціи артилеріи, обстрѣливаніе площадей, упраздненіе артилерійской дуэли—начинаютъ отходить въ область свѣжихъ преданій.

Теперь боевымъ порядкамъ не всегда удастся укрыться отъ зоркаго глаза воздушнаго развѣдчика. Чтобы позиція артилеріи была закрыта, необходимо орудіямъ не только зарыться въ землю, накрыться сверху чѣмъ нибудь, но еще получить беспламенный и беззвучный порохъ. Не только при такихъ ухищреніяхъ артилеріи противника, но даже и при обыкновенныхъ закрытіяхъ и средствахъ маскировки, при окопахъ и щитахъ, что можетъ дать обстрѣливаніе площадей шрапнелью? Необходимо введеніе вновь точной стрѣльбы гранатой, что при воздушныхъ наблюдателяхъ вполне достижимо.

Отчего отказывались отъ артилерійскаго поединка? Да оттого, что при невозможности уничтожить батареи, занявшія закрытыя позиціи, дуэль эта являлась предпріятіемъ безнадежнымъ. Она продолжалась бы безконечно, была бы безцѣльной тратой дорогихъ снарядовъ, оставленіемъ безъ помощи своей пѣхоты. Какъ компромисъ выхода изъ этого положенія, французы установили у себя раздѣленіе въ бою артилеріи на батареи пѣхотныя, т.-е. обязанныя помогать пѣхотѣ, и контръ-батареи, предназначенныя для нейтрализаціи огня непріятельской артилеріи. Но и во Франціи раздаются голоса за то, чтобы добиваться уничтоженія непріятельской артилеріи.

Одинъ изъ русскихъ авторовъ, разбирая литературные споры французовъ, между прочимъ, говоритъ ⁵⁾: «Файоль считаетъ, что при дѣйствіи артилеріи противъ артилеріи, несмотря на закрытыя позиціи, можно будетъ не только парализовать артилерію, но даже и уничтожить при помощи гранатъ. Мы глубоко въ этомъ сомнѣваемся, пока воздушная развѣдка не будетъ въ силахъ служить Х—лучами для артилеріи». Казалось бы, что эти иксъ-лучи уже существуютъ. По крайней мѣрѣ германцы не сомнѣваются въ этомъ и недавно официально признали возрожденіе артилерійской дуэли, введя это въ уставъ.

Вотъ что объ этомъ высказывается въ одномъ изъ обзоровъ иностранной литературы ⁶⁾: «Хотя авіація не достигла еще той степени совершенства, о которой мечтаетъ полковникъ Паллокъ въ своемъ трудѣ «Артилерія въ сраженіи»,—чтобы наблюдатель могъ подниматься и держаться надъ батареей на дистанціи, допускающей переговоры голосомъ, тѣмъ не менѣе она призвана уже играть извѣстную роль въ управленіи стрѣльбой.

Надо думать, что Германія въ ближайшемъ будущемъ горячо возьмется за снабженіе артилеріи аэропланами, такъ какъ германская артилерія особенно нуждается въ нихъ; артилерійская дуэль, отошедшая въ другихъ арміяхъ на второй планъ, въ Германіи дополненіемъ къ уставу, вышедшемъ въ іюні 1912 года, выдвинута на первый; нѣмецкія батареи должны добиваться не нейтрализаціи непріятельскихъ батарей, а пораженія и даже полного уничтоженія ихъ. Сомнительно, чтобы эта цѣль могла быть достигнута

⁵⁾ Н. Сапожниковъ. «О французской артилеріи и ея тактикѣ». «Вѣстникъ Офицерской артилерійской школы» № 11. Мартъ, 1913 г., стр. 35.

⁶⁾ А. Свѣчинъ. «Вѣстникъ Офицерской артилерійской школы» № 11. Мартъ, 1913 г., стр. 84.

относительно щитовыхъ батарей, расположенныхъ на закрытыхъ позиціяхъ, несмотря на увеличеніе числа гаубичныхъ батарей, наиболѣе отвѣчающихъ, по своимъ свойствамъ, задачамъ артиллерійской борьбы, конечно, въ томъ случаѣ, если съ помощью аэроплановъ не удастся пролить свѣтъ на непріятельское расположеніе. Поэтому понятно то вниманіе, которое удѣляетъ германскій генеральный штабъ, вновь вызвавшій къ жизни артиллерійскую дуэль, работъ аэроплановъ, обслуживающихъ французскую артиллерію...»

Итакъ, казалось бы, можно присоединиться къ взглядамъ нѣмцевъ, что артиллерійская дуэль возродилась, что необходимо требовать отъ артиллеріи уничтоженія батарей противника во что бы то ни стало.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію болѣе детальному тѣхъ измѣненій въ боевой службѣ артиллеріи, которыя вызываются развитіемъ воздухоплаванія.

Измѣнились ли боевыя свойства артиллеріи? Да, измѣнились нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Такъ, напримѣръ: способность къ сильному моральному воздѣйствію на противника возвысилась, такъ какъ теперь огонь можетъ быть открытъ сразу же по приближеніи противника на дистанцію, скажемъ, 6 верстъ; главное, что войскамъ его будетъ неизвѣстно откуда падаютъ снаряды.

2) Возрасла способность къ огневой работѣ съ большихъ разстояній. Прѣжнее правило «не вижу, не стрѣляю» теперь надо перефразировать такъ: «все вижу и могу стрѣлять, до предѣла дальности пушки».

3) Способность къ дѣйствію по участкамъ широкаго фронта и большой глубины увеличилась.

4) Способность при благопріятныхъ условіяхъ наносить пораженіе быстро и внезапно расширилась.

5) Получилась полная свобода расположенія въ боевомъ порядкѣ и неограниченное использованіе мѣстности.

6) Облегчилась возможность объединять работу артиллеріи.

Относительно дѣйствій артиллеріи слѣдуетъ сказать, что подходъ къ полю сраженія, ранѣе совершенно простая операція, теперь усложнился до крайности: непріятельскіе воздушные развѣдчики легко могутъ обнаружить артиллерійскія колонны, ихъ силу и направленія движеній, чѣмъ сразу же откроютъ наши карты.

Если къ этому прибавить, что бомбы, бросаемаыя сверху, могутъ вызвать потери и во всякомъ случаѣ безпорядокъ и задержки

въ движеніи, то станетъ понятнымъ, что понадобятся особыя мѣры скрытности, неизбежность ночныхъ движеній, выборъ лѣсныхъ до-рогъ, раздробленіе большихъ артилерійскихъ колоннъ на мелкія части, можетъ быть даже на орудія, двигающіяся въ перемежку съ пѣхотными частями, облѣпливаніе пѣхотой орудій.

Безъ отлично оборудованной развѣдки артилерія не опасна. Жи-линскій въ своемъ трудѣ «Артилерійская развѣдка» про артилерію говоритъ: «способъ ея работы: часы наблюденія и минуты дѣй-ствія». Теперь артилерія получила столь могучее средство развѣдки и наблюденія, что спокойно, какъ коршунъ, можетъ подстерегать свою добычу и неожиданно, стремительно обрушиться на нее.

Необходимо будетъ много хитрости, чтобы противодѣйствовать обнаруженію выгодныхъ для артилеріи цѣлей; но во всякомъ слу-чаѣ, разъ цѣль обнаружена, ее можно указать тѣмъ или другимъ способомъ и есть возможность наблюдать за дѣйствіемъ своихъ снарядовъ. Необходимо выработать только способы сообщенія своихъ наблюденій на землю и принятія оттуда указаній. Практика мирнаго времени не замедлитъ это выработать.

Относительно позицій слѣдуетъ еще разъ сказать, что закры-тыхъ позицій теперь въ принципѣ не существуетъ. Разъ глаза не-пріятельскаго развѣдчика поднялись на высоту, линия дефилирова-нія можетъ имѣть наклонъ больше, чѣмъ восходящая вѣтвь траек-торіи нашихъ орудій, и, слѣдовательно, не только блескъ выстрѣ-ловъ, но и само орудіе, при желаніи противника, можетъ быть ви-димо.

Но если позиціи потеряли въ этомъ отношеніи, то они выиграли въ другомъ: увеличилось число позицій, съ которыхъ можно выпол-нить полученную боевую задачу. Вспомнимъ, что вопросъ о по-зиціи тѣсно связанъ съ присканіемъ подходящаго наблюдательнаго пункта, а въ этомъ отношеніи теперь артилерія имѣетъ полную сво-боду дѣйствій. Никакая вышка, никакая гора не сравнится съ воз-духоплавательнымъ аппаратомъ любого вида. Смѣло можно ска-зать, что теперь артилерія можетъ дѣйствовать съ любого мѣста, такъ какъ независима отъ естественныхъ наблюдательныхъ пунк-товъ. Не придется тѣсниться, можно становиться въ двѣ линіи и если угодно то и больше. Тѣ, кто боялись, что увеличеніе числа орудій на корпусъ стѣснитъ дѣйствіе другихъ войскъ, такъ какъ придется занять весь фронтъ только артилеріей, теперь могутъ не беспокоиться.

Съ уничтоженіемъ закрытыхъ позицій точная пристрѣлка по

батареямъ стала возможной, придется принять всѣ мѣры къ ея затрудненію и къ уменьшенію дѣйствительности шрапнельнаго и гранатнаго огня противника. Окоповъ и щитовъ мало; придется добавить козырьки или покрывки къ окопамъ. Располагаться подъ деревьями, въ сараяхъ и т. п., однимъ словомъ маскироваться, особенно сверху, до послѣдней возможности; устранивать въблизи ложные окопы, дѣлать обманныя орудія. Не довольствуясь этимъ, по всей вѣроятности, придется увеличить интервалы между орудіями и нарушить линейность расположенія батареи въ значительной степени. Задніе хода зарядныхъ ящиковъ придется отъ орудій удалить, такъ какъ при гранатномъ огнѣ противника они стали больше подвержены взрывамъ.

Интересны указанія новаго австрійскаго Наставленія для закрытій въ крѣпостной артилеріи. В. Пащенко ⁷⁾ цитируетъ его въ такомъ видѣ: «Въ этомъ отношеніи надо стремиться къ тому, чтобы использовать естественныя укрытія мѣстности искуснымъ размѣщеніемъ орудій, цѣлесообразной маскировкой затруднить непріятельскую развѣдку и наблюденіе, разбрасываніемъ орудій и ложнымъ расположеніемъ батарей разредоточивать непріятельскій огонь и, если необходимо, искусственнымъ приспособленіемъ мѣстныхъ прикрытій или простыми земляными работами устроить закрытія для личнаго состава и боевыхъ припасовъ отъ осколковъ и пуль, разрывающихся непріятельскихъ снарядовъ».

Далѣе осуждается прямолинейное расположеніе и рекомендуются интервалы 30 метровъ, т.-е. 42 шага.

Передъ выѣздомъ на позицію прежде батарей останавливались на подготовительной позиціи; нынѣ наше Наставленіе ее именуеть пунктомъ послѣдней остановки. Здѣсь батареи дивизіона ожидаютъ приказанія о выѣздѣ. Остановка эта дѣлалась по возможности ближе къ боевой позиціи; теперь выборъ этого мѣста необходимо дѣлать съ особою осторожностью: не всегда вблизи позиціи найдется укрытое мѣсто, батареямъ можетъ быть придется останавливаться гораздо дальше, чѣмъ раньше, раздѣляться по-полубатарейно, а то и по-взводно. Несоблюденіе этой предосторожности можетъ повести къ разгрому батареи ранѣе, чѣмъ она выѣдетъ на позицію.

Спокойнымъ выѣздамъ, не слѣдуетъ, положенъ конецъ. На всякую позицію придется выѣзжать быстрыми аллюрами, какъ это теперь принято для открытыхъ выѣздовъ.

⁷⁾ «Вѣстн. Оф. арт. шк. № 15. Июль 1913 г., стр. 11.

Умѣнье батарей маневрировать въ различныхъ строяхъ должно значительно возвыситься.

Батарейные резервы, едва ли будутъ имѣть возможность располагаться совокупно. Во всякомъ случаѣ, даже при наличіи подходящихъ закрытій, это придется дѣлать осторожно. Иначе неожиданный огонь противника можетъ надѣлать большихъ бѣдъ. Бомба, брошенная сверху, тоже не будетъ способствовать порядку.

Тожe можно сказать и относительно передковъ. Самое тщательное примѣненіе ихъ къ мѣстности и особенно разсредоточеніе положительно необходимы.

Увеличеніе дистанцій стрѣльбы неизбѣжно. Крайне невыгодно, имѣя возможность держать подъ огнемъ противника съ дистанціи 6 верстъ, а можетъ быть и больше, пренебречь этимъ преимуществомъ. Если этого не дѣлалось раньше, то только въ силу плохой видимости цѣлей и неувѣренности въ результатахъ своего огня. Теперь это отпадаетъ.

Несомнѣнно противникъ отвѣтитъ тѣмъ же. Такимъ образомъ, издали начатый бой долженъ дольше затянуться. Пѣхотѣ придется много претерпѣть, пока она будетъ имѣть возможность дѣйствовать своимъ оружіемъ.

Артилерійская дуэль съ дальнихъ дистанцій явится первымъ актомъ боевого столкновенія. Отъ исхода этого состязанія зависитъ благополучіе пѣхотной атаки. Въ мирное время артилерія должна приложить все стараніе, чтобы изоцирить свое дѣйствіе именно съ самыхъ дальнихъ дистанцій. Помимо качества, число орудій сыграетъ значительную роль.

Само собой понятно, что дѣйствительность огня должна возрасти, такъ какъ наблюдать за разрывами снарядовъ сверху значительно легче. Фальшивыя наблюденія и вилки будутъ рѣже. Благодаря возможности вести болѣе точную пристрѣлку, чаще явится возможность стрѣлять гранатой, что какъ разъ отвѣчаетъ дѣйствию по окопавшейся щитовой артилеріи.

Цѣлеуказаніе и сосредоточеніе огня разбросанныхъ батарей значительно облегчится. Для артилеріи появятся невиданныя доселѣ цѣли. Именно—двигающіяся по воздуху и перемѣщающіяся въ трехъ направленіяхъ. Артилеріи приходится уподобится охотнику, который стрѣлялъ ранѣе по сидячему и бѣгущему звѣрю, нынѣ же принужденъ стрѣлять по летящей птицѣ. Для упражненій мирнаго времени появилась необыкновенно увлекательная интересная область, которая несомнѣнно всецѣло захватитъ артилерію, какъ нѣкогда стремленіе овладѣть угломѣромъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что и въ этой новой роли артиллерія будетъ имѣть большой успѣхъ.

Англійскій майоръ Белчеръ говоритъ ⁸⁾: «въ настоящее время уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ будущихъ войнахъ полевая, береговая и морская артиллерія должны стрѣлять по быстро движущимся дирижаблямъ и аэропланамъ».

Белчеръ полагаетъ, что такъ какъ воздушныя цѣли отлично видимы, то не трудно дальномѣромъ опредѣлить дистанцію и затѣмъ, выяснивъ направленіе и скорость движенія, дать поправку на предупрежденіе цѣли.

Помимо стрѣльбы по воздушнымъ цѣлямъ и стрѣльба по земнымъ потребуетъ повышенія этого искусства, такъ какъ разброска орудій, нарушение линейности и т. п., потребуетъ новыхъ усилій. Можетъ быть придется иногда отказаться отъ единоличнаго командованія цѣлой батареей, передавъ огонь взводнымъ и даже фейерверкерамъ. Выработка самостоятельности низшихъ артиллерійскихъ начальниковъ становится необходимой.

Какъ отзовется военное воздухоплаваніе на пополненіи боевыхъ припасовъ артиллеріи?

Съ одной стороны—лучшая видимость цѣлей, особенно отказъ отъ обстрѣливанія площадей, потребуетъ меньшаго ихъ расхода; съ другой стороны—веденіе боя съ дальнихъ дистанцій отсрочитъ развязку и, слѣдовательно, потребуетъ большаго расхода снарядовъ. Этому же будетъ способствовать возможность, полученная артиллеріей, чаще примѣнять свой огонь вслѣдствіе увеличенія числа цѣлей, обнаруживаемыхъ воздушными наблюдателями. Въ общемъ ожидается увеличеніе расхода.

Тутъ же уместно замѣтить, что возрастетъ потребность гранатъ, въ какомъ смыслѣ и придется измѣнить ихъ процентное отношеніе въ боевыхъ комплектахъ. Или придется ввести единый снарядъ.

Какъ отразится введеніе аэроплановъ въ артиллерію на величинѣ спеціальнаго пѣхотнаго прикрытія?

Казалось бы, что, при воздушныхъ наблюдателяхъ, рѣже могутъ быть случаи неожиданныхъ нападеній, почему назначеніе особаго пѣхотнаго прикрытія должно быть рѣже.

Ночные бои все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ значеніе. Боевыя дѣйствія большихъ силъ и ранѣе выливались въ многодневные бои. Какъ исторія показываетъ, съ усовершенствованіемъ оружія и техники длительность боевъ постепенно возрастаетъ. Нынѣ ночные

⁸⁾ «Вѣст. Оф. арт. шк.» № 6. Октябрь. 1912 г., стр. 41.

бои будуть практиковаться еще чаще, особенно противникомъ слабѣйшимъ по развитію военнаго воздухоплаванія. Преимущества возможности разсмотрѣть противника сверху, конечно, отпадаетъ въ ночное время, но все же воздухоплавательные аппараты могутъ съ пользою примѣняться и ночью. Такъ, напримѣръ, поднявшійся на змѣйковомъ аэростатѣ, артилерійскій наблюдатель принесетъ огромную пользу при разстрѣливаніи прожекторовъ противника, а также при стрѣльбѣ по цѣлямъ, освѣщеннымъ нашими прожекторами.

Наконецъ, недалеко то время, когда на дирижабли и аэропланы поставятъ прожекторы. Первый шагъ къ этому сдѣланъ фирмой Мюллера и Емильгофена; выработана свѣтящаяся ракета съ парашютомъ и рефлекторомъ, которая можетъ свѣтить съ воздушнаго аппарата, оставаясь на немъ или будучи сброшенной; она свѣтитъ 40 секундъ, освѣщая участокъ въ 500—600 метровъ. Рядъ послѣдовательно брошенныхъ сверху такихъ ракетъ можетъ освѣтить достаточный районъ. Особенно это будетъ примѣнимо тогда, когда двигатели аэроплановъ будутъ безшумны.

Относительно боя вообще слѣдуетъ еще разъ сказать, что будетъ начинаться онъ съ дальнихъ дистанцій, и первымъ его актомъ будетъ рѣшительная борьба артилеріи противъ артилеріи.

Въ этотъ періодъ боя управленіе огнемъ артилеріи придется объединять въ рукахъ крупныхъ артилерійскихъ начальниковъ, а не дробить артилерію по участкамъ; послѣднее можно будетъ сдѣлать тогда, когда покончено будетъ съ батареями противника, для чего и назначить въ участки, такъ же и для ближайшаго содѣйствія пѣхотѣ, батареи, коимъ посчастливилось не получить смертельныхъ ранъ въ первоначальной борьбѣ.

Въ наступательномъ бою понадобится выдвигеніе впередъ этихъ батарей, причемъ придется принять всѣ мѣры къ предотвращенію разгрома ихъ при переѣздѣ ожившими батареями обороны или припрятанными на сей случай.

Дѣйствіе отдѣльныхъ взводовъ и даже орудій, которые пойдутъ съ пѣхотой на лямкахъ, будетъ неизбѣжно. Въ этомъ случаѣ придется вспомнить о такъ называемыхъ полковыхъ орудіяхъ. Горныя орудія, введенныя въ штаты пѣхоты на правахъ, равныхъ пулеметамъ, были бы незамѣнимы.

Артилерія обороны, принимая вызовъ, должна стремиться обезпечить успѣхъ за собой; даже въ случаѣ неуспѣха должны быть даны въ распоряженіе пѣхоты мелкія артилерійскія части (взводы и орудія), огонь которыхъ будетъ вполне достаточенъ для обстрѣ-

ливанія мелкихъ пѣхотныхъ группъ и мѣсть накапливанія. Содѣйствіе этихъ орудій дополнить ружейный и пулеметный огонь пѣхоты обороняющагося. Можетъ быть иногда эти взводы и орудія расположатся укрыто заблаговременно и не примуть участія въ состязаніи.

Генераль Роне, комментируя послѣднее сочиненіе г. Персэна, говоритъ ⁹⁾: «способъ стрѣльбы по пѣхотѣ видоизмѣняется въ зависимости отъ того—атакуемъ ли мы или обороняемся: цѣли для атакующаго неподвижны, и обстрѣливаніе не представляетъ затрудненія: напротивъ, обороняющійся имѣетъ дѣло съ незначительными, то здѣсь, то тамъ, появляющимися и быстро исчезающими за прикрытіями цѣлями. При обстрѣливаніи этихъ цѣлей подобно неподвижнымъ—быстро была бы израсходована масса снарядовъ, да и притомъ стрѣльба всегда бы запаздывала. Генераль Персэнь разсматриваетъ многія предложенія различныхъ офицеровъ, которые все сводятся къ тому, чтобы обстрѣливать эти цѣли отдѣльными орудіями или взводами».

Сводя все изложенное въ этой статьѣ, возможно сдѣлать слѣдующіе выводы:

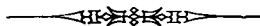
1) Примѣненіе воздухоплаванія облегчило стрѣльбу изъ орудій и тѣмъ увеличило значеніе артилеріи.

2) Возможность далеко видѣть удорожила цѣну дальнобойности, погоня за которой поведетъ къ увеличенію калибра, т.-е. въ полевомъ бою возрастетъ число тяжелыхъ орудій.

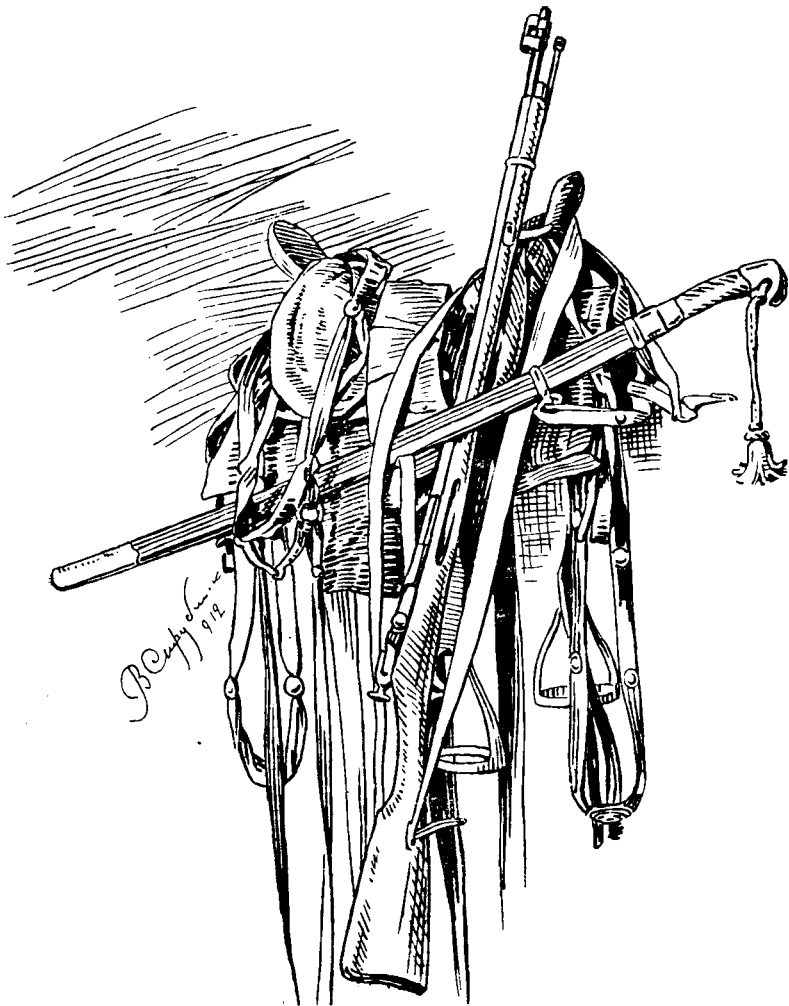
3) Нарождаются новые виды стрѣльбы: а) по указаніямъ воздушныхъ наблюдателей и б) по быстро движущимся воздушнымъ цѣлямъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ признать, что тактика артилеріи въ извѣстной мѣрѣ должна видоизмѣниться. Необходимо дать этому роду войскъ теперь же широкую практику въ упражненіяхъ новаго вида. Нельзя забывать, что войска въ военное время дѣлаютъ то, чему ихъ учили въ мирное.

Н. Кабаловъ.

⁹⁾ Переводъ ст. ген. Роне, Н. С. «Вѣстн. оф. арт. шк.» № 7. Ноябрь. 1912 г., стр. 50 и 51.

ВЫЪЗДКА СТРОЕВОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛОШАДИ.

(Продолженіе)¹⁾.

Глава XVIII.

Тринадцатая недѣля выѣздки. Постановка лошади на наметь.

Начиная съ тринадцатой недѣли приходится работать лошадей ежедневно, не давая льготнаго дня. Въмѣсто этого суббота посвящается выѣзду въ поле.

Работа въ рукахъ сокращается съ 20 минутъ на десять. По прямому направленію работаютъ всего одну—двѣ минуты, все

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 1.

остальное время посвящая приниманію. Стараются добиться, чтобы по командѣ: «*смирна, по барьеру принимай направо* (налѣво)» всѣ наѣзники быстро и *не останавливаясь* перехватили руки и дали лошадямъ поводомъ и рукою постановленіе направо (налѣво) и по командѣ «*маршъ*», отведя передъ отъ стѣнки, легкими ударами палочки заставили лошадь принимать. Точно также и повороты, какъ на переду, такъ и на задѣ, слѣдуетъ дѣлать быстро и одновременно.

Послѣ десяти минутъ работы въ рукахъ, смѣну сажаютъ на лошадей. Теперь слѣдуетъ одинъ день вести работу преимущественно въ смѣнѣ, на дистанціяхъ, другой день врознь, такъ какъ и тотъ и другой способы обученія имѣютъ свои достоинства и недостатки.

Работая въ смѣнѣ на дистанціяхъ, вы лучше видите каждого всадника и ни одинъ не ускользнетъ отъ вашего вниманія. Лошади дисциплинируются, что для молодой лошади имѣетъ громадное значеніе. Она не идетъ, какъ хочетъ, но идетъ такъ, какъ ее ведутъ; она должна дѣлать вольты и повороты исключительно по командѣ, одновременно; размѣръ движенія, величина поворота уравниваются. Но продолжительная ѣзда въ смѣнѣ развиваетъ табунныя наклонности идти за вожакомъ: лошадь и всадникъ тупѣютъ и начинаютъ исполнять команду машинально. Если все время работать въ смѣнѣ, гусемъ, лошадь дѣлается несмѣлой и несовкой, впоследствии неохотно отдѣляется отъ строя, а отдѣлившись теряется, боится, прыгаетъ, волнуется, покрывается потомъ и пѣною.

Работая врознь, вы не имѣете возможности наблюдать каждого всадника по очереди. Нужно большую привычку смотрѣть, чтобы видѣть каждого всадника. Аллюры не всегда точно уравниваются, смѣна и фронтъ первое время не идутъ такъ спокойно и не равняются такъ чисто, но всѣ эти мелочи вполнѣ покрываются тѣмъ, что лошадь, работанная врознь, становится смѣлой и увѣренной въ самой себѣ. Встрѣчаясь и перекрещиваясь на тѣсной площади манежа она не кидается отъ лошадей, всюду и вездѣ она полагается лишь сама на себя, дѣлается смѣлой. Ей не нуженъ ни въ какомъ случаѣ примѣръ другой лошади: она все привыкла дѣлать *сама*, по волѣ своего всадника, и это дѣлаетъ ее смѣлою, а потому и незамѣнимою въ полѣ. Привыкнувъ ходить одна, она не боится выйти изъ строя, на ординарцахъ, въ дозорѣ, съ донесеніемъ. Эта лошадь идетъ спокойно и увѣренно, не нервничая и не волнуясь. Все это такія положительныя качества, которыя заставляютъ весь четвертый мѣсяцъ вести занятія—три раза въ недѣлю врознь и только два раза, и то не работать, но лишь повѣрять, въ смѣнѣ.

Урокъ тринадцатой недѣли придется распредѣлить такимъ образомъ: когда смѣна сѣла, дать пройти немного галопомъ и сейчасъ же прибавленная рысь. Если ѣзда врознь, то нужно наблюдать за тѣмъ, чтобы всадники работали поровну налѣво и направо. Если ѣзда въ смѣнѣ, то можно посерединѣ манежа поставить препятствія (діагональ), приказать всадникамъ оттянуть на четыре лошади дистанціи и провести раза четыре черезъ препятствія, пемѣняя направленіе изъ угла на уголъ. Передъ болѣе низкимъ препятствіемъ (первымъ) можно положить подсказку и сказать, чтобы всадники шли совершенно спокойно, не измѣняя посадки, широкою рысью до подсказки. У подсказки слѣдуетъ опустить руки до холки, ту же взять лошадь въ шенкеля и, слегка нагнувши корпусъ впередъ, отдѣлится сѣдалище отъ подушки. Если лошади были хорошо выработаны на клѣткѣ, можно съ увѣренностью сказать, что онѣ легко и не ошибаясь пройдутъ діагональ.

Послѣ пяти минутъ прибавленной рыси—переходъ на строевую рысь. Усиливая шенкель, подобрать поводъ и заставить лошадь поджать задъ, напружиниться и пойти собранною темпистою рысью. Затѣмъ перевести смѣну на шагъ, дать немного—двѣ, три минуты—оправиться, поѣздить мимо чучель и препятствій, подобрать поводъ и строевая рысь на пять минутъ.

Если работа идетъ врознь, то обучающій командуетъ «*вольтъ—маршъ*»: каждый дѣлаетъ вольтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его застигнетъ команда, и въ ту сторону, куда ему удобнѣе, и продолжаетъ движеніе. Также исполняетъ и команду «*назадъ маршъ*», мѣняя направленіе полувольтомъ, какъ это ему будетъ удобнѣе. Затѣмъ дѣлаетъ повороты кругомъ на переду и на задѣ и, по командѣ «*прямо*», требуетъ, чтобы лошади, подобравшись и взявши поводъ, сдѣлали два шага шагомъ, а затѣмъ стали на рысь. Затѣмъ приказываетъ осаживать, для чего командуетъ: «*смѣна, назадъ равняйся, маршъ*». По командѣ «*маршъ*» всѣ всадники, сжавъ лошадей шенкелями и подобравъ, такимъ образомъ, задъ подъ передъ, набираютъ поводья и останавливаютъ лошадь. Потомъ, продолжая натягивать поводъ и слегка подталкивая лошадь шенкелями, заставляютъ ее осадить на 2—3 шага. Затѣмъ подается команда «*прямо*». По этой командѣ всадники, не бросая повода, ровнымъ рѣшительнымъ нажатіемъ обоихъ шенкелей побуждаютъ лошадь двинуться впередъ, дѣлаютъ два шага шагомъ и переходятъ на рысь.

Если работа идетъ въ смѣнѣ, то, ведя смѣну на двѣ лошади дистанціи, обучающій повѣряетъ правильность аллюра, дѣлая повороты «по два, по три, по четыре и т. д. направо и налѣво» и на-

блюдая, чтобы всадники, отчетливо повернувши лошадей около задней ноги и не сокращая движенія, шли черезъ манежъ вдоль или поперекъ ровною рысью, не съѣзжаясь и не разѣзжаясь и не обгоняя другъ друга. Затѣмъ дѣлають вольты, полувольты, повороты кругомъ и осаживаніе.

Движеніе строевой рысью должно быть продолжительностью пять минутъ. Переведя на шагъ и давъ минуты три оправиться, обучающій, если смѣна работалась врознь, собираетъ ее на двѣ лошади дистанціи и ведетъ по манежу сокращенною рысью. Обойдя одинъ разъ кругомъ манежа, онъ командуетъ *«на кругъ марши»* и, поработавши на кругу около трехъ минутъ въ одну сторону, ставитъ смѣну снова по манежу; перемѣнивши направленіе работы, опять ведетъ на кругъ и работаетъ на кругу въ другую сторону столько же времени, сколько работала и въ первую. Затѣмъ снова ведетъ смѣну по манежу и, когда удостовѣрится, что всѣ лошади взяли ритмичную, покойную, сокращенную рысь и подобрались, приказываетъ дать постановленіе въ сторону движенія. Предположимъ, смѣна шла по манежу направо. По командѣ *«дать постановленіе направо»*, всѣ слегка сокращають правый поводъ такъ, чтобы видѣть правый глазъ лошади. Затѣмъ, когда главный номеръ будетъ недалеко отъ угла, обучающій командуетъ: *«смѣна, по головному номеру, по барьеру принимай направо»*. Головной номеръ, выходя изъ угла и имѣя лошадей слегка согнутою въ правомъ боку, прикладываетъ туго правый шенкель, а легкими толчками лѣваго шенкеля заставляетъ лошадь откинуть задъ и начать приниманіе. Пройдя приниманіемъ нѣсколько шаговъ, по командѣ обучающаго *«прямо»*—головной номеръ ставитъ свою лошадь по стѣнкѣ манежа.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ начиналъ приниманіе и гдѣ ставилъ свою лошадь прямо первый номеръ, дѣлають это и остальные номера. Если обучающій найдетъ нужнымъ, онъ дѣлають это движеніе еще разъ или продѣлываетъ приниманіе головой въ манежъ. Если смѣна шла направо, обучающій приказываетъ дать лошадямъ постановленіе налѣво и, когда головной номеръ будетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ угла, командуетъ: *«смѣна, по головному номеру изъ угла по барьеру принимай налѣво»*. Головной номеръ, выйдя изъ угла, отводитъ передъ лошади на $1\frac{1}{2}$ шага отъ стѣнки и, усиливши давленіе лѣваго шенкеля, движеніемъ обѣихъ рукъ влѣво и легкими толчками праваго шенкеля заставляетъ лошадь, согнувшись въ лѣвомъ боку, идти вдоль стѣнки манежа. За головнымъ номеромъ продѣлываетъ это движеніе и вся остальная смѣна.

Переменивъ направленіе, обучающій дѣлаетъ приниманія въ обѣ стороны въ новомъ направленіи, затѣмъ ведетъ смѣну широкою рысью, мѣняетъ направленіе и, пройдя широкою рысью въ новомъ направленіи, становить лошадь на шагъ и даетъ смѣнѣ оправиться.

Въ то время, когда смѣна ходитъ шагомъ на свободномъ поводу, обучающій по одному всаднику вызываетъ на наметъ.

Передъ описаніемъ этого движенія позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ книги Джемса Филлиса о галопѣ, такъ какъ хорошо выѣзженная казачья лошадь должна идти наметомъ совершенно также, какъ всякая верховая лошадь идетъ галопомъ. Наметь—это одно названіе. Работая два года надъ киргизскими лошадьми, я убѣдился, что всякая лошадь можетъ и должна имѣть правильныя естественныя движенія. И различныя «тропоты», «наметы», «перевалы» и пр. являются искусственными аллюрами, разслабляющими лошадь, а потому вредными для военной лошади.

«Самый трудный и сложный аллюръ—это «галопъ», пишетъ Д. Филлисъ. «Есть нѣкоторыя движенія на галопѣ, исполнять которыя отчетливо и такъ, какъ нужно, удастся немногимъ наѣзδικамъ. Начинаю я съ лошадью галопъ только тогда, когда на всѣхъ аллюрахъ она подчиняется мнѣ, не только физически, но, такъ сказать, и нравственно, когда она стала гибка, хороша въ поводу и легко уступаетъ шенкелямъ. Съ галопомъ я не тороплюсь и жду до тѣхъ поръ, пока поясница, бедра и скакательные суставы лошади не пріобрѣтутъ полной гибкости и упругости, пока лошадь не станетъ безошибочно понимать и подчиняться взаимодѣйствию шенкелей и поводевъ. Словомъ, до тѣхъ поръ, пока я не увѣренъ въ томъ, что вполне могу располагать по усмотрѣнію проявленіями силы, вызываемой этими воздѣйствіями. Когда всѣ эти условія на лицо, я увѣренъ, что сразу вѣрно поставлю лошадь на такой галопъ, какой я захочу, а не на такой, какой захочетъ она. Если лошадь уступаетъ шенкелямъ, то я могу съ перваго шага воспринять ея боцить,—это очень важно. Ничего не можетъ быть хуже этой привычки лошади, а пріобрѣтеніе привычки легче предупредить, чѣмъ впоследствии ее исправлять. Легче сразу поставить лошадь на вѣрный галопъ по прямой, чѣмъ потомъ, когда лошадь привыкла заносить въ сторону бедра, исправлять ее.

Корпусъ на галопѣ всадникъ долженъ держать прямо. Если всадникъ гнется, то его бросить впередъ. Если онъ отваливается назадъ, то поясница его будетъ выгибаться и сидѣть будетъ натянуто.

Лошадь идетъ галопомъ справа и слева.

На галопъ справа, ноги правой стороны лошади идутъ впереди и первая становятся на землю. При галопѣ слѣва, лошадь ступаетъ наоборотъ.

Поднимая лошадь въ галопъ первый разъ, надо поднимать въ галопъ съ правой ноги.

Желая поднять лошадь въ галопъ, надо ее сначала поставить. Положимъ, нужно поднять лошадь съ правой ноги. Ожививъ шенкеля, обѣ руки надо подать немного влѣво, отчего правые поводья станутъ немного туже лѣвыхъ; лѣвое плечо задержится, но голова останется и должна оставаться прямо и только конецъ храпа едва стоитъ вправо. Лошадь поставлена, но надо ее оживить. Для этого туже беру шенкеля, чѣмъ подвожу задъ подъ центръ тяжести, и еще сильнѣе налегаю лѣвымъ шенкелемъ (лѣвый шенкель будетъ закинуть немного болѣе назадъ, по сравненію съ положеніемъ праваго).

Приемистая лошадь отъ шенкелей тотчасъ пойдетъ на поводъ. Въ этотъ моментъ, пользуясь даннымъ шенкелями посыломъ, я натягиваю, поднятыми кистями рукъ, поводья, чѣмъ и поднимаю лошадь въ галопъ, не допустивъ ее растянуться и пойти рысью.

Вялую лошадь шенкелями жать нужно дольше, а, въ случаѣ нужды, надо обратиться къ шпорѣ.

Лошади, поставленной въ описанное положеніе, не подняться въ галопъ справа трудно, но если бы она пошла рысью или поднялась въ галопъ слѣва, то ее слѣдуетъ мгновенно остановить, снова поставить и продѣлывать всѣ приемы до тѣхъ поръ, пока она не поднимется вѣрно. Когда лошадь сдѣлала вѣрно галопомъ два, три маха, я ласкаю ее, отпускаю поводья и даю ей пройти свободно по манежу ¹⁾).

Затѣмъ повторяю три, или четыре раза тотъ же репризъ ²⁾...

Передъ тѣмъ, какъ обучать лошадей правильному намету, обучающій собираетъ смѣну и приказываетъ ей ѣздить свободно, безъ дистанцій, по манежу направо. Затѣмъ приказываетъ головному номеру подобрать лошадь, то есть, сжавши ее туго шенкелями, принять на поводъ; послѣ этого, подавши руки чуть влѣво и набравши слегка правый поводъ такъ, чтобы лошадь чуть сдала храпъ вправо, наѣздникъ, сильнѣе напирая на правое стремя, короткимъ и рѣзкимъ нажатіемъ шенкелей, *не сдавая повода*, заставляетъ лошадь идти наметомъ. Если лошадь не поняла того, что отъ нея требуется, и пошла рысью или стала бочить, или пошла наметомъ

¹⁾ Чтобы сильнѣе вѣздалось въ памяти.

²⁾ Джемсъ Филлисъ. «Основы выѣдки и ѣзды». Изданіе первос. 1901 г. Стр. 130, 131, 132 и 133.

съ лѣвой стороны, ее нужно остановить, снова поставить на шагъ и опять потребовать намета. Лошадь, наконецъ, поняла и поднялась въ наметъ. Сейчасъ же ее нужно огладить, перевести на шагъ, со свободно брошеннымъ поводомъ пройти нѣсколько шаговъ и снова подобрать и продѣлать подъемъ въ наметъ еще два, три раза. Затѣмъ головой померъ слѣзаетъ, а обучающій продѣлываетъ тоже самое со вторымъ, третьимъ и т. д.

Прошу запомнить, что первый урокъ постановки въ наметъ имѣетъ громадное значеніе; поэтому на него не нужно жалѣть ни времени, ни терпѣнія. Нужно непременно добиться того, чтобы лошадь стала въ наметъ совершенно прямо, не откидывая отъ стѣнки манежа ни зада, ни переда, чтобы согнута она была въ правомъ боку, чтобы всадникъ сидѣлъ совершенно свободно въ сѣдлѣ, отнюдь не отваливая корпуса назадъ и чтобы лошадь подавалась впередъ совершенно мягко и спокойно.

Если лошадь упорно отказывается идти наметомъ съ правой ноги, слѣдуетъ ставить ее въ наметъ изъ угла, то есть въ тотъ моментъ, когда она естественнымъ образомъ согнута въ правомъ боку, или пускать ее въ наметъ на широкомъ вольту.

Первый урокъ тринадцатой недѣли вы добьетесь того, что лошади вашей смѣны поодиночкѣ довольно легко и свободно будутъ становиться отъ посыла шенкелями въ наметъ и держаться на этомъ аллюрѣ два-три маха.

На второмъ урокѣ слѣдуетъ, разведя смѣну на 4 лошади дистанціи, приказать всѣмъ по командѣ «*наметомъ марши*» продѣлать указанное. Отнюдь не слѣдуетъ требовать одновременнаго исполненія, но каждый пускаетъ свою лошадь тогда, когда она готова. Если нѣкоторыя лошади упорно не желаютъ идти наметомъ съ правой ноги, ихъ слѣдуетъ пустить изъ угла или перевести на вольтъ и работать сначала, пытаясь пустить въ наметъ на кругу. Проведя смѣну наметомъ одинъ кругъ, слѣдуетъ перевести ее на рысь, потомъ на шагъ и затѣмъ огладить лошадей и кончить урокъ.

На третьемъ урокѣ слѣдуетъ, пустивши лошадей наметомъ съ правой ноги, провести ихъ два круга по манежу, потомъ скомандовать перемѣну направенія изъ угла. Приказать послѣ поворота лошади на діагональ идти рысью до послѣдующей прямой стѣнки манежа. У этой стѣнки подать обѣ руки слегка вправо, чѣмъ сократитъ нѣсколько лѣвый поводъ и заставить лошадь подать свой хвостъ влѣво, усиливъ давленіе шенкелей и даже толкнувъ ими, заставить лошадь стать на наметъ съ лѣвой ноги. Она станетъ довольно легко, потому что она собрана въ лѣвомъ боку, какъ постановленіемъ по-

водьями головы, такъ и самымъ своимъ движеніемъ въ уголь. Станетъ еще и потому, что, съ непривычки идти подь всадникомъ долго съ правой ноги, она слегка устала выносить правую ногу и она охотно идетъ съ лѣвой. Но если лошадь и послѣ этого не пойдетъ наметомъ съ лѣвой ноги, ее слѣдуетъ перевести на шагъ, выдѣлать изъ смѣны, взять по серединѣ манежа на большой просторный вольтъ и, сдѣлавъ по нему нѣсколько круговъ рысью, заставляя съ рыси стать на наметъ съ лѣвой ноги; какъ только лошадь пойдетъ наметомъ, сдѣлать нѣсколько маховъ, перевести на шагъ, огладить и закончить урокъ, чтобы лошадь запомнила что отъ нея требуется.

На четвертомъ и пятомъ урокахъ тринадцатой недѣли вы повторяете тоже самое, т.-е., пустивъ смѣну наметомъ съ правой ноги, дѣлаете такимъ образомъ три-четыре круга по манежу, мѣняете направленіе по діагонали рысью, чуть задерживаете лошадь при подходѣ къ противоположному углу, даете новое постановленіе головѣ лошади и пускаете смѣну съ лѣвой ноги.

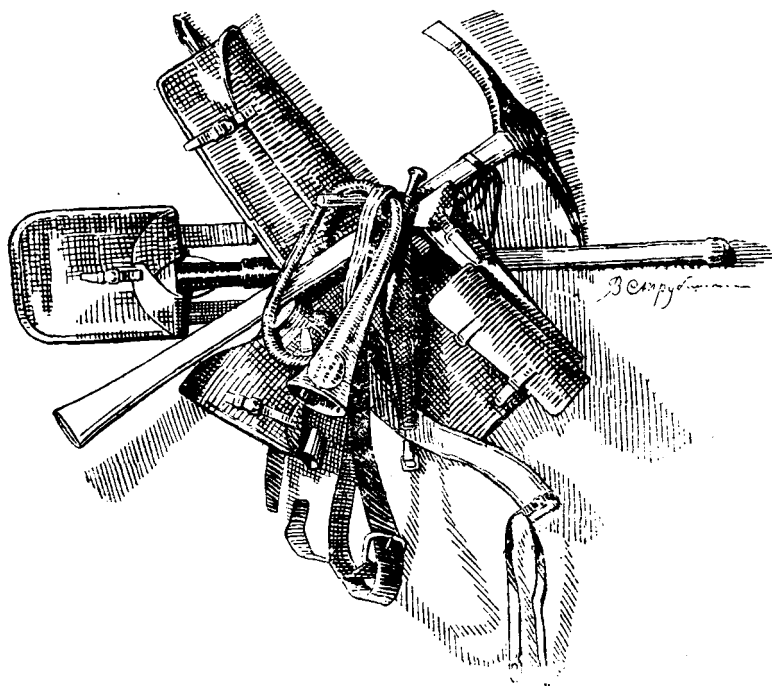
При обученіи намету слѣдуетъ наблюдать, чтобы всадники сидѣли прямо и спокойно въ сѣдлѣ. У неумѣлыхъ, неувѣренныхъ въ себѣ наѣздниковъ есть отвратительная привычка смотрѣть съ какой ноги идетъ лошадь. Всадникъ сваливаетъ корпусъ въ сторону, нагибаетъ голову, заглядываетъ на ногу лошади и часто сбиваетъ этимъ беспокойнымъ положеніемъ корпуса лошадь съ ноги. При обученіи казаковъ надо внимательно наблюдать, чтобы никто не позволялъ себѣ этого дѣлать. Хорошій наѣздникъ долженъ чувствовать съ какой ноги идетъ лошадь; если онъ не чувствуетъ этого, обучающій долженъ сказать ему, если его лошадь идетъ неправильно.

Такимъ образомъ къ концу тринадцатой недѣли лошади вашей смѣны должны недурно становиться въ наметъ съ правой ноги (можетъ быть и не сразу и не по командѣ), держаться на этомъ аллюрѣ около минуты, мягко переходить на рысь при переменѣ направленія по діагонали манежа и изъ угла брать наметъ съ лѣвой ноги.

Этимъ движеніемъ вы обыкновенно заканчиваете уроки тринадцатой недѣли. Раза два въ недѣлю вы работаете смѣну по препятствіямъ, постоянно приучаете къ чучеламъ, различнымъ предметамъ, выстрѣламъ, заставляете лошадей ложиться, стоять спокойно, когда на нихъ дѣлаютъ скашивание, какъ впередъ, для доставанія предметовъ съ земли, такъ и назадъ (отвагу).

П. Красновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИГНАЛИЗАЦІЯ ВЪ БОЮ.

Добавленіе къ статьѣ шт.-кап. А. С. Семенова, „Воен. Сборн.“ № 4.

Австрія. Условные знаки, подаваемые рукой, шапкой и т. п.

а) перечисленные въ строевомъ уставѣ:

Вниманіе: поднять одну руку отвѣсно и сдѣлать выдержку.

Двинуться или остановиться: поднять отвѣсно руку и вслѣдъ затѣмъ быстро опустить ее.

Вътомъ: предыдущій знакъ повторить нѣсколько разъ подрядъ.

Обнаруженіе противника: махать шапкой надъ головой.

Цѣль: вытянуть обѣ руки въ стороны.

Сборъ: обѣ руки вытянуть впередъ и скрестить на груди.

Лечь: показать рукой на землю, иногда принять это положеніе.

Вызвать одинъ взводъ ротнаго резерва: одинъ разъ поднять

руку отвѣсно и опустить; этотъ же знакъ, поданный два раза, обозначаетъ вызовъ двухъ взводовъ.

Удлинить флангъ на одной высотѣ съ цѣпью: вытянуть горизонтально одну руку по направленію этого фланга.

Удлинить и охватить: подать предыдущій знакъ и встѣдъ за нимъ указать рукой впередъ.

Сустить цѣпь: вытянуть горизонтально обѣ руки и показать на соответствующій участокъ цѣпи.

Недолетъ и перелетъ: взмахнуть какимъ-нибудь предметомъ назадъ и впередъ.

б) Знаки, имѣющіеся въ обиходѣ (Шмидтъ. Справ. книга австро-венгерской арміи, переводъ 1911 г.), но уставомъ закрѣпленные:

Видна непріятельская пѣхота: поднять шапку.

Видна непріятельская конница: подражаніе движенію всадника.

Видна непріятельская артиллерія: подражаніе движенію орудія съ запряжкой.

Доставка донесенія: поднять высоко правую руку.

Это слѣдуетъ позаимствовать и намъ.

Знаки, подаваемые во время боя цвѣтными флагами.

Синимъ: держаться; переданный подрядъ нѣсколько разъ передъ атакой, обозначаетъ «огневая поддержка».

Синимъ и желтымъ: наступленіе, наступать.

Синимъ и красно-бѣлымъ: назначить атаку (какъ предвареніе резервовъ или боевой части).

Синимъ, красно-бѣлымъ и желтымъ: стремиться къ перевѣсу огня.

Желтымъ: остановить огонь.

Желтымъ и красно-бѣлымъ: подкрѣпленіе, подкрѣпить.

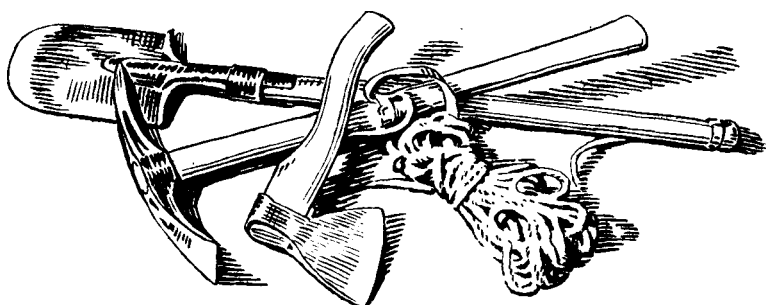
Красно-бѣлымъ: потребность въ боевыхъ припасахъ или боевые припасы будутъ придвинуты.

Сокращенная сигнализациія по азбукѣ Морзе.

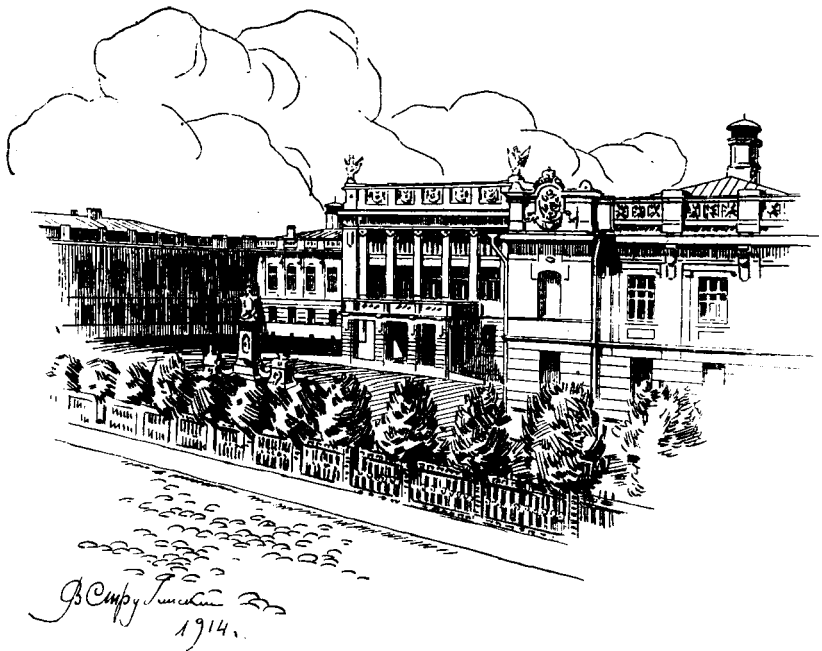
Заключаетъ въ себѣ 221 комбинацію изъ разныхъ буквъ, нѣчто вродѣ телеграфнаго кода:

. аа... переданный нѣсколько разъ означаетъ, что боевая часть подвергается опасности отъ огня собственной артиллеріи.

спеціального устройства ящикъ въ видѣ ранца; вертя ручкой можно выдвигать изъ этого ранца-ящика буквы большихъ размѣровъ, что продѣлываетъ или другой человекъ или тотъ же самый, снимая для этого ранецъ на землю. Буквы наблюдаются въ бинокль на разстояніяхъ до 1.000 шаговъ; ночью, когда этотъ ящикъ освѣщенъ лампочкой, буквы видны до 500 шаговъ. Изобрѣтатель полагаетъ, что его изобрѣтеніе пригодно для пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи.

Рс.

Вліяніе академическаго образования на нравственный элементъ (силу духа).

Странный взглядъ въ нашемъ ооществѣ на академистовъ!

Точно въ вѣкъ обскурантизма, когда всякая наука преслѣдовалась, какъ страшнѣйшій врагъ религіи, нынѣ занятія военными науками считаются портящими истинное военное искусство.

Нѣсколько авторитетныхъ голосовъ въ красивой формѣ рассказали примѣры, доказывающіе—будто бы академисты всегда хуже командовали, чѣмъ просто строевые; и вообще уступали послѣднимъ въ военномъ искусствѣ.

Эту [мысль какъ бы подтверждаетъ и г. А. Резановъ въ своемъ «Опытѣ военной психологіи... («Армія и толпа»—сообщеніе, сдѣланное въ Собраніи офицеровъ генеральнаго штаба Варшавскаго военнаго округа) слѣдующими словами: «Только природа, а не академія, надѣляетъ человѣка наиболѣе существеннымъ талантомъ полководца—*силою воли характера*»¹⁾).

¹⁾ Курсивъ г. Резанова.

Вообще сталъ укореняться взглядъ, что образованіе, а слѣдовательно и умственное развитіе не имѣютъ того *первенствующаго* для военнаго дѣла значенія, которое ему всегда до сихъ поръ придавали и которое ему на самомъ дѣлѣ принадлежитъ.

Нѣкоторое, какъ бы скептическое отношеніе къ «учености», къ академическому образованію въ средѣ военныхъ начало проявляться уже давно—со времени Тугута, Вейротера, гофкригсрата; но не высказывались такъ громко, открыто, не конфузясь, какъ это видимъ теперь.

— Академисты, молъ, въ лучшемъ случаѣ *знаютъ*, но не *умѣютъ*...

Академисты—непрактичны, безтактны, слабовольны; академисты—гастролеры строя и даже службы поля... Вообще на одномъ сообщеніи были нарисованы такія картины (а вѣдь картинами изъ настоящей, т.-е. дѣйствительной жизни можно при остроуміи доказать что угодно), которыя ярче солнечнаго дня доказывали, что нынѣ академіи—язвы и «зло здѣшнихъ мѣстъ»...

— Добре и по-дѣломъ досталось академистамъ, неправда ли? слышалъ я послѣ мнѣнія своихъ собесѣдниковъ; причемъ въ этихъ словахъ слышалась довольная нотка: наконецъ, молъ, воздали должное (?) счастливымъ выскочкамъ (?).

Не будучи самъ академистомъ, тѣмъ не менѣе я внутренно чувствовалъ и величайшую ненормальность, и несправедливость подобнаго заключенія, и въ своемъ возраженіи (на которое мнѣ было предоставлено не болѣе 5 минутъ) инстинктивно коснулся развитія силъ духовныхъ, къ числу которыхъ, притомъ одной изъ первенствующихъ, принадлежитъ и сила ума.

Но до сихъ поръ, признаюсь, я не могъ уяснить себѣ определенно—въ чемъ причина такого явно ненормальнаго заключенія, что академисты по службѣ будто уступаютъ не академистамъ.

Съ другой стороны я не могъ не согласиться съ констатирующими фактъ: на ряду съ высшимъ умственнымъ (что связано обыкновенно и съ прочимъ духовнымъ)—у нѣкоторыхъ—развитіемъ, въ то же время преимущественная—у другихъ академистовъ—страсть къ критиканству всего и вся безъ разбора, къ преувеличенному самомнѣнію и апломбу, страсть къ огульной характеристикѣ всѣхъ остальныхъ смертныхъ, какъ дураковъ, ничего не понимающихъ, ничего не знающихъ.

Въ скобкахъ: только страсть ругать всѣхъ дураками могла заставить забыть всѣмъ пзвѣстное изреченіе великаго мудреца: кто

ругаетъ другихъ дураками—самъ не умный человѣкъ, такъ какъ нормально дураковъ нѣтъ; есть идіоты.

Но этотъ же фактъ далъ и ключъ къ объясненію обскурантивнаго взгляда—будто академическое образованіе не есть въ тоже время и развитіе силы духа, нравственнаго элемента.

Смѣшиваютъ идею съ выполненіемъ ея. Уклоненіе отъ идеи ставятъ въ вину самой идеи.

Идея академій очевидна и безспорна: высшее образованіе—общее и специальное; т.-е.—высшее развитіе разума (высшее мышленіе) вообще и въ специальномъ направленіи.

Истинное же высшее развитіе ума неразрывно связано съ развитіемъ всей силы духа (нравственнаго элемента), хотя бы субъектъ этого и не сознавалъ. И въ этомъ отношеніи глубоко не правъ г. Резановъ, заявляющій, что только природа, а не академія, надѣляетъ человѣка наиболѣе существеннымъ талантомъ полководца; силою воли характера (?) можетъ надѣлать хоть не въ полной мѣрѣ и академія.

Какъ психологу, г. Резанову извѣстно, что есть рефлексы природные, но можно заучивать движенія, упражненія и этимъ выработать искусственные рефлексы во всемъ, не исключая силы воли, характера; какъ и сила физическая, и умственная обязательно должна имѣть свое развитіе при помощи упражненій для того, чтобы приобрѣсти рефлексивный, т.-е. какъ бы природный характеръ.

И сила воли (характера) создается преимущественно специальнымъ воспитаніемъ, которое и есть превращеніе произвольныхъ упражненій, движеній въ заученныя движенія, т.-е. рефлексивные (какъ бы природные, инстинктивные, наследственные).

Однако, какъ я уже сказалъ, кромѣ специального развитія силы воли, послѣдняя развивается рефлексивно, какъ бы при развитіи ума; вообще ни воля, ни умъ, ни чувство—не самостоятельны и развиваются не самостоятельно—отдѣльно, а съ развитіемъ души, такъ какъ душа цѣльно—одна и не раздѣляется на элементы: чувства, ума, воля; это только стороны души, тѣсно и неразрывно связанныя между собою!

Каждый можетъ легко убѣдиться въ этомъ посредствомъ наблюденій вообще за психической жизнью, въ особенности надъ эмоціями ²⁾ страха, а затѣмъ сравненіемъ силы воли, твердости

²⁾ Психическое возбужденіе, чувство.

характера у лицъ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ и обыкновеннымъ среднимъ. Лучше всего—сравненіемъ собственной силы воли, твердости характера до академіи и послѣ академіи: до самообразования и затѣмъ—черезъ нѣкоторый періодъ.

Объясняется это тѣмъ, что при высшемъ умственномъ развитіи воля направляется разумомъ (сознаніемъ) правильно и этимъ самымъ укрѣпляется.

Напримѣръ, въ академіи или вообще разумомъ, я постигъ, что заблаговременное составленіе плановъ всей кампаніи есть абсурдъ; такое познаніе сейчасъ же даетъ толчокъ волѣ—возбуждаетъ ее принять соотвѣтствующее рѣшеніе.

И созналъ, что одно изъ высшихъ достоинствъ вождей и вообще военныхъ—самообладаніе, и наоборотъ—распусканіе себя до предѣла «вышелъ изъ себя» въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и вообще къ другимъ есть въ высшей степени отрицательное качество для начальниковъ и пагуба для войскъ въ критическія минуты; это сознаніе, конечно, сейчасъ же даетъ толчокъ волѣ—держатъ себя въ рукахъ. Но, конечно, это при высшемъ развитіи интеллекта (разума).

Рельефнѣе всего показываетъ связь развитія общей силы духа съ развитіемъ умственнымъ (интеллекта) преодоленіе разумомъ безотчетнаго чувства страха, въ особенности одного изъ видовъ страха—*трусости*.

Какъ извѣстно, трусость опредѣляется, какъ страхъ малодушнаго человѣка. Слѣдовательно, очевидно при высшемъ умственномъ развитіи, развитіи мышленія, трусость, безотчетные страхи побѣждаются: благодаря этому укрѣпляется сила воли, потому что страхъ—смертельный врагъ силы воли (парализуетъ ее) и вообще силы духа; значить развитіе разума побѣждаетъ малодушіе.

Высшее умственное развитіе побуждаетъ посредствомъ воли человѣка дѣлать не то, что хочется (слушаться чувствъ), а то, *что должно*, т.-е. развиваетъ чувство долга (совѣсть).

Кромѣ того съ развитіемъ высшаго интеллекта связано и развитіе высшихъ (безкорыстныхъ) чувствъ человѣка (любовь къ отечеству, любовь къ прекрасному и др.).

Высшій же интеллектъ даетъ правильное понятіе о долгѣ. Онъ же эволюціонируетъ чувства человѣка, превращая простѣйшія и низшія въ болѣе сложныя и высшія ³⁾.

³⁾ Напр., страхъ—въ опасеніе и предусмотрѣніе зла. Гнѣвъ—въ негодованіе и неодобреніе; печаль—въ грусть и даже умиленіе; зависть и соперничество можетъ при помощи интеллекта перейти въ соревнованіе и т. п.

Вообще было бы очень долго перечислять примѣры, указывающіе налічіе связи между развитіемъ силы ума и силой духа. Достаточно напомнить, что *все воспринимаемое умомъ* обязательно сопровождается *вниманіемъ, т.-е. актомъ воли*. Всякое вообще познаніе является возбуждителемъ воли, находя исходъ въ какомъ-нибудь актѣ воли, выражается ли этотъ актъ воли дѣйствіемъ (осуществленіе познанія) или скопленіемъ энергіи (сила желанія, хотѣнія, напряженіе).

Правда, сила духа, величіе человѣка, измѣряется прежде всего силою воли, какъ своею высшей двигательной силой, и потому послѣднюю слѣдовало бы развивать спеціально и одновременно съ развитіемъ ума и чувствъ, но это еще не даетъ права говорить, что академіи, какъ имѣющія цѣлью высшее умственное развитіе, не надѣляютъ человѣка силою воли, хотя это и происходитъ безсознательно.

Послѣднее мнѣніе, послѣ всего сказаннаго, очевидно не имѣетъ серьезнаго основанія. И мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что академисты (исключенія всегда бываютъ) *умѣютъ* работать, умѣютъ себя заставить дѣлать (это вѣдь сила воли) то, что должно: вообще нравственный элементъ академистовъ становится выше.

Но только въ академіяхъ до сихъ поръ въ силѣ переоцѣнка ума и познаній, забывая, что воля—господствующая сила души, распоряджающаяся колоссальнымъ запасомъ энергіи, какъ простой—физической, такъ и сложной—душевной, забывая, что волей осуществляется все, что добыто умомъ (познаніями) и чувствомъ. И вотъ, несмотря на это чрезвычайное практическое значеніе развитія силы воли (особенно для военныхъ), этой силѣ предоставляютъ свободно развиваться или уменьшаться безъ всякаго контроля и сознанія.

Современная же наука говоритъ, что сила воли, сила характера, достигается соответствующими спеціальными упражненіями, подобно гимнастикѣ. Лучше все, поучно съ упражненіями по развитію ума и чувствъ, т.-е. общаго развитія психизма. Нужно достигнуть *сознанія воли, т.-е. чувствованія въ себѣ воли*, а это дается развитіемъ всего психизма.

Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, такая неудовлетворенность академіями, выразившаяся такъ открыто даже въ печати и такъ не научно-скептически?

Повторю: причина въ смѣшеніи идеи съ ея выполненіемъ.

Такое же смѣшеніе идеи съ ея выполненіемъ мы видѣли и въ

отрицаніи доктрины (*всякую* доктрину стали отрицать потому, что *нѣкоторыя* доктрины неумѣло и некстати примѣнялись).

Также вопреки очевидности и ясной необходимости дать дорогу гениямъ и талантамъ, стали отрицать идеи выдвигенія за отличія, изъ-за дѣйствительно неправильнаго примѣненія этой идеи (даже злоупотребленій въ примѣненіи).

Величайшій художникъ, Л. Толстой (но далеко не величайшій философъ и мудрецъ), также смѣшалъ идею книгъ съ ея выполне-ніемъ и ополчился вообще на книги и писательство.

И тому-подобные безчисленные на каждомъ шагѣ нашей жизни примѣры смѣшенія самой идеи съ ея выполне-ніемъ. Мы забываемъ, что сказалъ одинъ извѣстный психологъ: «въ концѣ концовъ всякая идея хороша, разъ она вѣрно выполняется».

Теперь рассмотримъ идею академій и ея выполнение.

Идея академій—высшее умственное развитіе общее (разумъ вождя долженъ обладать большой силой замысла; долженъ понимать все, не исключая и даже главнымъ образомъ психологію) и въ специальномъ отношеніи—примѣненіе всего добытаго наукою для военныхъ цѣлей, въ томъ числѣ пониманія первѣйшей необходимости развить ¹ въ себѣ, какъ въ воинѣ, тѣмъ паче вождѣ, силу воли.

На практикѣ эта идея если и осуществляется, то случайно, въ видѣ исключеній. Вообще же въ академіяхъ, какъ и въ училищахъ, практикуется пересказъ въ красивой формѣ програмнаго курса изъ книжекъ или записокъ профессоровъ.

Этотъ пересказъ въ красивой формѣ, гдѣ требуется запоми-наніе только того, что предусмотрено программой, конечно не можетъ удовлетворить идеѣ академій, такъ какъ (умѣстенъ лишь при начальномъ умственномъ развитіи, въ томъ періодѣ развитія чело-вѣка, когда умъ только *воспринимаетъ* свѣдѣнія въ готовомъ видѣ (разжеванномъ и переваренномъ авторами книгъ), накапливаетъ эти свѣдѣнія, однако еще не познаетъ ихъ сущность, природу, т.-е. *еще не сознаетъ*. Однимъ словомъ изучаетъ примѣры.

Въ академіяхъ же должно бы было имѣть мѣсто именно послѣднее, т.-е. развитіе познанія сущности явленій войны со всѣми ея элементами и факторами; *развитіе* сознанія *войны и самостоятельныя выводы*.

Выполненіе этой идеи вылилось въ уродливую форму *обученія*

критиканству (подъ названіемъ «разбора») лицъ и поступковъ ихъ въ данномъ примѣрѣ, притомъ крѣпко связывая мышленіе экзаменуемаго неосновательнымъ, но категорическимъ, хотя и условнымъ требованіемъ: такихъ-то лицъ и такіе-то поступки считать правыми и правильными, а такихъ-то—наоборотъ (откуда вѣроятно и походить противъ доктрины, забывая, что высшее умственное развитіе, правильное пониманіе, сознаніе явленій военнаго міра—удѣлъ немногихъ, а потому для остальныхъ—свободные выводы и рѣшенія поведутъ къ ошибкамъ и катастрофамъ).

Для рельефа—возьмемъ изученіе военной исторіи въ академіяхъ. Вѣдь очевидно, что военная исторія изучается не для того, чтобы блеснуть въ разговорѣ знаніемъ о томъ, что существовали Александръ Македонскій, Аннибалъ и др., и какіе они сдѣлали походы, одержали побѣды. Не для того даже, чтобы руководиться ихъ примѣрами, подражать имъ, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть повторяющихся событій войны съ одинаковой обстановкой; измѣненіе же самой незначительной данной не позволяетъ пригнать событіе къ прежней формѣ по результату. Очевидно, что военная исторія изучается для того, чтобы изъ массы частныхъ случаевъ разныхъ временъ и обстановокъ познать общіе, вѣчные или, для опредѣленныхъ періодовъ, міровые законы и условія явленій войны ⁴). И такъ какъ главную роль здѣсь играетъ человѣкъ, то необходимо преимущественное изученіе — явленій психологическихъ и физиологическихъ человѣка. Значить военная исторія должна давать выводы психологіи (бойца, вождя, народа, боя и пр.). На самомъ же дѣлѣ даются только примѣры...

Эту тему трудно вмѣстить въ рамки обыкновенной журнальной статьи и мнѣ хотѣлось разработать ее детально особо, но время не позволяетъ. Между тѣмъ невозможно обойти молчаніемъ распространеніе взгляда о небольшомъ практическомъ значеніи военныхъ академій; вообще въ военномъ дѣлѣ—высшаго умственнаго развитія.

Я и хотѣлъ доказать (не знаю насколько это удалось), что академія, даже въ случаѣ неполнаго выполненія своей идеи, возвышаетъ проходящихъ черезъ нее однимъ тѣмъ, что является сознаніе этого возвышенія, сознаніе необходимости приноровиться къ этому возвышенному мѣсту, удержаться на немъ послѣ того, какъ на него поставили или самъ какъ бы по ступенямъ взобрался. Зна-

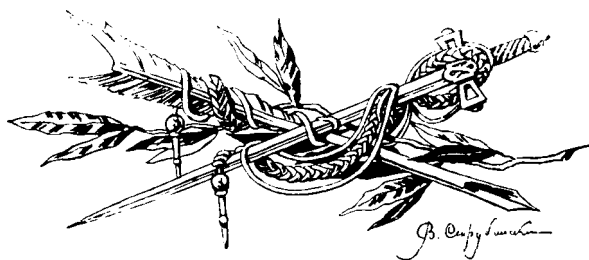
⁴) Такъ, изученіемъ Суворовъ постигъ вѣчное условіе успѣха на войнѣ: быстрота дѣйствій, сила натиска и быстрая оцѣнка (притомъ правильная) обстановки. Вотъ результатъ умственнаго развитія, притомъ высокаго.

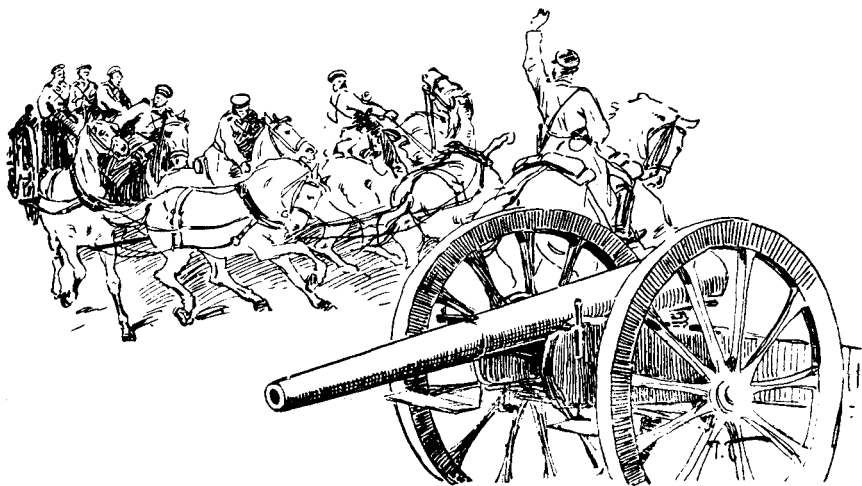
читать общее возвышеніе нравственнаго элемента—несомнѣнно. А исключенія вездѣ бывають. Ничего не значать и случаи апломба и неумѣреннаго самомнѣнія: съ дальнѣйшимъ умственнымъ развитіемъ и апломбъ, и излишнее самомнѣніе—исчезають.

Изъ сказаннаго напрашивается выводъ, что академическое военное образованіе должно быть удѣломъ не немногихъ, а всѣхъ могущихъ стать вождями, всѣхъ офицеровъ, т.-е. слѣдовало бы вмѣсто академіи увеличить курсъ военныхъ училищъ, создавъ изъ нихъ военные университеты съ разными, по специальностямъ, факультетами.

Необходимо помнить, во-первыхъ, что науки, подобно мясу, тѣмъ лучше усваиваются, чѣмъ больше перевариваются, и во-вторыхъ, что высоко-умственно развитой воинъ несравненно *тверже въ своихъ убѣжденіяхъ*, въ исполненіи своего долга, чѣмъ средне-выученный, а тѣмъ болѣе исковерканный ученіемъ; въ послѣднемъ случаѣ—лучше совсѣмъ неученый.

А. Дмитревскій.

Вліяніє артилерійскаго огня на психику.

(Военно-психологическій этюдъ).

Жоти, въ настоящіе дни, огонь въ бою считаютъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, рѣшающихъ побѣду (слѣдовательно, ему приписываютъ громадное значеніе въ достиженіи боевого успѣха надъ противникомъ не только въ смыслѣ физическаго воздѣйствія (раненій и смерти), но и психическаго вліянія въ смыслѣ подавленія психики противника), однако, мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что, поражая противника огнемъ и рѣняя его физически, мы пока ничего не знаемъ. *какъ же мы ранимъ противника психически?*

Въ чемъ заключается это раненіе? Какими путями мы воздѣйствуемъ на психику? Есть ли строгая параллель между физическимъ пораженіемъ и психическимъ или же этой строгости нѣтъ? Возможно ли безъ физическаго пораненія—воздѣйствіе психическое? Эти и тому подобные вопросы до настоящаго времени не подвергались не только строгой, но и вообще научной разработкѣ. Говоря иначе, мы не знаемъ психологін огня (артилерійскаго и ружейнаго).

А жаль, очень жаль! Психологія огня могла бы открыть глаза на многія непонятныя доселѣ явленія во время сраженій и дала бы возможность дѣйствовать огнемъ въ сраженіяхъ не въ темную, какъ теперь, а въ открытую съ предварительнымъ расчетомъ причинъ и слѣдствій въ психикѣ сражающихся.

Имѣя цѣлью, хотя бы частью, освѣтить этотъ вопросъ, я взялъ на себя задачу набросать нѣсколько этюдовъ, рисующихъ психическое состояніе бойцовъ подъ артилерійскимъ огнемъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ каждаго этюда подвергнуть содержаніе его психологическому анализу съ указаніемъ устрашающихъ воздѣйствій въ природѣ огня и тѣхъ послѣдствій въ нервно-психической организаціи человека-воина, которыя приводятъ къ тому, что психика или духъ сражающагося поражается раньше, чѣмъ его тѣло.

В. Полянский ¹⁾ говоритъ: «О томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ для успѣха штурма надлежащая подготовка атаки. говорить не приходится.

Артилерійская подготовка атаки, какъ извѣстно, имѣетъ цѣль» не только разрушить бруствера, обрушить блиндажи, уничтожить препятствія, но и *подорвать духъ* обороняющагося; убить его не только физически, чему препятствуютъ закрытія и убѣжища, но и *психически*, чему никакія закрытія, при наличіи извѣстныхъ условій, воспрепятствовать не могутъ.

Для того, чтобы потрясти психику обороняющагося, показать ему свое могущество и превосходство, необходимо, дѣйствуя устрашающими впечатлѣніями артилерійскаго огня, возбудить и укрѣпить въ обороняющихся чувство *страха*.

Въ страхѣ, какъ извѣстно, человекъ признаетъ себя слабѣ противника и стремится въ силу этого уйти отъ устрашающихъ впечатлѣній, видя въ нихъ неминуемую опасность для себя, хотя бы таковой на самомъ дѣлѣ и не существовало».

Какъ этюдъ—«вліянія артилерійскаго огня на психику» обороняющихся, привожу разсказъ («Мечта и дѣйствительность») офицера—участника сраженій, пережившаго эти состоянія, разсказъ помѣщенный въ свое время въ «Восточномъ Обзорніи» ²⁾.

¹⁾ В. Н. Полянский. Психическій элементъ въ области фортификаціи. Диссертационный трудъ 1912 г.

²⁾ «Восточное Обзорніе», № 155, 1905 г.

Мечта и дѣйствительность.

На войну я вызвался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой....

По военному училищу и на службѣ въ полку, въ которомъ состоялъ въ чинѣ поручика, считался храбрымъ, и я думалъ о себѣ, что на войнѣ окажусь на высотѣ своего положенія....

Отправляясь на войну, я мечталъ скорѣе попасть въ бой; я думалъ, что буду драться съ непріятелемъ, буду колоть, рубить его; если нельзя достать штыкомъ—буду стрѣлять. Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убитъ... или буду герой.

Совѣты «не спѣшить», просьба родителей «еще пожить съ ними» меня раздражали. Я спѣшилъ ѣхать.... Холодно и даже враждебно попрощался съ родными. А когда отецъ при прощаніи сказалъ: «я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ», я только пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ.

На войнѣ я попалъ въ N-й полкъ. Второй день полкъ нашъ стоялъ на позиціи въ соприкосновеніи съ непріятелемъ.

Адскимъ огнемъ непріятель обстрѣливалъ сѣдловины вправо и влево отъ насъ. Тамъ въ окопахъ стояли наши батареи. Мы съ восхищеніемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣли на нашихъ артиллеристовъ, которые стойко отвѣчали на обстрѣлъ непріятеля. Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой нашихъ снарядовъ радовали насъ....

Мало-по-малу мы такъ привыкли къ этой стрѣльбѣ, что перестали наблюдать за ходомъ артилерійскаго боя и не замѣтили, какъ наши батареи все слабѣе, все рѣже отвѣчали на выстрѣлы непріятеля и, наконецъ, настолько обезсиглѣли, что японцы перестали стрѣлять по нимъ и перенесли огонь на гребень, который былъ занятъ нашимъ полкомъ.

Японцы обстрѣливали нашъ полкъ по какому-то особенному способу, выматывая всѣ нервы. Отъ такого обстрѣла становилось невыносимо. Способъ этотъ, называемый артиллеристами «ритмическимъ», состоялъ въ томъ, что съ поразительной точностью на нашу позицію прилетали одновременно одна шрапнель и одна шимоза; затѣмъ еще одна шимоза и одна шрапнель, затѣмъ еще шимоза—шрапнель и т. д.

Полетъ *шрапнели* слышенъ секунды двѣ-три, но этотъ вой обрывается неожиданнымъ мягкимъ, густымъ выстрѣломъ.

Но за то эти проклятыя *шмозы* приближаются съ какимъ-то стономъ, все повышая и повышая голосъ, и подъ конецъ запоютъ съ такими переливами, что одно мгновеніе кажется, какъ будто вамъ сверлятъ самое темя буравомъ. Кончается эта музыка оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго начинается звенѣть въ ухахъ....

Выносить это—нѣтъ силъ!

Можете себѣ представить эту адскую машину, которая работаетъ съ точностью хронометра, ни на юту не отступая отъ заведеннаго порядка: ни чаще, ни рѣже, никакихъ перерывовъ....

Отъ нашего окна, плохо построеннаго на каменистомъ грунтѣ, скоро ничего не осталось. Люди лежали прямо на голой землѣ, ничѣмъ неприкрытые, уткнувшись головой въ камень, въ кусты, стараясь ничего не видѣть и быть невидимыми. Какъ будто шрапнель или шмоза имѣли глаза!...

Весь собравшись въ комокъ, я сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя физическія усилія, чтобы собрать отрывки своихъ мыслей; но ничего сдѣлать не могъ.... Сотни, тысячи отрывочныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ образовъ, представленій и цѣлыхъ картинъ изъ прошлаго и будущаго, изъ возможнаго и невозможнаго, откуда-то со стороны, помимо моей воли лѣзли ко мнѣ въ голову.... Все это кружилось, скакало, кричало по всѣмъ направленіямъ!... Я ничего не могъ сдѣлать....

Я изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ какой-то посторонней силой, завладѣвшей моими мыслями и распоряжающейся мною. Я усталъ: я чувствовалъ физическую боль въ мозгу и, схвативши голову обѣими руками, изо всѣхъ силъ давилъ виски, давилъ лобъ, стараясь выдавить вонъ изъ головы чужія, постороннія, откуда-то со стороны врывавшіяся и также исчезающія картины.

Но сдѣлать я ничего не могъ.... Когда слышались полеты снарядовъ, всего самого невольно сжимало; когда рвались снаряды, въ ухахъ наступалъ рѣзкій звонъ, а въ головѣ чувствовалась тяжесть, тупая и сильная боль....

Командиръ роты въ началѣ обстрѣла, по обыкновенію своему, улыбался; но очень скоро улыбка сошла съ его лица; онъ сталъ покрикивать на солдатъ, которые, ползая на животѣ, расползались въ разныя стороны, тщетно ища закрытій. Меня тоже потянуло ползти куда-нибудь.

Непріятельская батарея со спокойствіемъ и увѣренностью сытаго и сильнаго животнаго забрасывала насъ снарядами....

Я, оглушенный и подавленный этимъ свистомъ, ревомъ и трескомъ, весь съеживался, становясь, вѣроятно, меньше нашего ротнаго командира, котораго за малый ростъ прозвали «карлушей», и меня неудержимо тянуло внизъ—на землю... Мнѣ казалось, что тамъ меня не такъ хорошо видно и что поэтому безопасно. Ужасъ и чувство, на подобіе тоски, наполнили скоро все мое существо. Что это за чувство—сказать трудно. Но и теперь, когда я вспоминаю этотъ день, когда я слышу какой-нибудь звукъ, напоминающій свистъ и взрывъ снаряда, сердце мое начинаетъ болѣзненно сжиматься и тоска, я не знаю какъ сказать иначе, именно тоска, мучительная, подавляющая, расплзается и охватываетъ всего меня.

Отправляясь на войну, я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять.... Но никому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть.

Попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!

Я не смотрѣлъ на свою роту, но зналъ, что есть уже и раненые и убитые. Каждый разъ, когда кусокъ желѣза, свинца или мѣди билъ по человѣческому тѣлу, мнѣ казалось, что я слышалъ этотъ ударъ...; можетъ быть этого и не было, даже навѣрно не было, но когда кто-нибудь вскрикивалъ отъ боли—и я чувствовалъ боль, какъ будто ударило меня. Я узнавалъ, что это ударило такого-то... и ударило по головѣ, объ этомъ кричалъ чей-то одинокій, хриплый голосъ. Сообщавшій эту новость вскрикивалъ бѣгло и дико, какъ бы исполняя формальность и не надѣясь вовсе на то, что его услышатъ, какъ будто онъ кричалъ въ пространство или въ пустынь, гдѣ нѣтъ людей...

Это длилось уже часъ, уже гораздо болѣе часа...

Становилось невыносимо!... То одинъ, то другой солдатъ поднималъ голову и, дико озираясь, вскрикивалъ: «командиръ здѣсь?»

У меня тоже мелькала мысль, зачѣмъ же я здѣсь сижу; можетъ быть, его уже нѣтъ, и я оглядывался...

Командиръ кричалъ солдатамъ: «я здѣсь, братцы, здѣсь! Лежите спокойно!»

Не знаю, чѣмъ бы это кончилось для меня. Я уже чувствовалъ спазмы въ горлѣ; чувствовалъ, что вотъ-вотъ я рыдаю...

Въ этотъ моментъ, когда напряженіе, казалось, достигло высшей степени, раздался голосъ: «пѣхота, пѣхота идетъ!»

Въ тысячѣ, или около того, шагахъ отъ нашихъ окоповъ начались гаоляновыя поля и тянулись отсюда верстѣ на 12—15 къ югу. Это было цѣлое море, которое слегка колыхалось, шумѣло и скрывало въ своей глубинѣ тысячи, десятки тысячъ таинственныхъ, невѣдомыхъ враговъ.

Тысячи глазъ напрасно съ утра до вечера, напрягая всю силу зрѣнія, старались уловить хоть какое-нибудь предательское движеніе на этой зеленой поверхности.

Изъ этого-то гаоляноваго моря, которое равнодушно и увѣренно улыбалось, блестя на солнцѣ миллионами ярко-зеленыхъ листьевъ, выскакивали маленькіе, игрушечные солдатики и быстро, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и держа ружья на перевѣсь, легкимъ гимнастическимъ шагомъ, обгоняя другъ друга, стали подниматься по некрутому каменистому скату горы къ намъ...

Предстояла схватка не на животъ, а на смерть... «Ура» загрѣмѣло на нашей позиціи. Кто-то истерически закричалъ: «въштыки!» И люди, не ожидая команды, вскочили, готовые бѣжать навстрѣчу этимъ маленькимъ желтенькимъ солдатамъ съ такимъ видомъ, какъ будто каждому предстояла встрѣча не съ врагомъ, а съ давно жданнымъ и желаннымъ другомъ.

«Назадъ! ложись! кто приказалъ!» кричалъ командиръ, бѣгая по позиціи и размахивая шанкой.

Люди сначала ложились медленно и неохотно, а потомъ вдругъ сразу попадали на землю, видя, что непріятельская цѣпь въ это время тоже залегла.

Несмотря на близкую дистанцію, желтыя фигурки были трудно уловимы среди камней и кустовъ... Японцы открыли бѣглый огонь... И рѣзкіе, короткіе, двойные удары ихъ винтовокъ слышались въ общую трескотню...

Непріятельская артилерія, смолкнувшая было на минуту, напрягла, видимо, всѣ свои силы и послала на нашу позицію перегонку, въ безпорядкѣ, десятка два-три шрапнелей, которыя рвались спереди, сзади, сбоку... Но это теперь насъ не пугало...

Мы затаились; изо всѣхъ силъ прижимались къ землѣ, какъ бы стараясь вдавиться въ нее, а сами хитро искали глазами маленькихъ солдатиковъ...

Борьба съ самимъ собой кончилась!

Теперь будемъ драться...

Подвергнемъ приведенный этюдъ психологическому анализу.

Герой разсказа одинъ изъ лучшихъ офицеровъ. «По военному училищу и на службѣ въ полку считался храбрымъ». Бѣхалъ на войну «по собственному желанію»: мечталъ скорѣе попасть въ бой; а на завѣтъ отца—«я надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ исполнишь свой долгъ», даже внутренно оскорбился, ибо «въ душѣ его было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что онъ исполнитъ свой долгъ».

И что же мы видимъ? Этотъ лучший офицеръ, мечтавшій о геройскихъ подвигахъ, попавъ подъ артилерійскій огонь въ подготовкѣ атаки, испытываетъ такія *неожиданныя* душевныя переживанія, что «выносить это нѣтъ силъ». «*Весь собравшись въ комокъ, сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы собрать отрывки мыслей...*» Я оглушенный... *весь съеживался...* и меня *неудержимо тянуло внизъ*—на землю. *Ужасъ и чувство, на подобіе тоски,* наполнили все мое существо». Такъ описываетъ онъ свое душевное состояніе, которое психологически отвѣчаетъ тому, что онъ былъ весь въ *чувствѣ страха*.

Что чувство *страха* крайне нежелательно съ военной точки зрѣнія—не можетъ быть никакого сомнѣнія: Лицо, охваченное страхомъ, психически или душевно, уже побѣждено. Находящійся въ страхѣ мысленно уже призналъ превосходство надъ собой противника, а въ поведеніи обнаруживаетъ дѣйствія и поступки «съеживаться, чтобы не замѣтили», «нагнуться ближе къ землѣ», «скрыться»; осматривается по сторонамъ, чтобы найти удобное мѣсто для избѣжанія опасности. А мысли—«и зачѣмъ здѣсь; не лучше ли отступить? вѣдь здѣсь такъ невыносимо» и т. п.

Все это черты чувства страха.

Итакъ, нашъ герой подъ вліяніемъ устрашающихъ воздѣйствій артилерійскаго огня—впалъ и «больше часа», по его признанію, находился въ чувствѣ страха.

Увѣрены ли, однако, мы, что чувство страха, охватившее нашего героя подъ артилерійскимъ огнемъ, съ прекращеніемъ его также прекратилось и прошло для него совершенно безслѣдно? Нѣтъ, не прошло.

«Когда я потомъ вспоминаю этотъ свистъ, когда я слышу какой-нибудь звукъ, напоминающій свистъ и взрывъ снаряда, сердце мое начинаетъ болѣзненно сжиматься и тоска, я не знаю какъ сказать иначе, именно тоска, мучительная, подавляющая, расплзается и охватываетъ всего меня».

Говоря языкомъ психологівъ—п потомъ, послѣ войны, при

всякомъ звукѣ, напоминающемъ свистъ и взрывъ снаряда, герой разсказа впадалъ въ чувство страха.

Страхъ—чувство нежелательное для боевой дѣйствительности—у нашего героя *стало чувствомъ привычнымъ*, рефлексомъ на всякое раздраженіе, напоминающее свистъ и взрывъ снаряда, хотя бы оно было и внѣ боевой обстановки.

Кромѣ указаннаго приходится признать, что послѣ артиллерійскаго обстрѣливанія, помимо привитія страха, наступающаго уже рефлективно отъ обманныхъ (а не дѣйствительно опасныхъ) раздраженій, *психика или духъ* даннаго бойца былъ подавленъ въ основѣ, *въ корни, неожиданностью* тѣхъ явленій, которыя онъ встрѣтилъ на войнѣ.

«Отправляясь на войну, я, конечно, мечталъ попасть въ бой», говоритъ онъ; «но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ стрѣлять. Но *никому намъ въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной*, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть. Попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»

Какое грустное впечатлѣніе производитъ это признаніе. Хорошій офицеръ мирнаго времени въ данныхъ боевыхъ условіяхъ признаетъ себя совершенно побѣжденнымъ, лишеннымъ даже усилій бороться. Какимъ глубокимъ *пораженіемъ духа* вѣтъ отъ признанія: «попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»

И въ этомъ горестномъ признаніи *несоответствія мечты* лучшаго офицера мирнаго времени *съ боевой дѣйствительностью* мы видимъ указаніе на печальные плоды неправильнаго военнаго воспитанія, даннаго офицеру въ мирное время.

Чтобы не быть голословнымъ въ признаніи печальныхъ плодовъ неправильнаго военнаго воспитанія, даннаго офицеру въ мирное время, останавлиюсь вкратцѣ на характеръ современнаго воспитанія, ссылаясь на свидѣтельство текущей литературы по этому вопросу.

«Въ отдаленныя времена, когда не было желѣзныхъ дорогъ и сближеніе враждующихъ армій послѣ объявленія войны происходило съ быстротою черепахи, пишетъ авторъ статьи ³⁾ «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ», военачальникъ обыкновенно находилъ время, чтобы не только доучить, но переучить и перевоспитать свою часть до вступленія на поле сраженія и такимъ

³⁾ М. Эвальдъ. «Военный Сборникъ» 1911 г., № 1.

образомъ настроить инструментъ своего творчества на чисто боевой ладъ, и даже спеціально по своей рукѣ».

«Въ настоящее время такіе эксперименты въ послѣднія минуты едва ли возможны. Слишкомъ ужъ эти минуты коротки. На оттягиваніе рѣшительныхъ столкновеній послѣ объявленія войны и быстрого сосредоточенія войскъ на мѣста дѣйствій не хватитъ ни матеріальныхъ средствъ, ни терпѣнія самой страны. Волей-неволей приходится идти въ бой съ войсками, получившими только подготовку мирнаго времени».

«Ясно, что значеніе этой мирной подготовки въ отношеніи къ боевымъ интересамъ возросло».

Но... что именно предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности въ *психологическомъ*, если угодно, въ моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боевого ремесла, обезпечивается, чтобы *воображеніе, нервы и сердце бойцовъ за родину оказались въ состояніи выдержать вышестельныхъ впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?*

Разбирая воспитательныя системы, М. Эвальдъ приходитъ къ выводу, что при воспитаніи какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ руководятся двумя доктринами, взаимно противорѣчащими другъ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то уживающимися другъ съ другомъ.

Первая доктрина можетъ быть названа *романтической*, вторая *реалистической*. Ихъ образы таковы:

Романтическая доктрина. Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ—и прежде всего—заботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднималъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности... Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть въ будущемъ и героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ въ сердцѣ своемъ: «да, я буду героемъ, ибо я этого хочу».

...Научите, конечно, армію всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣ ученій и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя раз-

сужденія объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современнаго боя, преждевременно возбуждающихъ трусость и малодушіе?..

Вторая доктрина *реалистическая*, помимо необходимой технической подготовки, считаетъ также необходимой подготовку *психологическую*. Для психологической подготовки будущихъ бойцовъ къ боевой обстановкѣ она считаетъ нужнымъ «честно, откровенно, правдиво и дѣловито познакомить воиновъ съ ихъ будущей дѣятельностью и ея обстановкой». Они должны отчетливо сознавать, что война—не торжественная прогулка и даже не рядъ возвышающихъ душу боевъ, а сплошная мука бивачной, походной, сторожевой и боевой службъ съ ихъ тягостями, лишеніями, болѣзнями потерями... и кажущейся безцѣльностью и непонятностью. Что современные войны выигрываются не лихими, самоувѣренными наскоками съ музыкой и распущенными знаменами, какъ пишутъ на картинкахъ, а настойчивымъ изморомъ врага... нерѣдко подвергаясь крайнему истощенію, частымъ неудачамъ и даже пораженіямъ, захлебываясь порою въ крови...

«Что касается «воинственнаго» духа, то онъ состоитъ... въ сосредоточенной, серьезной рѣшимости, готовности на все»...

Хотя все сказанное относится къ воспитанію нижнихъ чиновъ, но не будетъ натяжкой, если мы примемъ, что тоже самое относится и къ воспитанію офицерскаго состава.

Въ какой доктринѣ былъ воспитанъ герой нашего разсказа—мы не знаемъ. Но, обращаясь къ содержанію приведеннаго этюда, можемъ догадываться.

«На войну я вызвался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой»... На совѣтъ отца «исполнить свой долгъ», я только пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ». «Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убить... или буду герой».

Отсюда можно понять, что герой разсказа «желалъ войны», желалъ «быть героемъ» и зараженъ былъ «дозой самоувѣренности». «Желалъ быть героемъ и даже думалъ... о смерти». «Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ (воображалъ) попасть въ бой, но вѣдь я думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить, если нельзя дѣйствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять... Но никому *намъ* въ го-

лову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть»...

Чено, что герой разсказа былъ воспитанъ по всѣмъ правиламъ романтической доктрины. Онъ не слыхалъ «разсужденій объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современного боя, преждевременно возбуждающихъ трусость и малодушіе»...

И что же? Попавъ первый разъ подъ артилерійскій огонь, онъ испытываетъ такія душевныя переживанія, о которыхъ «онъ, да и другіе офицеры не думали, не воображали», однимъ словомъ, мысленно—психологически себя не подготавливали. И хотя по романтической доктринѣ «его воображеніе не было преждевременно развращено постыдными и тягостными картинками боевой дѣйствительности», но, попавъ въ приведенныя условія, подъ артилерійскій огонь, онъ испытываетъ такіе ужасы и переживаетъ такой страхъ, охватывающій все его существо отъ всего неожиданнаго и превосходящаго, по его признанію, силы человѣка, что онъ теряетъ способность управлять своими мыслями, сдерживать свои душевныя переживанія, теряется въ непредвидѣнной обстановкѣ, признаетъ себя неспособнымъ «бороться съ мертвой машиной» и считаетъ, что борьба съ ней не только ему, но и другимъ не подъ силу.

Говоря воинскимъ языкомъ, герой разсказа потерялъ «воинственный духъ»: онъ потерялъ сосредоточенную, серьезную рѣшимость и готовность на все...

Мертвая машина возбуждала у него ужасъ. Ему казалось, что переносить такой обстрѣлъ не только ему, но и никому невозможно.

Съ внутреннимъ самоудовлетвореніемъ и оправданіемъ своихъ недостатковъ говорить онъ: «попробуйте... и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»...

И бы сказалъ про психику героя разсказа, что онъ, хотя и былъ не раненъ физически, но психически былъ подавленъ, и его воинственный духъ—рѣшимость на все... лишь бы достичь побѣды—былъ убитъ. И убитъ былъ его духъ той неожиданностью боевыхъ явленій, о которыхъ при воспитаніи ему не говорили и къ нимъ не подготавливали, изъ боязни «преждевременнаго развращенія».

Видимо, одного «желанія», «пыла», «дозы самоувѣренности», «желанія быть героемъ» и даже... «умереть»... въ настоящее время мало.

Подобной психологической подготовки недостаточно, «чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцовъ за родину оказались въ со-

стояннїи выдержать внушительныя впечатлѣнїя жестокой обстановки современнаго боя».

Страхъ, наполнившій душу героя разочарованїемъ и убившій въ немъ воинственный духъ—готовность на все, былъ *печальнымъ плодомъ* неправильнаго *психологическаго* или, иначе называемаго, моральнаго воспитанїя, даннаго ему (по романтической доктринѣ) въ мирное время.

Какъ чувствовали себя и что переживали другіе, находившіеся подъ огнемъ вмѣстѣ съ героемъ разказа?

Подробныхъ указаній о психическихъ переживанїяхъ другихъ лицъ, находившихся подъ огнемъ, мы не имѣемъ. Но нѣкоторые намеки есть. Такъ, на примѣръ: «Командиръ сталъ покрикивать на солдатъ, которые, ползая на животѣ, расползались въ разныя стороны, тщетно лица закрытїи»... «Люди лежали прямо на голой землѣ, ничѣмъ неприкрытые, уткнувшись головой въ камень, въ кустики, стараясь ничего не видѣть и быть невидимыми»... Голосъ людей, «сообщавшій о раненїи людей», былъ «*дикій*»; выкрикивали эту новость «*было*», «какъ будто кричали въ пространство или въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ людей». Иногда, поднимая голову и «*дикое озираясь*, вскрикивалъ»...

Подобныя указанія рисуютъ намъ, что подобно герою разказа и люди находились въ чувствѣ страха, ибо ползаніе на животѣ въ поискахъ прикрытїи, стремленіе уткнуться голову въ кусты или подъ камень при лежанїи на голой землѣ, на подобїе страуса, прячущаго въ страхѣ одну голову, «*дикій*» голосъ, *дикое* ознанїе по сторонамъ и др. указываютъ на это состоянїе.

Итакъ, подъ огнемъ—страхъ у героя разказа, страхъ у людей: слѣдовательно—общій у *всѣхъ* страхъ, то, что называютъ *паникой*.

Мы обычно привыкли со словомъ *паника* (общій, захватывающій если не всѣхъ, то многихъ участниковъ, страхъ) соединять понятїе, что въ паникѣ люди бѣгутъ назадъ и чаще всего, когда говорятъ—была паника, то значить—люди въ страхѣ бѣжали.

А здѣсь, люди по нашему описанію были въ страхѣ—въ паникѣ, а между тѣмъ они не бѣжали а оставались на мѣстѣ, и по поверхностному—не психологическому наблюденію, пожалуй, покажется, что они геройски переносили артилерійскій огонь.

Типичной чертой состоянїя въ паникѣ считаютъ «*заразительность*»: куда одинъ, туда и другой, за однимъ—все стадо.

Просматривая разказъ, мы видимъ эти *черты заразительности*.

Герой розказа описує, що, «когда люди, ползая на животъ, расползались въ разные стороны», то... *и меня также потянуло* ползти куда-нибудь»... «*То одинъ, то другой* солдатъ поднималъ голову и, *дико озираясь, выкрикивалъ*: «командиръ здѣсь?» У меня *тоже мелькала мысль, зачѣмъ я здѣсь сижу*; можетъ быть его уже нѣтъ, и я оглядывался»... (мысль объ отступленіи). Мы видимъ здѣсь и *черты заразительности и мысли объ отступленіи*.

Но, спрашивается, почему же не отступили? Причину—почему не отступили—я вижу въ командирѣ.

Хотя всѣ люди были въ паникѣ со всѣми чертами, свойственными этому состоянію, командиръ роты—посмѣшище въ мирное время, «карлуша»—не былъ подвергнутъ состоянію того страха, въ которомъ находились люди.

Когда «то одинъ, то другой солдатъ поднималъ голову и, дико озираясь, выкрикивалъ: «командиръ здѣсь?» командиръ кричалъ солдатамъ: «я здѣсь, братья, здѣсь! Лежите спокойно!»

При наличіи «заразительности» въ паникѣ, *примѣръ* командира, остающагося подъ огнемъ, и *его утѣшенія* — «лежите спокойно!» дѣйствовали на другихъ («заражали») и парализовали появляющуюся мысль объ отступленіи.

Не будь его, люди не выдержали бы того времени, которое они находились подъ огнемъ, и *паника разрылась бы* обычнымъ способомъ—*отступленіемъ*.

Благодаря примѣру и словесному воздѣйствію утѣшенія, съ трудомъ, но все же люди выдержали все время обстрѣла и дождались наступленія противника.

Теперь—какъ они дѣйствовали? Прошла ли паника при видѣ неприятели или же она продолжалась?

Посмотримъ. «Изъ гаоляноваго моря», передаетъ розказъ, «выскакивали маленькіе, игрушечные солдатки... и, держа ружья на перевѣсь, легкимъ гимнастическимъ шагомъ, обгоняя другъ друга, стали подниматься по некрутому каменистому скату къ намъ...

«Ура» загремѣло на нашей позиціи. Кто-то истерически закричалъ «въ штыки!» И люди, не ожидая команды, вскочили, готовые бѣжать навстрѣчу этимъ маленькимъ желтенькимъ солдатамъ»...

Несвоевременное «ура», истерическій крикъ: «въ штыки!» И сразу же, *не ожидая команды, бѣство впередъ* (все равно, какъ и назадъ); черты поведенія людей, находящихся въ паникѣ.

Для подавленія паническаго состоянія и подчиненія этого стада должной дисциплинѣ командиру пришлось, бѣгая по позиціи и размахивая пашкой, кричать: «назадъ! ложись! кто приказалъ!»

Люди сначала *ложались медленно и неохотно* (ослабленіе вліянія команды), а потомъ *сразу попадали на землю, видя, что непріятельская цѣпь въ это время тоже заняла* (паническое свойство—*заразительности*, но уже не поведеніемъ командира, а поведеніемъ непріятели).

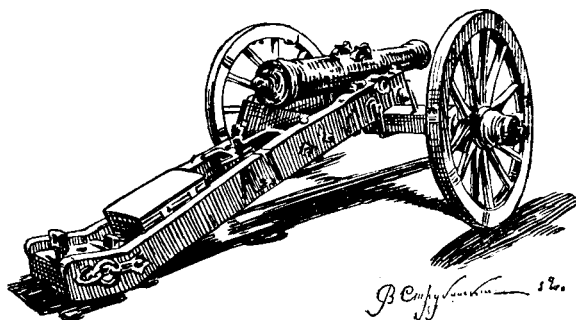
«И въ это время артилерія, смолкнувшая было на минуту, вновь вперегонку послала на нашу позицію десятка два шрапнелей.... Но, это теперь насъ не испугало»... говоритъ герой разсказа.

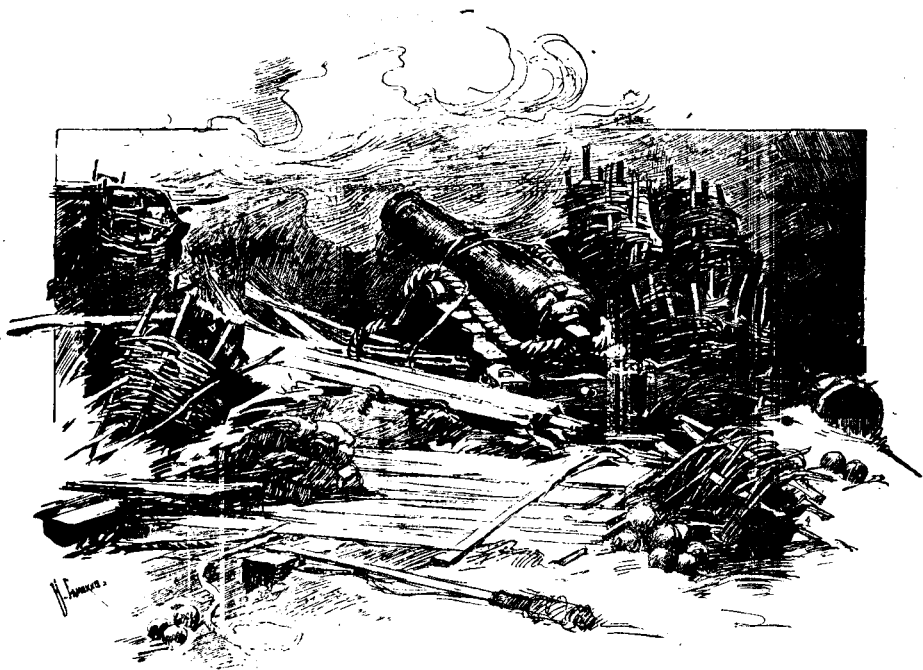
Но, описывая поведеніе себя и другихъ словами: «мы затаились; *изъ встѣгъ силъ прижались къ землѣ, какъ бы стараясь одвинувшись въ нее...*», онъ собственно описываетъ черты людей, находящихся въ *страгѣ* и стремящихся спрятаться какъ бы въ землю.

Такъ что и при соприкосновеніи съ непріателемъ, несмотря на утвержденіе, что «это теперь насъ *не испугало*», приходится не вѣрить герою разсказа и признавать, что и въ это время люди находились въ страхѣ—*въ паникѣ*.

Итакъ, говоря о *суммарномъ вліяніи* устрашающихъ впечатлѣній подъ артилерійскимъ огнемъ, мы должны признать, что *артилерійскій огонь*, приведеннаго въ разсказѣ характера, вызываетъ въ людяхъ психологическую неподготовленность, *чувство страха* (панику); а вызывая это чувство, сообщаетъ *поведенію и дѣятельности лицъ, находящихся подъ огнемъ, черты, свойственныя состоянію въ паникѣ*.

Д-ръ *Ф. Шумковъ*.

БРАТОУБИЙСТВЕННАЯ ВОЙНА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Сербскій фронтъ.

Вдновременно съ наступленіемъ противъ греческой арміи, болгары перешли въ наступленіе и противъ сербовъ.

Мелкія, начавшіяся уже задолго до этого, стычки пограничныхъ отрядовъ стали приобрътать все болѣе и болѣе кровопролитный характеръ и перешли, наконецъ, къ 17-му іюня въ настоящій бой.

Планъ болгаръ заключался въ томъ, чтобы, обезпечивъ себя заслономъ со стороны грековъ, обрушиться главными своими силами на сербовъ, отрѣзать ихъ арміи, дѣйствовавшія въ Македоніи, отъ отечества и, неожиданнымъ наступленіемъ, захватить ту часть «спорной области», которую болгарское правительство желало занимать, пока длилось бы разсмотрѣніе спорныхъ вопросовъ сов-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 1.

въ томъ, что болгары однимъ ударомъ вытѣснили бы сербовъ изъ «спорной области» и, врѣзавшись клиномъ между греческой и сербской арміями, разобщили бы ихъ одна отъ другой, что значительно облегчало дальнѣйшую борьбу съ арміями двухъ противниковъ, и заняли бы относительно дѣйствовавшихъ въ Македоніи сербскихъ армій охватывающее положеніе.

Исполняя задуманный ими планъ, болгары атаковали въ ночь съ 16-го на 17-е іюня передовыя части III сербской арміи и стали тѣснить ихъ на главныя силы.

Наступленіе болгаръ безъ предшествовавшего ему разрыва дипломатическихъ сношеній явилось для сербовъ полной неожиданностью. Хотя сербы и ожидали войны съ Болгаріей и охраняли себя со стороны ея войскъ, но мелкія стычки въ сторожевомъ охраненіи настолько были обычны и часты, что при наступленіи значительныхъ силъ болгаръ его не отличили сначала отъ прежнихъ нападений мелкихъ отрядовъ. Отъ этого наступленіе IV болгарской арміи было встрѣчено слабыми частями сторожевого охраненія.

Обрушившись на эти части, болгары подавили ихъ своею численностью и, несмотря на мужественное сопротивленіе, такъ сильно стали тѣснить, что сербамъ угрожала опасность отражать наступленіе противника въ районахъ своихъ биваковъ, подобно тому, какъ это было въ передовыхъ ихъ частяхъ.

Подослѣвшія ближайшія сербскія части подкрѣпили сторожевое свое охраненіе и дали ему возможность пріостановить свое отступленіе и задѣржать натискъ болгаръ. Слѣдившія на помощь передовымъ своимъ частямъ главныя силы арміи вывѣдывались постепенно въ боевую линію и усиливали стойкость сопротивленія.

Задача III болгарской арміи—привлечь на себя силы бывшей против нея арміи противника—была выполнена не съ должнымъ напряженіемъ, а потому I сербская армія имѣла возможность поддержать частью своихъ силъ свою III армію. Въ результатъ, послѣ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ боевъ на рѣкахъ Брегалницѣ и Слетовской, болгары потерпѣли поражение и принуждены были отступить.

Во время этихъ боевъ въ руки сербовъ попалъ документъ, помѣченный 16-го іюня, съ приказомъ по болгарской арміи—начать наступленіе.

Указанный документъ имѣетъ для сербовъ очень важное значеніе, такъ какъ онъ опровергаетъ объясненіе болгарамъ причинъ

своего наступленія, вызваннаго, по ихъ словамъ, открытіемъ военныхъ дѣйствій самими сербами.

Отбросивъ къ 19-му іюня болгаръ на лѣвый берегъ Брегалъницы, сербы перешли въ наступленіе и стали наносить имъ одно пораженіе за другимъ.

Такимъ образомъ въ первую же недѣлю войны опредѣлилось, что результатъ наступленія болгаръ оказался очень для нихъ плачевнымъ. Потеривъ пораженіе на обоихъ фронтахъ своего наступленія, болгары потеряли Кавалу, были вытѣснены изъ предѣловъ спорной области и, въ общемъ, окончательно проиграли первую часть кампаніи.

Частичный только успѣхъ имѣли болгары на крайнемъ правомъ флангѣ III сербской арміи у Криволака, гдѣ они старались выйти въ обходъ праваго фланга стратегическаго фронта сербовъ.

Пять дней бились въ этомъ мѣстѣ слабыя сербскія силы съ атаковавшими ихъ превосходными силами болгаръ. Подавленные, наконецъ, численностью врага, сербы принуждены были очистить свои позиціи и отойти на 6 кил. къ западу отъ Криволака. Подоспѣвшія къ этому времени подкрѣпленія позволили сербамъ остановить наступленіе болгаръ и, перейдя въ наступленіе, овладѣть снова Криволакомъ и отбросить противника къ востоку.

Во время описанныхъ выше событій, болгары дѣлали попытки прорваться черезъ сербскую границу на фронтѣ Зайчаръ—Княжеваць—Широть, съ иѣлью угрозой тылу сербскихъ армій, оттянуть ихъ войска отъ Брегалъницы. Для этого I болгарская армія была направлена на фронтѣ Зайчаръ—гора св. Николая и V армія—въ направленіи Широть—Нишь.

I болгарская армія перешла въ наступленіе тремя колоннами на Зайчаръ—Княжеваць и гору св. Николая.

Зайчарская крѣпость сослужила свою службу и назначеніе: двукратныя яростныя атаки болгаръ разбились объ ея укрѣпленія. Беззалитный Княжеваць попалъ было въ руки болгаръ, но подоспѣвшія со стороны Нишкаго отряда подкрѣпленія позволили сербамъ взять 26-го іюня этотъ пунктъ обратно и отбросить болгаръ на ихъ территорію. Неуспѣхъ сѣверной и средней колоннъ заставилъ отступить и южную.

V болгарской арміи было поставлено задачей дойти до Враньи и прервать желѣзнодорожное сообщеніе на линіи Ускюбъ—Нишь—Бѣлградъ.

Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ для болгаръ боевъ, ихъ сильный

кавалерійскій отрядъ дошелъ до Власотинцы (въ 10 кил. восточнѣе Десковаца), но сербы успѣли сосредоточить на р. Власинѣ около бригады пѣхоты, закрыли болгарамъ доступъ къ угрожаемой желѣзнодорожной линіи и, перейдя въ наступленіе, вытѣснили ихъ со своей территоріи.

Тѣснямыя съ запада и юга, болгарскія арміи отошли на линію Царибродъ—Босимградъ—Кюстендилъ—Дубница, на сильную заранее укрѣпленную ими позицію, прикрывавшую столицу Болгаріи отъ надвигавшихся на нее со всѣхъ сторонъ непріятельскихъ армій.

II сербская армія, Зайчарскій и Нишскій отряды, оттѣснивъ наступавшія противъ нихъ болгарскія арміи, перешли въ наступленіе и, блокировавъ Видинъ, стали угрожать Софіи съ сѣвера. I и III сербскія арміи, задержавшись правымъ своимъ флангомъ на верхнемъ теченіи Брегалници, гдѣ болгары упорной обороной задержали ихъ почти на двѣ недѣли, подошли съ запада къ послѣдней, прикрывавшей Софію, позиціи и медленно стали продвигаться впередъ.

Несмотря на то, что болгары занимали очень сильную горную позицію, на которой они долго еще могли обороняться противъ сербовъ, и имѣли успѣхъ противъ грековъ, имъ пришлось прекратить военныя дѣйствія: появленіе къ этому времени двухъ новыхъ противниковъ, въ лицѣ 5 румынскихъ корпусовъ и 150 т. турецкой арміи, грозило полнымъ разгромомъ, въ виду чего Болгаріи пришлось положить оружіе и начать мирные переговоры.

Переходъ въ наступленіе Румыніи.

Во время возникшихъ въ моментъ самаго разгара Освободительной войны недоразумѣній между Болгаріей и Румыніей по исправленію границы, Россія, въ отвѣтъ на угрозу Румыніи занять южную Добруджу, заявила, что не допуститъ нападенія христіанскаго государства на другое христіанское же государство, находящееся въ борьбѣ съ мусульманами, и предложила Болгаріи и Румыніи уладить дѣло путемъ взаимныхъ уступокъ. Результатомъ этого выступленія Россіи было то, что Румынія не нарушила нейтралитета и дала Болгаріи возможность безъ помѣхи окончить войну съ Турціей, получивъ за это кусокъ земли у Силистріи.

Начавшееся между союзниками по окончаніи войны съ Турціей сведеніе счетовъ помогло Румыніи вознаграждать себя за тѣ уступки, которыя были сдѣланы ею во время Первой Балканской войны;

когда недоразумѣнія между бывшими союзниками настолько уже обострились, что возникъ вопросъ о войнѣ между ними, румынское правительство заявило, что Румынiя въ случаѣ Болгаро-сербской войны не останется безучастной зрительницей свершающихся событiй и при первомъ выстрѣлѣ мобилизуетъ свои войска.

Россiя не имѣла уже ни поводовъ, ни возможности снова выручать Болгарiю: правительство послѣдней отказалось къ этому времени отъ арбитража Россiи, стремившейся предовратить братоубийственную войну, и, явно склонившись на сторону Тройственного союза, искало столкновенiя съ сербами.

Первые же, полученные вечеромъ 17-го iюня, извѣстiя о нападении болгаръ на сербовъ повлекли за собой приказъ о мобилизации румынской армiи.

Благодаря охватившему страну подъему духа, прибытiе запасныхъ произошло гораздо скорѣе предусмотрѣнныхъ мобилизационнымъ планомъ сроковъ, и въ первый же день мобилизации прибыло 75% запасныхъ²⁾, а на второй день армiя была уже мобилизована и, несмотря на нѣкоторыя задержки въ перевозкѣ войскъ, къ 27-му iюня на правомъ берегу Дуная, на фронтѣ Бикеть—Турнъ Магурели, уже стояли 4 рум. корпуса съ 2 кав. дивизiями въ полной готовности вторгнуться въ предѣлы Болгарiи. 5-й корпусъ, расположенный въ мирное время въ Добруджѣ, подошелъ къ этому времени къ сѣверо-восточной границѣ Болгарiи, готовясь оккупировать кусокъ ея территории по линiи Бальчикъ—Туртукай.

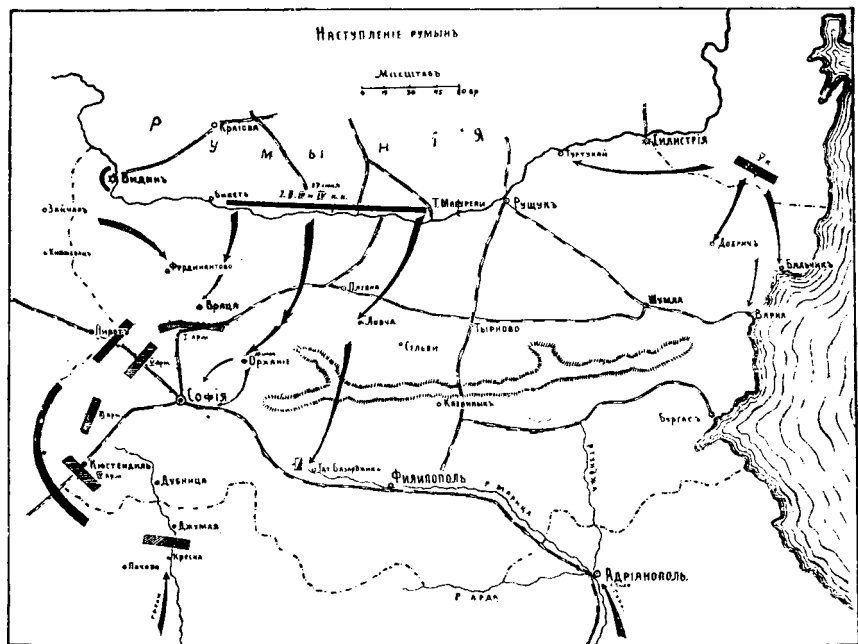
Всего на границахъ Болгарiи Румынiей было выставлено 67 полковъ, 80 эскадроновъ и 600 орудiй, общей численностью около 300 тысячъ. (См. схему на стр. 87).

Командованiе надъ армiей принялъ наследникъ престола, начальникомъ штаба котораго былъ назначенъ генераль Авереско, состоявший многiе годы передъ этимъ начальникомъ генеральнаго штаба. Генераль Авереско давно уже тщательно разработалъ планъ войны съ Болгарiей. Главной цѣлью этого плана было поставлено овладѣть Софiей.

Для выполненiя этого плана Румынiи приходилось предварительно переправить свои армiи черезъ Дунай и разбить армiю противника. Не будь Болгарiя связана войной съ Сербiей и Грецией.

²⁾ По мобилизационному плану запасные, въ зависимости отъ разстоянiй, должны были прибывать въ свои части: 35% въ первый день, 15% на второй день и остальные на третiй день.

15-я дивизія были бы въ состояннн и задержать румынскіе корпуса на переправѣ ихъ черезъ Дунай и противодѣйствовать ихъ наступленію на Софію. При существовавшей же обстановкѣ Болгарія лишена была возможности противодѣйствовать наступленію румынской арміи и послѣдняя, наведя безъ выстрѣла мосты черезъ Дунай, стала безпрепятственно продвигаться къ Софіи, имѣя передъ своимъ фронтомъ двѣ дивизіи армейской своей конницы.

Также безкровно свершилось и завоеваніе южной Добруджи, гдѣ 5-й румынскій корпусъ, перейдя болгарскую границу, занялъ безъ всякихъ препятствій со стороны болгаръ линію Туртукай—Бальчикъ.

4-го іюля отрядъ румынской кавалеріи занялъ станцію Червень-Брегъ и прервалъ желѣзнодорожное сообщеніе на линіи Софія—Варна, единственный свободный путь для подвоза жизненныхъ припасовъ изъ-за границы въ истощенную войной Болгарію. Занявъ въ то же время своей кавалеріей Варну, гдѣ начинался подводный кабель, идущій на Севастополь, румыны совершенно изолировали Болгарію отъ внѣшняго міра.

Къ 10-му іюля передовыя части главныхъ силъ румынской арміи заняли Орханіе (40 вер. отъ Софіи) и вошли въ связь съ лѣ-

вымъ флангомъ сербскихъ армій. Румынскіе разбѣзды къ этому времени стали появляться уже въ окрестностяхъ Софіи.

Дальнѣйшее наступленіе румынской арміи было остановлено начавшимися мирными переговорами.

Переходъ въ наступленіе турокъ.

По заключенному въ Лондонѣ мирному договору, граница Болгаріи съ Турціей проходила по линіи Энось—Мидія.

1-го іюня болгарское правительство предписало своимъ властямъ войти въ соглашеніе съ турецкими начальствующими лицами по вопросу объ эвакуаціи территоріи, которая согласно мирному договору должна была быть возвращена Турціи.

Вслѣдствіе заключеннаго между болгарскими и турецкими властями соглашения, болгарскія войска, занимавшія турецкую территорію къ востоку отъ линіи Энось—Мидія, стали отходить на западъ.

Турецкія войска заняли немедленно очищенныя болгарами мѣста и, перейдя установленную Лондонскимъ договоромъ линію, стали наступать на линію Адрианополь—Кирекъ—Килисе, съ цѣлью воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Болгаріи и вернуть себѣ Фракію.

Болгарское правительство, получивъ первыя извѣстія о переходѣ турками линіи Энось—Мидія, забило тревогу. Премьеръ Болгаріи, Даневъ, вручилъ представителямъ державъ телеграмму губернатора Кирекъ—Килисе, сообщающую, что турки овладѣли Люле-Бургасомъ и двигаются къ Адрианополю, и просилъ сдѣлать въ Константинополѣ срочное представленіе объ остановкѣ дальнѣйшаго движенія турецкихъ войскъ.

Пока дипломаты великихъ державъ обсуждали это представленіе и устанавливали свои на него точки зрѣнія и желательныя способы воздѣйствія на Турцію, ея войска опередили форсированнымъ маршемъ отступавшихъ болгаръ, подошли 7-го іюня къ Адрианополю и предложили занимавшему его болгарскому гарнизону сдаться./

Незначительный по силамъ гарнизонъ Адрианополя не могъ сопротивляться подошедшей 120 т. турецкой арміи и безъ сопротивленія покинулъ городъ.

Адрианополь, для овладѣнія которымъ столько было пролито болгарской и сербской крови, снова попалъ въ руки турокъ. Пока

дипломаты придумывали способы воздѣйствія на Турцію за нарушение ею мирнаго договора, турки спѣшно исправляли адрианопольскія укрѣпленія, стали возводить новые форты и заготовлять для гарнизона жизненные и боевые припасы. Для болѣе существеннаго выраженія своего рѣшенія не уступать Оракин, турецкое правительство объявило въ окрестностяхъ Адрианополя большіе маневры, съ участіемъ въ нихъ около 180 т. войскъ.

Турецкіе «маневры» всѣмъ извѣстны. Это излюбленный способъ Турціи сосредоточивать передъ войной свои войска: подобныя же «маневры» были назначены передъ Первой Балканской войной. Но въ то время Болгарія была въ состояніи отвѣтить на маневры переходомъ въ наступленіе, въ настоящемъ же случаѣ ей оставлось примириться съ свершившимся фактомъ и уступить Турціи почти всю Оракію съ ея столицей—Адрианополемъ.

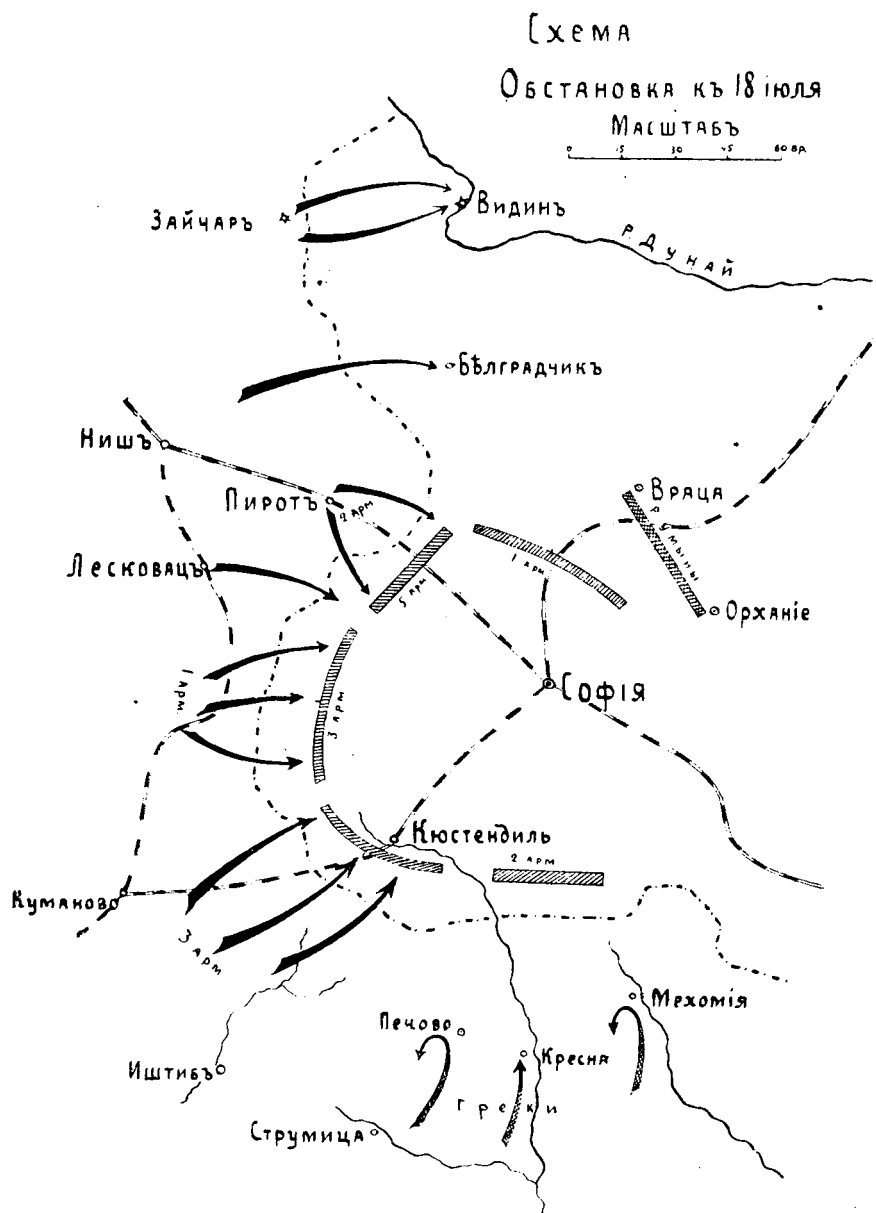
Обстановка къ 18-му іюля и заключеніе мира.

Къ 18-го іюля обстановка на театрѣ войны была въ слѣдующемъ видѣ (см. схему на стр. 90).

Сильно потрепанныя предшествовавшими пораженіями, болгарскія арміи, окруживъ тѣснымъ кольцомъ своихъ штыковъ Софію и зарывшись въ землю на сильныхъ горныхъ позиціяхъ, готовились отстаивать свою столицу отъ окружившихъ ее съ юго-запада, запада и сѣверо-запада сербскихъ армій и имѣли въ тылу у себя продвигающуюся на линію Орханіе—Враца румынскую армію, наступавшую съ востока на незащищенную съ этой стороны, за неимѣніемъ для этого войскъ, Софію. Турки овладѣли Адрианополемъ и Киркъ-Килисе и угрожали дальнѣйшимъ наступленіемъ въ предѣлы Болгаріи.

При такомъ положеніи вся Болгарія заключалась въ незначительномъ клочкѣ земли, окруженномъ кольцомъ ея войскъ, съ сердцемъ страны, ея столицей, въ центрѣ. Болгарская армія могла, конечно, грозно отплатить за окончательное свое пораженіе и уступить Софію за очень дорогую цѣну, но страна уже не имѣла никакой надежды на возвращеніе утраченнаго ею военнаго счастья, и дальнѣйшая борьба могла привести къ полному разгрому государства. Въ виду этого Болгаріи пришлось обратиться къ мирнымъ переговорамъ, и 18-го іюля было заключено перемиріе, прекратившее кровопролитную войну.

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съѣхавшихся въ Бу-

харестъ уполномоченныхъ, 24-го іюля былъ подписанъ мирный договоръ, совершенно измѣнившій бывшую передъ этимъ карту Балканскаго полуострова и давшій Болгаріи взамѣнъ завоеванныхъ Оракии и Македоніи бесплодный Неврокопскій округъ и урѣзавшій отъ нея коренныя ея земли—южную Добруджу.

ИТОГИ ВОЙНЫ.

Владѣя почти всей Фракіей и Македоніей до линіи Кочана-Иштибъ, Болгарія приобщила къ своей территоріи громадную площадь земли, длиною около 400 вр. и шир. около 100 вр., съ хорошими гаванями на побережьѣ Эгейскаго моря.

Вступивъ въ новую борьбу изъ-за незначительнаго куска спорной области, Болгарія вышла изъ нея въ такомъ видѣ, что отъ прежнихъ ея успѣховъ не осталось и слѣда. Потерявъ почти всю Фракію и Македонію и сохранивъ изъ прежнихъ завоеваній только пустынную Неврокопскія горы, Болгарія принуждена была уступить Румыніи плодородную Добруджу и, уложивъ на поляхъ сраженій цвѣтъ своего народонаселенія, не скоро оправится отъ понесенныхъ ею ранъ. Общая цифра потерь Болгаріи за періодъ послѣднихъ войнъ достигаетъ $\frac{1}{4}$ мил., что для страны, считающей своихъ подданныхъ единицами миллионовъ, должно быть неминуемо очень чувствительно, тѣмъ болѣе, что потери эти ложатся цѣликомъ на рабочее населеніе.

Большія потери понесены также сербами и греками. Одной Сербіи война стоила 9 т. убитыми и 27 т. ранеными, а если прибавить сюда тысячъ 10 на холеру, тифъ и другія болѣзни, то сумма общихъ потерь Сербіи достигаетъ цифры 50 т., но эти потери искуплены побѣдой и значительными земельными приобрѣтеніями.

Для Румыніи война не стоила ни капли крови и дала около 6 т. кв. кил. земли съ населеніемъ въ 300 т. Помимо этой матеріальной выгоды война принесла Румыніи громадную пользу еще тѣмъ, что, имѣя характеръ безкровнаго маневра, она послужила школой командному составу арміи, дала возможность провѣрить мобилизаціонные расчеты, послужила практикой службы связи. Конечно, такіе громадныя маневры сопряжены съ громадными расходами, но южная Добруджа, оцѣненная европейскими финансистами въ 3 мил. франковъ, вполне ихъ окупила.

Совершенно невѣроятные результаты принесла братоубійственная война Турціи, изъ-за которой собственно и началось кровопусканіе на Балканахъ. Потерявъ всѣ свои европейскія владѣнія, Турція готова уже была примириться съ этими потерями и даже не могла мечтать о реваншѣ.

Война между бывшими ея врагами дала ей возможность безъ пролитія крови и денежныхъ затратъ вернуть себѣ потерянную,

казалось, навсегда Оракію со второй столицей, Адрианополемъ, и снова прочно обосноваться на Балканскомъ полуостровѣ.

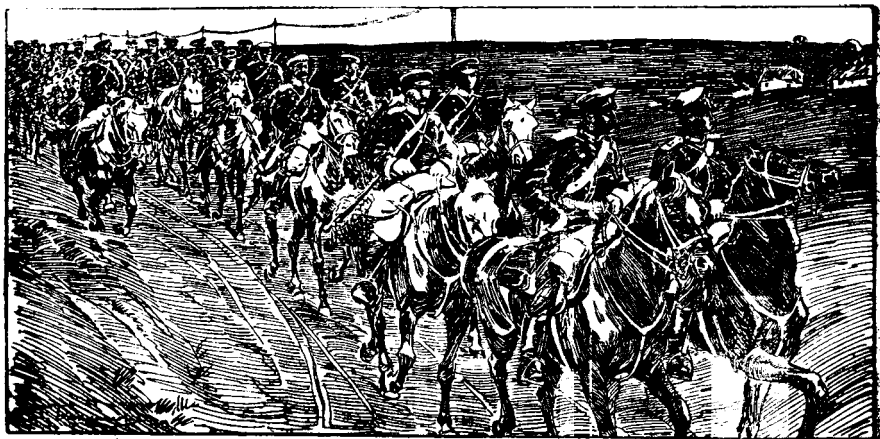
На Балканскомъ полуостровѣ водворился покой и стихли раскаты боевой грозы, но есть ли надежды, что Европа не придется снова переживать то напряженное состояніе, которое она испытывала во время Балканскихъ войнъ? Старушка Европа съ давнихъ поръ уже поглядываетъ съ опаской на этотъ свой южный уголокъ, называя его складомъ горючихъ матеріаловъ, пороховымъ своимъ погребомъ, очень опаснымъ въ пожарномъ отношеніи, готовымъ взлетѣть каждую минуту на воздухъ, страшась, чтобы таящіяся въ немъ грозныя разрушительныя силы не нарушили и безъ того то и дѣло нарушаемый ея покой.

Послѣднія событія показываютъ, насколько права Европа, смотря такъ опасно на Балканскій полуостровъ. Событія эти развертывались съ головокружительной быстротой и всё такъ были тѣсно связаны съ интересами западно-европейскихъ государствъ, что они все время находились подъ угрозой общеевропейской войны.

И послѣ кажущагося умиротворенія на Балканскомъ полуостровѣ, на немъ осталась еще такая масса горючаго матеріала, что онъ долго еще будетъ играть роль порохового погреба Европы. Освобожденные отъ ига турокъ македонцы ропщутъ на то, что ихъ подвергли другому игу, и требуютъ автономіи, грозя, что ихъ, искусившіяся въ партизанской войнѣ, четы постоятъ за себя и въ возстаніяхъ противъ новыхъ поработителей. Малисоры нападаютъ на черногорцевъ, албанцы на сербовъ; даже между родными сестрами, Черногоріей и Сербіей, произошли недоразумѣнія изъ-за Призрена. Словомъ, на пепелищѣ недавняго пожара осталось еще столько горючаго матеріала, что мигъ—и снова теперешній покой и миръ на Балканскомъ полуостровѣ можетъ смѣниться взрывомъ новой военной грозы.

А. Дорошкевичъ.

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военнаго на современныя темы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Нрибывъ со своими учениками въ Моравію, просвѣтителі славянъ проповѣдывали Слово Божіе на славянскомъ языкѣ. Было основано много церквей и монастырей, и православіе быстро распространилось, не только въ Моравіи и Богеміи, но и среди панонскихъ славянъ (сербо-хорватовъ). Нѣмецкое духовенство, съ зальцбургскимъ епископомъ Адалъвиномъ во главѣ, какъ равно и германскій король, приняли православное духовенство въ высшей степени враждебно и жаловались на него папѣ. Князя Ростислава обвинили въ отступничествѣ отъ Рима, св. Кирилла и Меодія въ ереси. Послѣ 4^{1/2} лѣтней дѣятельности въ чешскихъ земляхъ, св. братья должны были отправиться въ Римъ, куда вызвалъ ихъ папа. Св. Кириллъ принесъ папѣ въ даръ мощи убитаго въ 102 г. хозарами св. Клементія. Въ 869 г. св. Кириллъ скончался въ Римѣ. По просьбѣ панонскаго князя Коцъля папа Адрианъ отправилъ, наконецъ, св. Меодія въ Панонію съ буллою, разрѣшавшей славянское богослуженіе, причемъ было подтверждено о при-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1914 г., № 1.

надлежности всѣхъ западославянскихъ странъ къ римской церкви. Несмотря на это, нѣмецкая духовная и свѣтская власть продолжали вести жесточайшую борьбу съ православіемъ въ Моравіи и Богеміи.

Съ 864 по 869 г. король Людвигъ съ переменнымъ счастьемъ воевалъ съ чехами. Нѣмцы опустошили всю Чехію и Моравію, но покорить ихъ не могли. Однако, домашніе раздоры, вызванныя нѣмцами, въ концѣ концовъ погубили дѣло св. братьевъ.

Противъ доблестнаго князя Ростислава нѣмцы подстрекнули его племянника Святополка, выдавшаго Ростислава нѣмцамъ, которые въ 870 г. ослѣпили и заточили его въ одномъ изъ баварскихъ монастырей. Измѣна Святополка открыла путь въ Богемію и Моравію католичеству и нѣмцамъ, овладѣвшимъ страной почти безъ сопротивленія. Послѣ того не трудно было нѣмецкимъ епископамъ справиться и со св. Меодіемъ, бывшимъ въ то время епископомъ въ Паноніи и Моравіи. Взявъ его въ плѣнъ, они 2½ года держали его въ темницѣ и лишь въ 873 г. выпустили по распоряженію папы Іоанна VIII.

Скоро однако постигла и Святополка заслуженная кара за его измѣну. Находя, что онъ недостаточно угождаетъ имъ, нѣмцы и его заточили и судили, но выпустили. Наученный опытомъ, Святополкъ опомнился и, притворяясь другомъ нѣмцевъ, владѣвшихъ его страной, собралъ значительныя силы, неожиданно напалъ на нѣмцевъ и прогналъ ихъ. Этотъ подвигъ примирилъ съ нимъ его народъ. Въ 872 и 873 гг. начался новыя безрезультатныя войны съ Германіей. Святополкъ самъ перешелъ въ наступленіе, но рѣшительнаго успѣха не достигъ. Заключивъ миръ съ Германіей, Святополкъ около 874 г. походатайствовалъ у папы Іоанна VIII возведеніе св. Меодія въ санъ архіепископа, основавъ тѣмъ отдѣльную, независимую отъ ближайшаго германскаго епископата, митрополию славянскую. Тогда приняли православіе также и св. Людмила и чешскій князь Боривой. Въ Богеміи восторжествовало православіе: возникали православныя храмы и монастыри; былъ введенъ восточный обрядъ и обученіе славянской грамотѣ. Такъ, напр., св. Людмила, воспитывая своего внука, св. Вячеслава, велѣла обучать его славянской грамотѣ; латыни же онъ обучался много позже. Молитва «Господи помилуй» сохранилась даже въ католическихъ костелахъ чешскихъ и до сего времени.

Но, несмотря на успѣхи православія у чеховъ, жестокая борьба латинства съ православіемъ продолжалась: рядомъ со славянскимъ

богослуженіемъ, благодаря усиліямъ нѣмецкаго духовенства, не перестала существовать и латинскій обрядъ. Обжалованный вновь нѣмецкими епископами, св. Меодій въ 880 г. вторично былъ вызванъ въ Римъ, но былъ оправданъ, и право отправленія славянскаго богослуженія и на этотъ разъ было подтверждено. 6-го апрѣля 885 г. св. Меодій скончался и былъ погребенъ въ Моравіи же.

Кончина св. Меодія послужила сигналомъ для безпощадныхъ гоненій православія въ Богеміи и Моравіи. Самый выдающійся послѣдователь св. Меодія, Горяндъ, съ другими его единомышленниками, не будучи въ силахъ долѣе переносить преслѣдованія латинскаго духовенства, выселился въ Болгарію. Но, несмотря на гоненія, славянское богослуженіе и грамота сохранились въ чешскихъ земляхъ еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ 894 г. умеръ князь Святополкъ и съ его смертью Моравское государство распалось. Богемія отложилась отъ Моравіи и началась домашняя война, продолжавшаяся до 901 года. Чехи попали въ зависимость отъ Германіи. Въ то же время начались войны съ мадыарами, причемъ славяне помогали, очевидно неохотно, нѣмецкому королю Людвигу IV, потерпѣвшему, несмотря на это, въ 907 г. полное пораженіе. Моравское государство сдѣлалось добычею мадыаръ: лишь западные его окраины присоединились къ Богеміи.

Что чехи избѣжали судьбы оботритовъ, лютичей, ратаровъ и другихъ полабскихъ славянъ, исчезнувшихъ въ нѣмецкомъ морѣ, этимъ они болѣе всего обязаны благодатной дѣятельности среди нихъ св. Кирилла и Меодія, укрѣпившихъ въ нихъ духъ славянской самобытности (862—885 г.).

Просвѣтителі славянъ, исполненные духомъ апостольскимъ, добивались не власти и имущества, какъ латинское духовенство, а лишь духовнаго благополучія славянъ. Распространяя среди западныхъ славянъ христіанское ученіе при помощи искренней, вдохновенной проповѣди и славянской грамоты, они водворяли въ души благодарнаго народа, его князей и знатныхъ людей, съмя глубокой, вдумчивой религіозности, не угасавшей даже въ позднѣйшіе вѣка упадка Западной церкви и внушавшей потомкамъ его, въ самое смутное время, смѣлость безстрашно выступить въ защиту вѣры, противъ ея враговъ, и побѣдить ихъ. Уже и мученическая кончина св. Людмилы и внука ея, св. Вячеслава, воспитанныхъ въ восточномъ обрядѣ, несомнѣнно имѣла связь съ вѣроисповѣдной борьбою того времени. Если же потомъ, въ теченіе вѣковъ, чешское православіе было поглощено окружавшимъ его со всѣхъ сто-

ронъ моремъ латинства, то не проявился ли религіозный духъ, привитый чехамъ св. братьями, вновь въ побѣдномъ ихъ одушевленіи Гуситской эпохи и въ непрекращавшемся потомъ искренне религіозномъ настроеніи чешско-моравскихъ братьевъ?

Буллою отъ 2-го января 1080 г. папа Григорій VII предложилъ чешскому королю Вратиславу совершенно упразднить въ Богеміи восточный обрядъ и славянское богослуженіе, которое, по словамъ буллы, римская церковь до того времени терпѣла по высшимъ соображеніямъ. Вратиславъ не послушался. Въ то время одною изъ выдающихся святынь православной Чехіи былъ, основанный въ 1032 г. чешскимъ княземъ Олдрихомъ, Сазавскій монастырь св. Прокоція. Послѣ смерти короля Вратислава, враги православія обвинили трехъ монаховъ упомянутаго монастыря: о.о. Димитрія, Канона и Галиша (Галактіона?), будто они старались устранить чешскаго своего игумена, о. Божетѣха, въ виду чего король Бржетиславъ (Вратиславъ) II въ 1096 г. согласился изгнать православное духовенство и водворить на его мѣсто католическихъ монаховъ. Церковно-славянскія книги были уничтожены; изъ православныхъ монаховъ нѣкоторые ушли на востокъ; многіе до конца жизни нищенствовали, странствуя по краю; остальные же изъ страданія были приняты обратно въ монастырь на пожизненное скудное содержаніе.

Несмотря на насильственное водвореніе римскаго католицизма въ Богеміи, чехи никогда не были надежнымъ оплотомъ Рима. Обрядъ славянскій, православный, пустилъ у нихъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ предполагалось до недавняго времени. Со времени св. Меодія въ теченіе всѣхъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ Богеміи не переводились люди, не признававшіе авторитета Рима. Въ буллѣ папы Иннокентія IV, изъ Ліона, отъ 19-го августа 1244 г., къ чешскому духовенству, сказано, что «среди чеховъ ересь (т. е. православіе) такіе приняла размѣры, что противъ церкви она возбуждаетъ не только простонародіе, но и дворянство, знать. Папа же Александръ IV, буллою отъ 17-го апрѣля 1257 г., установилъ, для борьбы съ чешскою ересью, двухъ инквизиторовъ! Въ 1318 году католическій священникъ Фридрихъ изъ Самбурга подалъ папѣ Іоанну XXII жалобу на своего епископа Яна изъ Дражиць, якобы преданнаго ереси. По словамъ этой жалобы, чешскіе «еретики» имѣли своего архіепископа и семь епископовъ. Они собирались, по ночамъ, въ подземельяхъ, для богослуженія. А когда 14 еретиковъ

инквизиторами были осуждены къ смерти, то, при соучастіи выше-названнаго епископа, они бѣжали.

Во второй половинѣ XIV столѣтія, давнее отношеніе Чехіи, какъ государства, къ тогдашней Римской или Германской имперіи существенно измѣнилось тѣмъ, что короли чешскіе, Карль IV и сынъ его Вячеславъ IV, сами овладѣли императорской короной.

Карль IV (1346—1378) стремится къ тому, чтобы славянской Богеміи доставить главенствующую роль въ разрозненной тогда еще Германіи и чтобы изъ Праги создать метрополию Римской имперіи. Въ 1347 г. этотъ государь основалъ въ г. Прагѣ, между прочимъ, такъ называемый Эмаусскій славянскій монастырь, съ церковно-славянскимъ богослуженіемъ, въ который, съ разрѣшенія папы Климента VI, были вызваны монахи изъ Далмаціи, Хорватіи и Босніи. Цѣль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы достигнуть уніи Восточной и Западной церквей, хотя бы среди славянскихъ народовъ, что опять-таки свидѣтельствуетъ о живучести у чеховъ идеи православія.

Въ 1348 г. Карль IV основалъ, въ Прагѣ же, первый университетъ на материкѣ Европы. Обостренность національныхъ различій онъ полагалъ обойти при помощи «Золотой буллы» 1356 года, сравнивъ въ правахъ славянскій (чешскій), нѣмецкій и итальянскій языки въ предѣлахъ Римской имперіи. Однако, эти утопическіе планы скоро рухнули. Уже въ началѣ царствованія Вячеслава IV (1378—1419), императора римскаго и короля чешскаго, Чехія окончательно отчудилась отъ Германіи, и въ 1383 г. имперія была раздѣлена на четыре части. Одной изъ нихъ была Богемія, а послѣ смерти Вячеслава чехи предприняли многолѣтнія побѣдоносныя (такъ называемыя «Гуситскія») войны съ Германією.

Въ идейномъ смыслѣ Гуситская эпоха не имѣетъ себѣ равной въ исторіи среднихъ вѣковъ. Гуситизмъ былъ первымъ и важнѣйшимъ звеномъ въ цѣпи того послѣдовательнаго движенія умовъ въ западной Европѣ, которое современемъ создало тамъ новѣйшее культурное направленіе. Съ военной же точки зрѣнія гуситская рать представляетъ первостепенный интересъ: въ продолженіе Гуситскихъ войнъ, чешскія войска съ неизмѣннымъ успѣхомъ предпринимали не только многократные набѣги на Австрію, Баварію, сѣверную Германію вплоть до Балтійскаго моря, Силезію и Венгрію, но сражались и въ Сербіи, на Дунаѣ, воевали на Литвѣ и на Руси. Но самый интересный и малоизвѣстный у насъ фактъ изъ исторіи гуситскаго воинства состоитъ въ томъ, что гуситскія «полевая

роты» положили начало военной организаціи нашей южной окраины, прославившейся въ послѣдствіи подъ названіемъ казачества («Сѣчь»).

Народныя войска боролись изъ году въ годъ, въ теченіе 14 лѣтъ, съ арміями всей центральной и отчасти западной Европы, до того успѣшно, что не знали поражений. Это были войска, образцово вышколенные въ тактическомъ отношеніи, привыкшія къ суровой дисциплинѣ, выносившыя до того, что зимой и лѣтомъ оставались подъ открытымъ небомъ—такія войска всегда будутъ представлять достойный изученія предметъ. Въ тѣ отдаленныя времена, какъ и теперь, неотразимыя побѣды давались и будутъ даваться войскамъ, не только хорошо обученнымъ своему дѣлу, но воодушевленнымъ, сверхъ того, къ смѣлымъ подвигамъ идеями, всецѣло ими овладѣвшими²⁾.

Гуситская эпоха представляетъ немаловажный интересъ также съ точки зрѣнія обще-славянскаго: она создала крупное препятствіе агрессивной политикѣ мирныхъ и боевыхъ завоеваній Германіи. слѣды которой сказались исчезновеніемъ цѣлыхъ славянскихъ народовъ, т.-е. полабскихъ и поморскихъ славянъ, потонувшихъ въ «Нѣмецкомъ морѣ».

Вотъ, когда на практикѣ, въ первый разъ, появилась идея пан-славизма: 10-го іюня 1421 г. въ г. Прагу прибыло посольство отъ великаго князя литовскаго, Витовта, тестя великаго князя Московскаго Василія, предложившаго чехамъ свое покровительство, въ критическій для нихъ моментъ рѣшительной борьбы съ Римомъ. Литовское государство въ то время было весьма обширно. Оно простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго моря; обнимало Вильно, Полоцкъ, Смоленскъ, Луцкъ, Подолье и Украину до Кіева: у двора Витовта господствовалъ языкъ русскій и былъ извѣстенъ и чешскій. Огромное большинство его подданныхъ были православнаго вѣроисповѣданія. Какъ ниже упомянуто, выдающійся магистръ гуситскій, Геронимъ (Ерономъ), уже въ 1413 г. прибылъ къ Витовту и потомъ былъ въ Витебскѣ и Псковѣ, съ цѣлью переговоровъ о присоединеніи чеховъ къ церкви русскои. Чехи надѣялись на Витовта, хотя онъ былъ уже преклоннаго возраста, но все еще бодрого и предприимчиваго, рассчитывая въ особенности на то, что, въ силу своего често-и-властолюбиваго характера, онъ осуществитъ идею соединенія славянъ, распространенную уже тогда, не только между волк-

²⁾ Приведенные здѣсь факты не голословны. Они подтверждаются подробными данными, заключающимися въ исторіи Ф. Падациаго и у другихъ новѣйшихъ историковъ чешскихъ.

дями гуситовъ, но и среди простонародія въ Богеміи. Объ этомъ свидѣтельствуесть даже воинскій уставъ Жижки, гдѣ буквально сказано, что войска его сражаются «во имя свободы вѣроисповѣданія, истиннаго закона Божія и въ защиту правовѣрной Церкви Святой, а въ особенности языковъ чешскаго и славянскаго».

Но, къ сожалѣнію, не нашлось у Витовта достаточно рѣшимости для осуществленія столь великой идеи, ни у чеховъ полнаго единодушія въ этомъ отношеніи, такъ какъ часть умѣренныхъ гуситовъ все еще надѣялась на примиреніе съ Римомъ. 4-го сентября того же 1421 г. чешскій сеймъ дѣйствительно предложилъ Витовту чешскую корону, но, по свѣдѣніямъ чешскихъ историковъ, самъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы чехи примирились съ Римомъ, а это возстановило противъ него непримиримыхъ и притомъ самыхъ воинственныхъ «таборитовъ» съ ихъ духовенствомъ.

Помимо другихъ обстоятельствъ, осуществленію идеи соединенія западныхъ славянъ подъ главенствомъ Витовта болѣе всего препятствовали король польскій Ягелло и польское высшее духовенство, преданное Риму. Правда, весной 1422 г. великій князь Витовтъ прислалъ въ Богемію, въ помощь гуситамъ, сильный военный отрядъ, состоявшій преимущественно изъ русскихъ и изъ галиційскихъ малороссовъ, къ которому въ Польшу присоединилось и немало поляковъ, подъ начальствомъ князя Сигизмунда Корибута, вмѣстѣ съ русскимъ княземъ Оеодоромъ Острожскимъ, впоследствии гетманомъ гуситскимъ въ Моравіи, и его сыномъ Вячеславомъ Острожскимъ. Этотъ отрядъ, силой около 5.000 человекъ, участвовалъ въ блестящихъ побѣдахъ гуситовъ подъ Устьемъ (1426) и Домажлицами (1431); но война Литвы съ Польшею вынудила Корибута возвратиться въ свое отечество, куда съ нимъ послѣдовала и часть гуситскихъ войскъ. 1-го сентября 1435 г. Корибуть потерпѣлъ пораженіе подъ Вилкомиромъ, гдѣ погибъ.

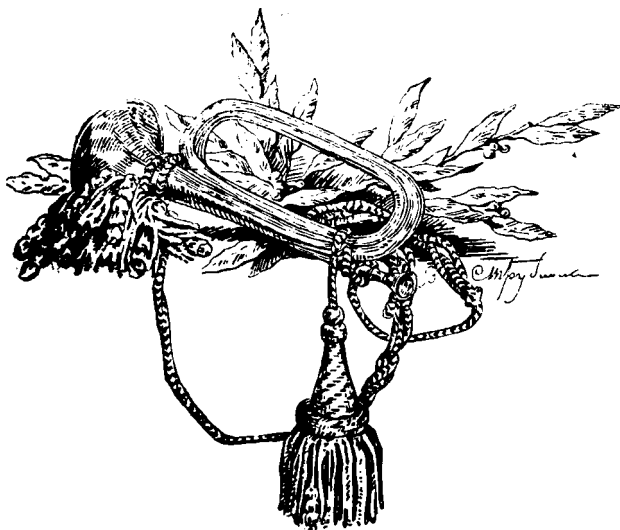
Какъ изъ настоящаго очерка видно, средневѣковый принципъ двойнаго меча—духовнаго и свѣтскаго—и двухъ главъ христіанства—папы и императора—съ неослабной силой былъ примѣняемъ къ чехамъ, съ самаго ихъ появленія въ исторіи. Но тогдашнимъ понятіямъ, первому дана была свыше сила спасительнаго слова, чтобы учить вѣрѣ, опредѣлять права и повинности, кары и награды; второй былъ поставленъ рядомъ съ первымъ въ качествѣ защитника спасительнаго слова, которому обязанъ былъ обеспечивать благоуспѣшность и послушаніе среди народовъ. Оба же они, руководя, при помощи церковныхъ и свѣтскихъ властей, какъ бы несо-

вершеннолѣтнимъ человѣчествомъ, были необходимыми для него опекунами и потому авторитетъ ихъ распоряженій и дѣйствій неограниченно господствовалъ надъ умами народовъ тогдашней западной Европы.

Отъ двойного этого меча, т.-е. латинской церкви и Великой Римской (Германской) имперіи, гибли, какъ мы видѣли, Западные славяне.

Я. Чербинка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Благотворительныя братства и общества трезвости въ арміи.

Каждое братство, проводящее въ жизнь духовно-правственныя начала, также, какъ и общество трезвости, есть союзъ людей одинаково мыслящихъ и чувствующихъ; сила и вліяніе ихъ воздѣйствія на отдѣльныхъ сочленовъ зиждется на *авторитетѣ большинства*, при принятіи тѣхъ или другихъ мѣропріятій и рѣшеній, входящихъ въ задачи данныхъ братствъ-обществъ.

Этотъ авторитетъ «большинства», однако, предопредѣляется направленіемъ, которое придается дѣятельности братства-общества со стороны его предсѣдателя: священника или, въ большинствѣ случаевъ, начальника части.

Такимъ образомъ, развитіе дѣлъ братствъ и обществъ и результаты ихъ трудовъ, разумѣется, зависятъ почти всецѣло отъ степени, скажемъ, усердія къ дѣлу лицъ, стоящихъ во главѣ, и ихъ правственнаго или служебнаго положенія; дѣятельность отдѣльныхъ членовъ выявляется, сравнительно, мало. Вслѣдствіе этого успѣшность дѣятельности каждаго изъ военныхъ братствъ и обществъ является мѣриломъ сочувствія главенствующаго лица къ задачамъ братства-общества и затѣмъ—его распорядительности, настойчивости и предусмотрительности (отъ настоящаго къ будущему).

Предложенныя замѣчанія необходимы къ выясненію—постороннимъ наблюдателемъ и вообще «со стороны»—по дѣламъ военныхъ ассоціацій *значенія* доброй инициативы начальниковъ частей при учрежденіи во ввѣренныхъ имъ частяхъ подобныхъ братствъ-обществъ или же *значенія* поддержки ими инициативы полковыхъ священниковъ и другихъ лицъ въ томъ же дѣлѣ.

Разбираясь въ собранныхъ нами данныхъ по подлежащей намъ темѣ и пользуясь, дополнительно, матеріалами, благосклонно предоставленными намъ о. Протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства, отцомъ Георгіемъ Іоанновичемъ Шавельскимъ ¹⁾, мы

¹⁾ За нѣкоторыя указанія мы признательны о. Травинскому и благодаримъ А. Гайдуга и полк. Кушакевича.

остановимъ вниманіе читателей на типичныхъ сторонахъ организаціи и дѣятельности нашихъ братствъ и, главнымъ образомъ—обществъ, преслѣдующихъ *цѣли борьбы съ пьянствомъ*, какъ народнымъ порокомъ, цѣли борьбы за трезвость—за этотъ яркій лучъ свѣта во тьмѣ «послѣдствій нетрезвой жизни»: *народной немощи, семейной нищеты и заброшенныхъ хозяйствъ*, какъ сіе послѣднее Высочайше наблюдено и отмѣчено во Всемилюстивѣйшемъ рескриптѣ 30-го января с. г., на имя Управляющаго министерствомъ финансовъ, д. с. с. Барка.

Въ общемъ, въ арміи и во флотѣ крайне немного братствъ—и религіозныхъ, и благотворительныхъ и трезвенныхъ; послѣднія стали нарождаться только въ послѣднее пятилѣтіе.

Братства религіозно-благотворительныя, исходя изъ христіанскихъ завѣтовъ любви и милосердія, оказываютъ помощь въ путяхъ духовномъ и матеріальномъ, на принципѣ взаимопомощи. Постоянное близкое единеніе сочленовъ въ осуществленіи великихъ свѣтлыхъ завѣтовъ Христа, несомнѣнно, нравственно оздоравливаетъ все сообщество-братство и даетъ всѣмъ и каждому могучій импульсъ къ развитію въ себѣ, въ своихъ жизни и дѣятельности, величайшаго *начала* для общегитія — благожелательности, что важно всегда, вездѣ и для всѣхъ и въ частности для воина-рыцаря долга, чести и защиты-поддержки нуждающагося въ помощи ближняго ²⁾).

Замѣчательно, что благотворительность чиновъ арміи чрезвычайно развита *въ общественныхъ организаціяхъ*. Выражается она въ пожертвованіяхъ къ оказанію помощи въ разныхъ случаяхъ сослуживцамъ, ихъ семействамъ, въ воспитаніи и устройствѣ спротивъ, въ учрежденіи и поддержаніи школъ-училищъ-пріютовъ (интернатовъ, на примѣръ, въ г. Гродно—«для бѣдныхъ дѣтей военныхъ лицъ») — при военныхъ храмахъ или непосредственно при войсковыхъ частяхъ и управленіяхъ—для дѣтей офицеровъ и отдѣльно для дѣтей нижнихъ чиновъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ глухихъ мѣстахъ стоянокъ, и для дѣтвора мѣстныхъ и окрестныхъ жителей

²⁾ Гласный Смоленскаго земства К. Ровинскій, въ своемъ докладѣ 1-му Всероссийскому съѣзду по борьбѣ съ пьянствомъ («Роль церкви и религіозныхъ союзовъ въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ») приводитъ, между прочимъ, указаніе, что «спайка» людей на духовно-нравственной основѣ, именно въ общинахъ-братствахъ—можетъ привести къ тому, что десятки тысячъ, къ примѣру, «завѣдомыхъ социалистовъ»—людей атеистическаго направленія легко переходятъ къ религіозной доктринѣ. Такъ, въ г. Лодзи, изъ 45 тысячъ рабочихъ—*25 тысячъ человекъ* перешли въ маріавитизмъ, увлекшись чистотой жизни и трезвости, царящихъ въ общинахъ маріавитовъ.

штабъ-квартиръ; въ нѣкоторыхъ полкахъ въ школахъ для офицерскихъ дѣтей, «ради благотворенія», какъ выражается одинъ изъ священниковъ, обучаются бесплатно и дѣти нижнихъ чиновъ тѣхъ полковъ. При одномъ изъ полковъ имѣется школа для «потѣшныхъ» — мальчиковъ-сиротъ, подобранныхъ полкомъ. Кое-гдѣ содержатся школы-пріюты специально для мальчиковъ-пѣвчихъ, образующихъ подспорье полковому хору пѣвчихъ.

Помощь школамъ и т. п. другимъ учрежденіямъ обуславливается условными (отъ $\frac{1}{2}\%$ до 2%) вычетами изъ содержанія офицеровъ, причемъ въ нерѣдкихъ случаяхъ такая помощь поступаетъ и для школъ министерства народнаго просвѣщенія или церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты вѣдомства Святѣйшаго Синода, разъ онѣ состоятъ при военныхъ церквяхъ.

Изъ среды арміи оказывается широкая помощь по всякаго рода воззваніямъ религіозно-духовно-нравственнаго характера и особенно къ построению храмовъ Божіихъ на Руси православной и *своихъ* военныхъ церквей—полковыхъ и лагерныхъ, госпитальныхъ и гарнизонныхъ, а также къ возвеличенію благолѣпія въ существующихъ уже храмахъ—принесеніемъ иконъ, лампадъ, церковныхъ сосудовъ, утвари, облаченій и т. п.; очень часто подобныя приношенія слѣдуютъ въ ознаменованіе и увѣковѣченіе памятныхъ въ жизни части событій, въ память юбилеевъ, сраженій-побѣдъ, въ которыхъ участвовала часть, и въ послѣдніе два года—въ память Отечественной войны и 300-лѣтія воцаренія Дома Романовыхъ ³⁾.

Что касается обществъ трезвости, то и они ставятъ въ основу своей дѣятельности духовно-нравственную идею *само-совершенствованія*—въ путяхъ развитія религіозной настроенности и усиленія моральнаго подъема въ средѣ своихъ сочленовъ. Религія признается могущественнѣйшимъ стимуломъ къ проведенію въ общество и въ народныя и рабочія массы стремленія къ борьбѣ съ алкоголизмомъ и паденіемъ нравовъ, какъ пороками—грѣхомъ.

³⁾ Установленіе въ полковыхъ церквяхъ «памятныхъ» иконъ и др. священныхъ предметовъ старинный обычай въ русской арміи. Для военныхъ историковъ, можетъ быть, интересно узнать, что въ церкви 69-го пѣх. Рязанскаго полка имѣется икона пр. мученицы Евдокіи. «сооруженная въ память сраженія при гор. Реймсѣ въ 1814 году 1-го марта и спасенія изъ плѣна командира VIII армейскаго корпуса (Сень-При (-Пріеста)), раненаго въ этомъ сраженіи». Въ церкви 13-го пѣх. Охотскаго полка имѣется лампада «въ память убиенныхъ чиновъ полка подъ Севастополемъ въ 1854—55 гг., сооруженная изъ георіевскихъ крестовъ». «оставшихся въ полку за смертью убиенныхъ». Изъ таковыхъ же крестовъ устроены чаша, дискосъ, звѣздца, лядца, ковчигъ и двѣ тарелочки; на чашѣ надпись: «Помяни, Господи, во Царствіи Твоемъ убиенныхъ на брани, при защитѣ Севастополя». Сколько же это пало героевъ смертью храбрыхъ!...

Посему принципъ дѣятельности обществъ трезвости: утвержденіе началъ религіозности и гигіены, оздоровленіе души и тѣла.

Русскій народъ изстари признаетъ пьянство и сопутствующіе ему развратъ, сквернословіе, картежъ, а также и табакокуреніе— «гнусами»— «богопротивными поступками», именно ко вреду для души и тѣла.

По слову генерала Кеппена (ген.-отъ-артилл. † 1911 г. ⁴): *пьянство тормозъ развитія нравственнаго элемента, составляющаго основу бытія арміи*. Апостолъ трезвости русской арміи, онъ добавлялъ: «кто не хотѣлъ бы видѣть въ воинѣ облагороженнаго члена военной семьи, тотъ не желалъ бы преуспѣянія нашей арміи».

Интересно здѣсь припомнить, что распоряженіе объ отмѣнѣ казенной винной порціи, а равно о воспрещеніи продажи водки въ солдатскихъ буфетахъ и лавкахъ (приказъ п о воен. вѣд. 1908 г., № 584), обусловлено *большинствомъ* 782 (81%) изъ 966 заявленій о томъ военачальствующихъ лицъ; 808 (85%) начальниковъ высказались за запрещеніе продажи водки въ солдатскихъ буфетахъ и лавкахъ («Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 2). Такимъ образомъ, около 17%, въ среднемъ, изъ среды военныхъ начальниковъ не признавали настоятельности даннаго чрезвычайно важнаго и благодѣтельнаго для арміи новшества. Этотъ процентъ значителенъ и особенно для дѣла, требующаго общности, единства дѣйствій.

По опредѣленію Л. Н. Толстого— «пьянство развивается отъ пониженія религіознаго сознанія, а потому спасеніе отъ него въ пробужденіи этого сознанія». Въ частности, въ средѣ современныхъ армій пытаются воздѣйствовать на чувства *чести и патриотизма* солдата ⁵).

Морской министр С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, мистеръ Даниэльсъ рѣшилъ примѣнить за прещеніе (съ 1-го іюля 1914 г.) употребленія какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ на военныхъ судахъ и въ портахъ *вездѣ и вствѣ* безъ исключенія при какихъ бы то ни было условіяхъ жизни и службы до «частной офицерской жизни» включительно, подъ непосредственной отвѣтственностью командующихъ чиновъ за нарушеніе этого приказа. «Въ началѣ всѣ удивились»; запрещеніе показалось *въ отношеніи офицеровъ* «страшнымъ, дерзкимъ и небывалымъ; показалось мѣропріятіемъ, подрывающимъ авторитетъ (?) офицера, какъ

⁴) См. нашу статью «Трезвость въ арміи», 116—117.

⁵) Тамъ же, стр. 119—120.

человѣка взрослога и самостоятельнаго. А потомъ ничего...» «Привыкнуть...» — установится повсемѣстно этотъ хорошій обычай. «И всѣ его будутъ хвалить» (sic). Теперь американская армія ждетъ и для себя подобнаго запрещенія ⁶⁾. Конечно, тоже ничего не произойдетъ... кромѣ блага.

Отрадно, что изъ среды нашей арміи и *еще* до распоряженій послѣдняго времени часто раздавались голоса, указывавшіе, что: *армія должна быть вся сплошь трезвая*, образуя собою одно большое общество трезвости, и что *армія обязана развивать въ своихъ дѣятеляхъ* «хорошія правила» (жизни и поведенія) и «прежде всего трезвость».

Какъ было уже замѣчено, военныхъ обществъ трезвости — *крайне мало*; можетъ быть приводимыя нами, въ данной статьѣ, указанія о порядкѣ утвержденія и сущности уставовъ такихъ обществъ подвинуть дѣло ихъ размноженія при частяхъ войскъ.

І. Благотворительныя братства.

Благотворительныя братства существуютъ при военныхъ храмахъ или при частяхъ войскъ; или же офицеры той или другой части принимаютъ участіе, на общихъ основаніяхъ, въ дѣятельности «приходскихъ» — въ штабъ-квартирѣ — попечительствъ, братствъ, обществъ. Въ послѣднемъ случаѣ жизнь воинской части, по проявленію въ ней благотворенія, тѣсно связывается съ жизнью прихода, что устанавливаетъ и развиваетъ добрыя отношенія въ общемъ укладѣ мѣстной жизни, единенія общества и арміи.

По уставамъ, цѣли *военныхъ* (полковыхъ и др.) церковныхъ *братствъ*, въ общемъ опредѣляются слѣдующими положеніями.

І. Для братства при полковой церкви.

1) Служить духовнымъ нуждамъ и пользѣ нижнихъ чиновъ части, чрезъ распространеніе среди нихъ вѣры, благочестія и разныхъ полезныхъ для воина познаній изъ области литературы, исторіи, географіи, черченія и пр.

2) Изыскивать средства для оказанія послѣдней матеріальной помощи, преимущественно сиротамъ и вдовамъ убитыхъ на войнѣ чиновъ части, а также и въ другихъ случаяхъ явной и неотложной нужды самихъ нижнихъ чиновъ ⁷⁾; нѣкоторыя полковыя братства оказываютъ помощь и по увольненіи послѣднихъ въ запасъ — отставку.

⁶⁾ «Русскій Инвалидъ» 1914 г. № 75 — «О томъ, какъ мистеръ Даніэльсъ справился съ офицерами цѣлаго флота». Правительство на сторонѣ морского министра (тамъ же).

⁷⁾ Напримѣръ, Уставъ Братства при Свято-Николаевской церкви 58-го пѣх. Прагскаго полка (утв. 12-го апр.—8-го мая 1907 г. Духовн. правленіемъ при 4). Протопресвитеръ в. и м. дух-ва).

II. Для братства при гарнизонной церкви.

1) Оказывать попечение о благоустройствѣ и благосостояніи храмовъ гарнизона и благолѣпіи богослуженій, 2) содѣйствовать причтамъ тѣхъ же храмовъ въ просвѣтительной миссіи и 3) проявлять поспѣшную благотворительность нуждающимся прихожанамъ мѣстныхъ видныхъ церквей и между прочимъ—устройствомъ начальныхъ и воскресныхъ школъ, преимущественно для дѣтей сверхсрочнослужащихъ нижнихъ чиновъ и малолѣтнихъ, содержимыхъ при войсковыхъ частяхъ и управленияхъ ⁸⁾.

III. Для братства при госпитальной церкви.

1) Оказывать помощь находящимся на леченіи въ госпиталь: 2) содѣйствовать больнымъ въ попеченіи объ ихъ оставленныхъ семействахъ; 3) снабжать неимущихъ, выходящихъ изъ госпиталя, одеждою и деньгами и доставлять имъ средства къ возвращенію на родину и 4) оказывать духовно-нравственное вліяніе на выздоравливающихъ бесѣдами и чтеніями чрезъ лицъ духовнаго званія ⁹⁾.

Существуютъ военныя братства и съ болѣе *общими цѣлями*, напримѣръ:

1) Оказывать помощь жителямъ ближайшихъ окрестныхъ мѣстностей, снабженіемъ одеждою, пищею, пріютомъ, медицинскою помощью на дому, пріисканіемъ занятій, службы, приобрѣтеніемъ для нуждающихся рабочихъ инструментовъ, матеріаловъ: погребеніемъ умершихъ.

2) Открывать благотворительныя общественныя столовыя, чайныя, дешевыя квартиры, ночлежные дома, убожница, общезнѣтія, дома трудолюбія, больницы, амбулаторіи и др. подобныя заведенія ¹⁰⁾.

Членами—«братчиками» военныхъ братствъ признаются или только лица военныя, съ оговоркою, что «членами-соревнователями» (безъ права участія въ дѣлахъ и собраніяхъ братства) могутъ быть и «нижніе чины полка и другихъ частей, состоящіе на дѣйствительной службѣ» ¹¹⁾—или же лица всѣхъ сословіи и обоюго пола (жители, какъ мѣстные, такъ и иногородніе), съ исключеніемъ нижнихъ чиновъ.

Командиръ полка и полковой священникъ, разумѣется, почетные и «непремѣнные» члены *своего* братства; они же и *обязательные* члены Совѣта (Комитета и т. п.) братства, вѣдающаго всѣми дѣлами.

⁸⁾ Уставъ Церковнаго братства Христа Спасителя при Казанской Кремлевской военной церкви (утв. О. Протопресвитеромъ 11-го окт. 1905 г.). Братство извѣстно издательствомъ книгъ, брошюръ и листовъ духовно-нравственнаго, историческаго и обще-поучительнаго содержанія; оно же содержитъ складъ для продажи иконъ, крестиковъ, книгъ и пр. и библіотеки-читальни при гауптвахтахъ и окологдахъ.

⁹⁾ Уставъ Кронштадтскаго Православнаго братства при церкви св. Александра Невскаго въ Николаевскомъ морскомъ госпиталѣ, въ Кронштадтѣ.

¹⁰⁾ Уставъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Новочеркаскаго, въ память Императора Александра III, братства при церкви 145-го пѣх. Новочеркаскаго Императора Александра III полка.

¹¹⁾ Напр., въ Братствѣ при 58-мъ пѣх. Прагскомъ полку.

Нѣкоторыя братства выдають членамъ дипломы установленнаго образца.

Средства нѣкоторыхъ братствъ приумножаются сборами по «отмѣнѣ визитовъ», выручкою по продажѣ хлама, жертвуемаго членами, до *окурковъ* папирсовъ и сигарь, свѣчныхъ *оарковъ* и т. п. ненужныхъ вещей:

Мы предложили вниманію читателей наиболѣе характерныя типичныя уставы. Ясно, что особенности каждаго изъ нихъ могутъ быть приняты къ составленію устава братствъ при любой военной церкви или части войскъ, въ извѣстной комбинаци, въ зависимости отъ мѣстныхъ и служебныхъ условій и обстановки.

Въ заключеніе нельзя не указать на особое учрежденіе, основанное «исключительно на благотворительныя средства (9.000 рублей) при 1-мъ лейбъ-драгунскомъ Московскомъ Императора Петра Великаго полку: Аудиторию имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича ¹²⁾).

Аудиторіальный залъ вмѣщаетъ дивизионъ полка, а если устранить подвижную перегородку, то залъ можетъ вмѣстить почти пѣлый полкъ; эта дополнительная часть зала составляетъ въ обыкновенное время помѣщеніе библіотеки для нижнихъ чиновъ. Въ аудиторіи имѣется постоянная сцена для постановки спектаклей изъ военного быта и на патріотическія темы; тутъ же эстрада для солдатскихъ хора и оркестра.

Въ библіотекѣ солдатамъ предоставляются матеріалы для ихъ корреспонденціи.

Въ аудиторіи ведутся бесѣды и чтенія, какъ полкового священника, такъ и врачей (по гигиенѣ) и офицеровъ (по исторіи, географіи, военнымъ темамъ), для нижнихъ чиновъ; въ ней же бывають сообщенія и для офицеровъ полка. По отзыву батюшки: это аудиторія—не солдатскій клубъ; это воспитательное и просвѣтительное учрежденіе; аудиторія, съ ея подсобными средствами, отвлекаетъ нижнихъ чиновъ отъ праздношатайства на сторонѣ и является любимымъ ихъ мѣстопробываніемъ.

Характерно и замѣчательно мнѣніе одного изъ военныхъ священниковъ о солдатскихъ развлеченіяхъ: «только обезвреженное (sic) развлеченіе можетъ считаться желательнымъ явленіемъ въ трудовой жизни русскаго Христолюбиваго воина» (О. Доронвичъ). Золотыя слова!

¹²⁾ Аудиторіи содержится на прибыли отъ чайной солдатской лавки.

II. Военныя общества трезвости.

Для выясненія существа вопроса, полагаемаго въ основу дѣятельности обществъ трезвости, приводимъ тезисъ такъ называемаго «катехизиса трезвости», принятаго большинствомъ иностранныхъ и русскихъ дѣятелей на поприщѣ борьбы съ алкоголизмомъ¹³⁾; тезисъ этотъ вполне приемлемъ, конечно, и для военныхъ обществъ трезвости:

«Трезвость—это умѣніе быть всегда господиномъ надъ своими желаніями, страстями и тѣмъ управлять собою».

Ниже мы приводимъ основныя положенія типичныхъ уставовъ военныхъ обществъ трезвости при *полковыхъ церквяхъ*.

I. Уставъ Общества трезвости при церкви л.-гв. Московскаго полка во имя св. Архистратига Михаила (утв. Духовн. правл. при О. Протопресвитерѣ в. и м. дух-ва 6-го окт.—14-го ноября 1909 г.).

1) Общество трезвости при полковой церкви имѣетъ своею задачею борьбу съ пьянствомъ, преимущественно, между нижними чинами, а также развитіе и укрѣпленіе въ умахъ и сердцахъ нижнихъ чиновъ трезвыхъ, здравыхъ понятій о служебномъ долгѣ и чувства безавѣтной преданности Церкви, Царю и Отечеству.

2) Средствами для достиженія этой цѣли служатъ: а) бесѣды, б) чтенія, в) торжественныя богослуженія, г) распространеніе книгъ и брошюръ назидательнаго характера и д) все то, что руководителемъ Общества, полковымъ священникомъ, совместно съ уполномоченными (см. п. II) будетъ найдено подходящимъ и будетъ одобрено полковымъ командиромъ.

3) Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ трезвенниковъ¹⁴⁾.

4) Почетными членами по собственному желанію могутъ быть высокопоставленные лица, а также лица, оказавшія особенныя заслуги или помощь Обществу. Г.-г. офицеры полка пользуются правами почетныхъ членовъ Общества.

5) Дѣйствительными членами трезвенниками могутъ быть, добровольно изъявившіе желаніе вступить въ Общество трезвости, нижніе чины полка, служащіе по вольному найму въ полку и другіе взрослые постоянные посѣтители полковой церкви обоего пола, лично извѣстные настоятелю церкви.

6) Лицо, изъявившее желаніе вступить въ число дѣйствительныхъ членовъ трезвенниковъ, вписывается въ книгу трезвенниковъ съ обозначеніемъ срока обѣта, и, послѣ молебна, даетъ въ присутствіи священника и другихъ членовъ трезвенниковъ обѣщаніе не пить никакихъ охмѣляющихъ напитковъ.

¹³⁾ Имѣется изданіе Александро-Невскаго общества трезвости въ С.-Петербургѣ (Обводн. кан. 116).

¹⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ уставахъ «составъ общества» устанавливается слѣдующій: *попечитель* (начальникъ части), *члены-сотрудники* (офицеры и чиновники полка) и *«трезвенники»*—нижніе чины.

7) Нарушившій свое обѣщаніе до окончанія срока этимъ самымъ уже исключаетъ себя изъ числа трезвенниковъ и вновь принимается лишь послѣ сердечнаго раскаянія и болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія.

8) Общество трезвости содержится исключительно на свои средства, которыя составляются: а) изъ добровольныхъ членскихъ взносов, б) пожертвованій отъ благотворителей и г) случайныхъ поступленій.

9) Всѣ денежные поступленія вносятся въ приходо-расходную книгу за шнуромъ и печатью командира полка. Книга хранится у руководителя Общества трезвости, полковаго священника, а суммы представляются имъ командиру полка для храненія ихъ въ денежномъ полковомъ ящикѣ на имя Общества трезвости. Приходо-расходная книга, по окончаніи года, представляется на ревизію командиру полка.

10) Средства Общества трезвости расходуются на покупку книгъ и брошюръ назидательнаго характера.

11) Дѣлами Общества трезвости завѣдуетъ комитетъ изъ руководителя и уполномоченныхъ изъ трезвенниковъ отъ 3 до 9 лицъ ¹⁵⁾.

12) Руководителя—полковаго священника утверждаетъ о. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, а уполномоченные назначаются руководителемъ, съ согласія командира полка ¹⁶⁾.

13) Комитетъ заботится: а) о поддержаніи Общества трезвости, б) вѣдаетъ приходъ и расходъ суммъ и в) представляетъ по истеченіи года командиру полка и о. Протопресвитеру отчетъ о денежныхъ суммахъ и дѣятельности Общества трезвости ¹⁷⁾.

14) Руководитель, полковаго священникъ, выбираетъ изъ трезвенниковъ на одинъ годъ определенное число сотрудниковъ выборныхъ, извѣстныхъ ему своей преданностью дѣлу.

15) Сотрудники, состоя въ распоряженіи руководителя, полковаго священника, несутъ по его указанію разные труды по Обществу трезвости. Въ случаѣ какой-нибудь несправности или ослушанія со стороны сотрудника, онъ распоряженіемъ руководителя, полковаго священника, исключается изъ числа сотрудниковъ.

16) Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Общества трезвости денежные суммы поступають въ суммы полковой церкви.

II. Уставъ общества трезвости при Успенской церкви 12-го драгунскаго Стародубовскаго полка (утв. въ вышеуказан. порядкѣ 11/17-го іюля 1913 г.), даетъ слѣдующія новыя данныя къ приведенному въ цѣломъ уставу л.-гв. Московскаго полка.

а) Къ пункту 1-му: Успенское общество трезвости имѣетъ своей цѣлью *также*—утвержденіе христіанской нравственности и благочестія и распространеніе трезвыхъ взглядовъ на жизнь среди воинскихъ чиновъ, принадлежащихъ къ приходу полковой церкви.

б) Къ пунктамъ 3 и 5: Членами общества могутъ быть всѣ воинскіе чины православнаго и инославнаго вѣроисповѣданій.

¹⁵⁾ Нѣкоторые уставы именуютъ подобныхъ лицъ—*сотрудниками* (руководителя), тоже «по общему избранію». Число—вездѣ разное.

¹⁶⁾ Утвержденіе священника-руководителя требуется не всеми уставами.

¹⁷⁾ Представленіе годового отчета о. Протопресвитеру требуется не всеми уставами.

в) Къ пункту 6-му: Вступающій въ члены общества, послѣ молитвы предъ иконой Успенія Пресвятыи Богородицы, даетъ такое обѣщаніе:

„Я, нижепоименованный, обѣщаюсь (въ теченіе извѣстнаго срока) не пить опьяняющихъ напитковъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Пресвятая Богородица. Аминь“.

Затѣмъ цѣлуетъ икону Успенія Богородицы, получаетъ обѣтныи образокъ; билетъ о принадлежности къ обществу и записывается въ книгу трезвенниковъ.

Лица же лютеранскаго вѣроисповѣданія и др. вѣроученій, не признающихъ почитанія иконъ, даютъ торжественное обѣщаніе не пить въ теченіе опредѣляемаго ими срока опьяняющихъ напитковъ.

Срокъ воздержанія каждый членъ избираетъ самъ, но не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

Вступившій въ члены общества обязывается не только избѣгать пьянства, но и вообще жить по Закону Божию, усердно посѣщать храмъ Божій и убѣждать другихъ жить трезво и благочестиво.

При всѣхъ искушеніяхъ и соблазнахъ членъ общества обязанъ читать Св. Евангеліе и другія религіозно-нравственныя книги, твердо помня данное обѣщаніе.

г) Къ пункту 7-му: Нарушившій обѣтъ въ первый и второй разы подвергается увѣщанію руководителя-священника, который, сообразуясь со степенью раскаянія и обстоятельствами, повлекшими за собою нарушение обѣта, налагаетъ на нарушителя по своему усмотрѣнію эпитимію, не исключая его изъ общества. Нарушившій обѣтъ въ третій разъ исключается изъ общества.

Трезвенникъ обязанъ выдержать свой обѣтъ до указаннаго имъ срока, хотя бы онъ былъ переведенъ изъ полка въ другую часть, отправленъ въ командировку, уволенъ по болѣзни отъ службы или окончили срокъ службы.

д) Къ пункту 8-му: Средства Общества составляютъ: 1) изъ членскихъ взносов; 2) добровольныхъ пожертвованій; 3) отъ продажи книгъ, Евангелія, крестиковъ, иконъ, и 4) устройства спектаклей (?), концертовъ, чтеній.

Члены Общества вносятъ при вступленіи въ общественную кассу одинъ рубль (члены изъ офицеровъ и чиновниковъ) и ежегодно по 1 руб.; сверхсрочные нижніе чины по 10 коп.; нижніе чины, состоящіе на обязательной службѣ, освобождаются отъ опредѣленнаго взноса, но могутъ дѣлать добровольныя пожертвованія.

е) Къ пункту 13-му: На обязанности совѣта Общества лежитъ также наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава членами Общества.

Въ нѣкоторыхъ уставахъ полковыхъ обществъ трезвости указывается цѣль: «борьба съ пьянствомъ и другими пороками».

Уставъ Общества трезвости при *морской* Вогоявленской церкви въ Кронштадтѣ «ставитъ своею задачею борьбу съ пьянствомъ и содѣйствіе дѣлу народной трезвости» во обще — «мѣрами религіозно-нравственнаго воздѣйствія». Эта широкая задача вызываетъ, между прочими, особыя мѣры; напримѣръ: 1) устройство общенароднаго пѣнія духовныхъ пѣснопѣній; 2) устройство въ лѣтнее время па-ломничества для поклоненія особо-чтимымъ святынямъ, 3) устройство воскресной школы для трезвенниковъ и школы для малолѣт-

нихъ дѣтей трезвенниковъ, и, наконецъ, 4) установленіе врачеванія злыхъ послѣдствій пьянства черезъ матеріальную помощь семьямъ пьяницъ устройствомъ лечебницъ, пріютовъ и иныхъ просвѣтительныхъ учрежденій ¹⁸⁾.

Весьма важны указанія уставовъ военныхъ обществъ трезвости въ отношеніи религіозно-нравственныхъ мѣръ къ пробужденію и укрѣпленію сознанія въ членахъ-трезвенникахъ о важности ихъ положенія, какъ лицъ, давшихъ торжественный молитвенный обѣтъ воздержанія.

Такъ, кромѣ вышеприведенной формулы обѣта, обѣтъ воздержанія въ нѣкоторыхъ обществахъ излагается слѣдующими словами:

«Я, нижеподписавшійся, торжественно обѣщаюсь предъ Господомъ Богомъ воздерживаться въ теченіе (такого то срока) отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Господь, Спаситель мой, молитвами Святого (имя Небеснаго Предстателя-Покровителя Общества) да укрѣпитъ меня въ семь благомъ моемъ намѣреніи. Аминь».

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, на оборотѣ выдаваемыхъ по произнесеніи обѣта иконкахъ надписывается: «Въ благословеніе и непрестанное памятованіе о подвигѣ трезвенности» (годъ, мѣсяцъ и число вступленія въ общество).

Почти во всѣхъ обществахъ, въ воскресные и праздничные дни, по окончаніи литургій, служится молебенъ св. Покровителю общества, на коемъ произносится особое моленіе о трезвенникахъ и поименно поминаются всѣ здравствующіе члены-трезвенники. На ектеніи, къ обыкновеннымъ прошеніямъ о здравіи, нѣкоторые руководители прибавляютъ прошеніе: «о благопослѣщеніи рабовъ Божіихъ, воспріявшихъ подвигъ трезвенности».

Существуетъ обычай всѣхъ членовъ общества трезвости вносить въ церковный синодикъ для поминовенія о здравіи ихъ за каждой литургіей.

Въ годовой день (день основанія) общества совершается торжественное богослуженіе, съ соответственнымъ случаю поученіемъ и молебствіемъ; послѣ сего происходитъ общее собраніе членовъ-

¹⁸⁾ Уставъ утвержденъ Духовнымъ правленіемъ при о. Протопресвитерѣ в. и м. дух-ва 29-го—30-го октября 1909 г. Общество къ 1-му января 1914 г. насчитывало 2617 членовъ, преимущественно изъ рабочихъ Кронштадтскаго порта; оно провело въ 1913 году до 150 чтеній-бесѣдъ.

трезвенниковъ, на коемъ читается отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, о состояніи средствъ и т. п. Далѣе слѣдуютъ бесѣды-чтенія и въ общемъ проводится мысль о важности подвига трезвенности въ *семейномъ, общественномъ и военномъ* значеніяхъ.

Обстановкѣ годового общаго собранія придается возможно торжественный видъ; смотря по средствамъ общества—присутствующимъ раздаются листки, брошюры, книги религіозно-нравственного и антиалкогольнаго содержаній.

Въ нѣкоторыхъ полкахъ, не имѣющихъ обществъ трезвости, священники, *послѣ своихъ поученій противъ пьянства*, все же принимаютъ обѣты отъ всѣхъ изъявляющихъ желаніе слѣдовать слову проповѣди и затѣмъ возносятъ молитву о благополучіи въ подвигѣ трезвенности принесшимъ обѣты.

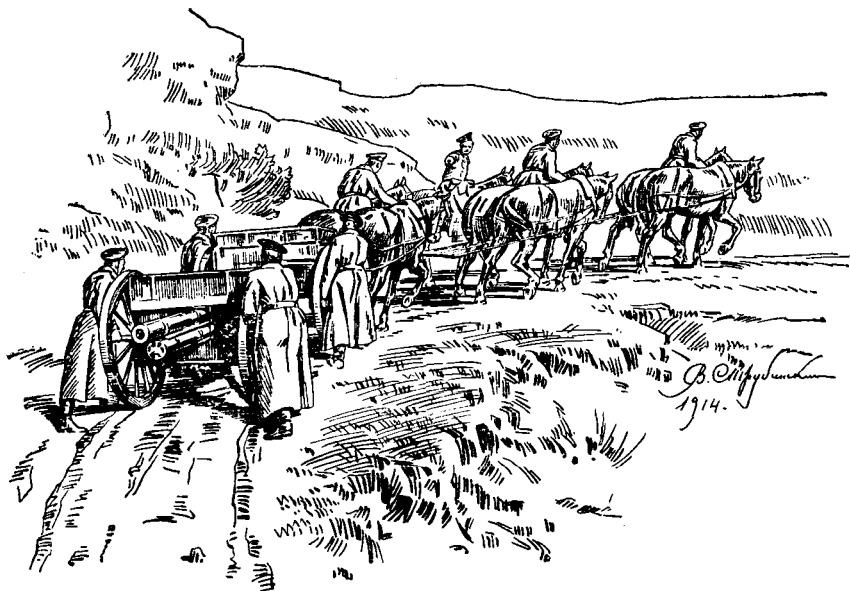
Бывали случаи, что вдохновенное слово пастыря вызывало сразу, одновременно, до двухсотъ обѣтовъ трезвости!

Но отзывамъ полковыхъ священниковъ: борьба съ пьянствомъ и другими пороками, разумѣется, вполне возможна въ арміи, но при непремѣнномъ условіи—*сочувствія трезвенному движению* со стороны не только начальника части, но и общества офицеровъ; прежде всего, конечно, важенъ высокій подъемъ религіозной настроенности въ средѣ офицеровъ.

Съ отряднымъ чувствомъ можно констатировать, что все рѣже становятся случаи, когда къ концу всенощной въ полковой церкви «мощные звуки полкового оркестра (изъ сосѣдняго офицерскаго собранія) слятся заглушить церковное пѣніе Великаго Словословія...»

Л. Ф. Евдокимовъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ОФИЦЕРЪ О СЕРБСКОЙ АРМІИ.

Недавно уже третьимъ изданіемъ вышла изъ печати книга *Alain de Penennrun: «40 jours de guerre dans les Balkans. La campagne serbo-bulgare en juillet 1913»*.

Alain de Penennrun—молодой офицеръ французскаго генеральнаго штаба—говоритъ въ предисловіи къ своему труду: «будучи единственнымъ наблюдавшимъ послѣдовательно за арміями болгарской, турецкой, сербской, черногорской и румынской, имѣя возможность прослѣдить за четырьмя первыми въ бояхъ, а за послѣдней—въ ея мобилизованномъ положеніи и пригомъ въ военное время, я счелъ возможнымъ сравнить эти арміи между собою».

Имя талантливаго автора, пишущаго очень бойко и интересно, въ настоящее время встрѣчается почти во всѣхъ произведеніяхъ, трактующихъ объ обѣихъ балканскихъ кампаніяхъ. Автора цитируютъ, на него ссылаются; становится несомнѣннымъ то вліяніе, которое окажутъ на общественное мнѣніе читающей Европы взгляды Alain de Penennrun'a.

Посмотримъ же, какъ онъ отзывается о сербахъ.

Охарактеризовавъ организацію сербскихъ дивизій I и II призывовъ (полагаемъ, что ея детали въ достаточной степени извѣстны), авторъ останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

1) Громадный сверхкомплектъ людей при началѣ турецкой войны позволяетъ не только обезпечить средній строевой составъ ротъ въ 300 штыковъ, но даже и сформировать шесть дополнительныхъ полковъ ¹⁾.

2) Сербы не повторяютъ ошибки болгаръ и не увлекаются слѣшнымъ сколачиваніемъ новыхъ дивизій и соединеній, кое-какъ организованныхъ и плохо дисциплинированныхъ.

3) Тѣмъ не менѣе въ сербскихъ частяхъ I призыва оказывается около 80% резервистовъ. «Какой аргументъ для противниковъ трехлѣтняго закона въ пользу составленныхъ изъ резервистовъ армій!» замѣчаетъ авторъ, но тутъ же предостерегаетъ отъ поверхностныхъ заключеній.... «Сравнить сербскаго и болгарскаго резервиста съ французскимъ—все равно, что поставить рядомъ лапландца съ египтяниномъ». Ну увь! разница оказывается не въ пользу французовъ ²⁾.

Подчеркнувъ невзыскательность сербовъ и ихъ закаленность въ суровомъ, полномъ лишеній, образѣ жизни, авторъ восторженно отзываясь о томъ «исключительномъ, превосходномъ человѣческомъ матеріалѣ», изъ котораго комплектуется сербская армія:

«Въ Бѣлградѣ я встрѣчалъ рекрутовъ. Это были молодые широкоплечіе крестьяне съ пріятными и спокойными лицами; сіяніе большихъ голубыхъ глазъ, горѣвшихъ пламенемъ энтузіазма, оживляло эти лица глубокою вѣрою и наглядно свидѣтельствовало о высокомъ моральномъ уровнѣ молодыхъ сербовъ. Судьба распоряжается участію каждой арміи сообразно ея качествамъ; слѣдовало бы изучать не тѣ или другіе тактическіе приемы и способы дѣйствій, но именно превосходство моральныхъ факторовъ одной страны надъ другою. Сербскій солдатъ умѣетъ терпѣть и умирать. Сербскіе начальники умѣютъ *хотѣть. Готовность къ самопожертвованію исполнителей и энергичная воля начальниковъ—вѣчная истина! Въ ней секретъ побѣды!*» ³⁾.

¹⁾ Четыре изъ нихъ составили двѣ отдѣльныхъ бригады, Моравскую и Яворскую, а два были приданы по одному къ Дунайской и Шумадійской дивизіямъ II призыва.

²⁾ За то румынскихъ резервистовъ авторъ считаетъ «очень похожими» на французскихъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

Упомянувъ о греческой арміи и коментируя вторую Балканскую войну, авторъ убѣжденно высказывается, что настоящими побѣдителями — «военными, не политическими» — въ этой войнѣ являются сербы. Ихъ армія, «наиболѣе достойная похвалы», тѣмъ болѣе заслуживаетъ серьезнаго внимательнаго изученія, что и «въ грядущей борьбѣ, въ которой мы сами ⁴⁾ не останемся праздными зрителями и когда мы сразимся на Рейнѣ, восстанавливая прежнія границы галловъ, сербская армія несомнѣнно будетъ играть чрезвычайно важную роль» ⁵⁾.

Сербскій солдатъ «столь же первобытенъ и твердъ характеромъ», какъ и болгарскій, но культурнѣе послѣдняго. Онъ достаточно весель, общителенъ и довѣрчивъ. Потребности его крайне ограничены, что выручало, когда приходилось довольствоваться тощимъ сухаремъ и терпѣть недостатокъ въ продовольствіи.

Физическія страданія переносятся сербами съ изумительною твердостью. По пути къ Эгри-Паланка автору пришлось встрѣтить шедшій въ тылъ большой транспортъ раненыхъ. «Ни крика, ни жеста, ни стона! Эти люди—настоящіе солдаты, умѣющіе страдать и умирать!» отъ души вырывается у Alain de Penningun, незамѣтно повторяющагося въ одномъ и томъ же опредѣленіи сербскаго солдата.

Конечно, у сербовъ существуютъ и недостатки, среди которыхъ прежде всего обрисовывается склонность къ чисто восточной безпечности, проявлявшейся даже въ разгаръ событій перво-степенной важности. Напримѣръ, во время Брегалницкихъ боевъ теряется... *соприкосновеніе съ львими болгарскими крыломъ!* И на сербскихъ передовыхъ линіяхъ, такъ же какъ и у болгаръ, чувствуется страхъ возможной смерти.... И все тѣ же признаки—стремленіе въ тылъ подъ предлогомъ различныхъ работъ, тяготѣніе къ окопамъ и оборонѣ. Правда, послѣ нападенія болгаръ 17-го іюня, сербами овладѣваетъ ярость и жажда мщенія; эти мощные импульсы выбрасываютъ сербскія дивизіи впередъ вплоть до Райчанскаго

⁴⁾ Т.-е. французы.

⁵⁾ Интересно отмѣтить, что значеніе сербской арміи уже начинаетъ учитываться Австро-Венгеріей, и притомъ замѣтно въ большей степени, чѣмъ прежде. Новый курсъ отразился между прочимъ и въ организаціи большихъ императорскихъ маневровъ, которые (судя по газетнымъ извѣстіямъ) разыграются лѣтомъ текущаго года въ томъ предположеніи, что Австро-Венгерія подверглась нападенію *съ юга*. Маневры рѣшено выполнить въ очень широкомъ масштабѣ. Главное командованіе войсками приметъ престолонаслѣдникъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. На маневрахъ, по слухамъ, будетъ присутствовать германскій императоръ Вильгельмъ.

Рида. Но сейчас же чувство побѣды смягчаетъ горечь перваго братоубійственнаго столкновенія и болѣзненныхъ воспоминаній 1885 г.—и горячій порывъ сербовъ сразу остываетъ: всѣми овладѣваетъ реакція и стремленіе скорѣе покончить съ кошмаромъ ужащающаго кровопролитія, уже облекшаго въ глубокой трауръ ихъ небольшую страну.

Какъ и у болгаръ, офицеръ очень близокъ къ солдату. Отношенія между ними дружескія, почти родственныя. Авторъ признается, что «нигдѣ, даже во Франціи», онъ не видѣлъ подобной близости офицера къ своимъ людямъ. И тѣмъ не менѣе въ сербской арміи дисциплина очень крѣпка и строго всюду соблюдается, несмотря на *отпечатокъ несомнѣннаго добродушія*.

А вотъ характеристика нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго команднаго состава:

«Престолонаслѣдникъ *Александръ*, стоявшій во главѣ 1-й арміи, мнѣ всегда казался одареннымъ рѣдкими качествами: живой, веселый, умный, не задумывающійся передъ рѣшеніями и замѣчательно работоспособный, онъ поражалъ въ разговорахъ глубиною своихъ сужденій, иногда заставлявшихъ забывать, что принцу всего 25 лѣтъ».

Офицеры штаба 1-й арміи «вполнѣ удовлетворительны». Полковникъ *Пешичъ* проявляетъ себя очень добросовѣстнымъ труженникомъ, но излишне нерѣшительнымъ. Капитаны *Мариновичъ* и *Стояновичъ*, получившіе военное образованіе во Франціи, охарактеризованы съ самой лучшей стороны авторомъ, гораздо строже отнесшимся къ представителямъ высшей русской военной школы ⁶⁾.

Достаточно суровъ отзывъ о командовавшемъ 3-й арміей генералѣ *Янковичъ*, который «съ самаго начала казался почти всегда ниже своей задачи. Его войскамъ, отступившимъ подъ натискомъ болгаръ, такъ и не удалось взять верхъ надъ противникомъ. Его же войска умудрились такъ изумительно потерять соприкосновеніе съ болгарами въ самый разгаръ Брегалницкихъ боевъ ⁷⁾. 3-я же

⁶⁾ Впрочемъ авторъ—ярко окрашенный руссофобъ, и это бьетъ наружу во многихъ мѣстахъ его интересной книги, портя общее хорошее впечатлѣніе.

⁷⁾ Проведя параллель съ извѣстнымъ инцидентомъ 18-го августа 1870 г., когда принцъ Фридрихъ Карлъ потерялъ изъ виду французскую армію, еще наканунѣ бывшую передъ его глазами, авторъ говоритъ: «это указываетъ не только на извѣстную безпомощность сербскаго команднаго состава, но и на чисто славянскую, чисто восточную безпечность передовыхъ войскъ, которыя настолько глубоко засыли въ свои окопы, что даже и не думали слѣдить за противникомъ, бывшимъ передъ ними всего въ 1000—1200 метрахъ».

армія въ теченіе тринадцати дней пребывала въ бездѣйствіи передъ Чука-Голекъ, пока не получила энергическаго приказанія наступать».

Сербская пѣхота—лучшая на Балканахъ; она мужественна, стойка и закалена во всевозможныхъ лишеніяхъ; напрактикована въ маневрированіи и цѣлесообразномъ веденіи огня. Даже въ передовыхъ цѣпяхъ стрѣлки скупы на патроны и, стрѣляя, стараются достигнуть результата каждымъ отдѣльнымъ выстрѣломъ. При наступленіи стремятся приблизиться къ противнику возможно скорѣе, не открывая огня. Самоокапывается сербская пѣхота быстро и хорошо. «Траншеи и окопы представляли собою настоящія крѣпости въ миниатюрѣ, которыя не разъ поражали меня остроуміемъ различныхъ приемовъ, когда рвались болгарскія шрапнели или когда стихійные іюльскіе ливни превращали почву въ цѣлый океанъ грязи».

Сербская пѣхота легко совершаетъ самые трудные форсированные переходы. Напримѣръ, «во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнѣе» маршъ Шумадійской дивизіи I призыва 3-й арміи отъ Эгри-Паланки на Ицгибъ, когда 100 километровъ проходятся по пересѣченной мѣстности менѣе чѣмъ въ 48 часовъ. И это, несмотря на подавляющую жару и уже начинавшую развиваться эпидемію холеры, несмотря на только что выдержанные жестокіе многодневные бои подъ Дренекомъ и Райчанскимъ Ридомъ!

Подъ огнемъ сербская пѣхота наступаетъ взводными перебѣжками, однако не сразу цѣлыми взводами, а принимая всевозможныя мѣры для уменьшенія потерь. Связь со своей артилеріей настолько гармонична, что пѣхотинцы съ автоматичною точностью стараются использовать каждый орудійный залпъ по непріятельскимъ стрѣлкамъ, чтобы новымъ броскомъ впередъ еще болѣе къ нимъ приблизиться. Но такая система имѣетъ и обратную сторону—опасную компактность этихъ сразу бросающихся впередъ взводовъ и тѣмъ болѣе ротъ.

Обращаетъ на себя вниманіе и чрезмѣрная ⁸⁾ растянутость фронтовъ при атакѣ. Такъ Шумадійская дивизія I призыва атакуетъ 18-го іюня на *превышающемъ 10 километровъ фронтѣ!* Наконецъ къ числу отрицательныхъ приемовъ слѣдуетъ отнести нелюбовь къ резервамъ и вообще элементамъ второй линіи, способнымъ питать бой и давать возможность произвести маневръ.

⁸⁾ Даже принимая во вниманіе многолюдность ротъ.

Относительно сербской артиллеріи авторъ приходитъ къ совершенно неожиданному выводу: *сербскіе артиллеристы плохо пользуются своими усовершенствованными скорострѣльными орудіями!* «Пристрѣлку сербы дѣлали правильно, но такъ на ней и застывали, *совершенно не переходя на поражение* (ne voulant pas exécuter le moindre tir d'efficacité) и ограничиваясь послѣдовательными залпами примѣрно черезъ каждыя двѣ минуты. Впрочемъ, такъ поступали и болгары, пользуясь столь же въ достаточной степени безобиднымъ способомъ стрѣльбы». Въ другомъ мѣстѣ книги авторъ упрекаетъ сербскихъ и болгарскихъ артиллеристовъ за то, что послѣ захвата цѣлей въ вилку они не обрушиваются на нихъ «окончательно добывающимъ противника настоящимъ ураганомъ изъ желѣза и огня», что вполне возможно, благодаря скорострѣльности современныхъ орудій⁹⁾.

Пессимистически смотритъ авторъ и на дѣйствительность огня полевыхъ тяжелыхъ гаубицъ. Высказываемый по этому поводу взглядъ не лишенъ оригинальности: «значение 120 мм. гаубицъ оказалось неизмѣримо менѣе того, какое сначала имъ приписывалось; доходило до того, что если и можно было отличить другъ отъ друга падавшія къ намъ 75 мм. и 120 мм. гранаты, то лишь съ большимъ трудомъ¹⁰⁾. Тѣмъ не менѣе, допуская даже столь ни-

⁹⁾ Полагаемъ, что здѣсь Alain de Reppnngun неправъ, такъ какъ односторонне судить о фактахъ лишь по той скорострѣльности, которую въ состояніи развитыя новѣйшія шнейдеровскія орудія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и колоссальнаго потребленія артиллерійскихъ снарядовъ въ современныхъ бояхъ, а также тѣхъ затрудненій, которыя связаны съ пополненіемъ на полѣ сраженія израсходованныхъ боевыхъ припасовъ. Вѣдь даже самъ авторъ сообщаетъ о случаѣ, когда сербская батарея *за одно утро израсходовала около 200 снарядовъ на орудіе* (стр. 140—141), а на стр. 167 онъ же дѣлаетъ упрекъ сербской артиллеріи за *недостаточную экономію* въ расходованіи боевыхъ припасовъ; позволительно спросить, что получилось бы, если бы сербскія батареи развивали еще болѣе интенсивный огонь, какъ это имъ рекомендуетъ авторъ.

Что же касается «безобидности» огня сербской и болгарской артиллерій, то это звучитъ уже совсѣмъ наивно, свидѣтельствуя о неосвѣдомленности или пристрастіи автора. Вспомнимъ хотя бы историческую отнынѣ телеграмму послѣ Кумановскаго боя Зеки-паши своему начальнику: «огонь сербской артиллеріи по войскамъ 7-го корпуса былъ *невообразимой силы*. Охваченныя паникой войска бросились бѣжать, не зная какъ спастись отъ этого убійственнаго огня. Такъ былъ истребленъ 7-й корпусъ».

¹⁰⁾ Это заявленіе автора тоже невольно наводитъ на сомнѣнія, особенно принявъ во вниманіе содержаніе тротила въ тѣхъ шнейдеровскихъ снарядахъ, которые фигурировали на Балканахъ: 645 гр. въ гранатѣ 75 мм. калибра и 4760 гр.—въ гранатѣ 120 мм. гаубицы. Разрушительное и фугасное дѣйствіе этихъ гранатъ, по словамъ участниковъ обѣихъ кампаній, рѣзко отличалось, вполне оправдывая провозглашенный германцами принципъ: «одна тяжелая батарея приводитъ къ молчаливо четыре легкихъ». Надо думать, что такъ или иначе Alain de Reppnngun былъ введенъ въ заблужденіе.

чтожное дѣйствіе гаубичныхъ снарядовъ по противнику, я полагаю, что нравственное спокойствіе и то вліяніе, которое производятъ на свои войска орудія большихъ калибровъ, составляютъ вполне достаточное основаніе для принятія ихъ на вооруженіе. Довѣріе—это такой факторъ, для котораго нельзя жалѣть жертвъ, на первый взглядъ бесполезныхъ; денежные жертвы—однѣ изъ наименьшихъ, и я думаю, что лучше передъ ними не отступать, если только во Франціи остановка именно за этимъ».

Отмѣчая любовь сербовъ къ своимъ тяжелымъ гаубицамъ, авторъ объясняетъ ее *исключительно дальнобойностью* этихъ гаубицъ, указывая, что уменьшенными зарядами и траекторіей съ увеличенной крутизной сербскіе артиллеристы пользовались очень рѣдко ¹¹⁾).

Личный составъ артилеріи отличается обычною сербскою храбростью. Примѣръ: прислуга захваченной подъ *Криволакомъ* сербской батареи (эти орудія черезъ нѣкоторое время были отбиты обратно у болгаръ) героически жертвуетъ собой, чтобы обезвредить покидаемые орудія и унести съ собой затворы.

Самостоятельная дивизія сербской кавалеріи не остается праздною въ бояхъ на Брегалницѣ; слѣдуетъ указать на смѣлое преслѣдованіе ею врага, отступающаго къ *Радовишту*, когда, между прочимъ, была достигнута и взята въ плѣнъ болгарская батарея съ ея 4 орудіями, 12 зарядными ящиками и всѣмъ личнымъ составомъ. Однако, въ общемъ, роль малочисленной сербской кавалеріи на пе-

¹¹⁾ Что дальнобойность тяжелыхъ гаубицъ чрезвычайно важна—это неоспоримо; но авторъ дѣлаетъ излишне смѣлое заключеніе, утверждая, что сербы цѣнили свои гаубицы исключительно за ихъ дальнобойность: *могущественное дѣйствіе снарядовъ* (главнымъ образомъ фугасныхъ граватъ), *скорострѣльность* (16-го іюля 1913 г. на позиціи у Грлена одна изъ тяжелыхъ гаубичныхъ батарей въ продолженіе 2—3 минутъ развила огонь до скорости около 7 выстрѣловъ на гаубицу въ минуту) и вполне достаточная *подвижность*—вотъ главнѣйшія данныя, создавшія вмѣстѣ съ дальнобойностью вполне заслуженную славу скорострѣльныхъ шнейдеровскихъ гаубицъ тяжелаго типа. Если бы, повторимъ еще разъ, дѣло было исключительно въ одной дальнобойности, какъ это утверждаетъ авторъ, то сербы могли бы оставаться при своихъ старыхъ осадныхъ 12 см. орудіяхъ Шнейдеръ-Кане обр. 1897 г. и не переходить на *столь же дальнобойныя* скорострѣльныя гаубицы обр. 1910 г.

Что же касается стрѣльбы уменьшенными зарядами, то опять таки она практиковалась сербскими тяжелыми батареями не столь рѣдко, какъ это указываетъ авторъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что для одного, напримѣръ, сербскаго дивизиона 120 мм. гаубицъ число выстрѣловъ полнымъ зарядомъ (зарядъ № 6) за Болгарскую кампанію составляетъ 80% отъ общаго числа.

Вообще «артилерійскіе» выводы автора, выражаясь на родномъ ему языкѣ, *laissent à désirer*.

ресѣченной мѣстности театра военныхъ дѣйствій является несущественной.

Инженерныя войска, успѣшно выполняющія громадныя работы, интендантство и санитарная часть—вполнѣ на высотѣ положенія. Распространеніе холеры, этого вѣчнаго бича всѣхъ балканскихъ войнъ, прекращается въ самомъ началѣ рядомъ энергичныхъ мѣръ.

Желѣзнодорожное движеніе въ тылу арміи можетъ то же похвалиться своимъ благоустройствомъ. «Все было предусмотрено и упорядочено, функционируя съ замѣчательною точностью. Чувствовалась первоклассная организація, механизмы которой дѣйствовали методически и безъ треній». Личной провѣркой авторъ убѣдился, что «на всѣхъ ступеняхъ желѣзнодорожной администраціи находились люди съ большой инициативой, не только добросовѣстно относившіеся къ исполненію своихъ обязанностей, но и прилагавшіе всѣ старанія, чтобы дѣйствительно помочь проѣзжающимъ въ томъ или другомъ затрудненіи, а не отдѣлаться небрежнымъ броскомъ какого нибудь правила или постановленія, какъ это постоянно мы видимъ во многихъ другихъ странахъ».

Неизбѣжно упоминая про болгарскую армію наряду съ сербскою, авторъ говоритъ: «это сражаются двѣ большихъ европейскихъ арміи, одинаково обученныя, одинаково храбрыя и предприимчивыя...», «это схватка титановъ...», «это эпическая борьба». Болгары обнаруживаютъ склонность къ ночнымъ боямъ; они дерутся безъ воодушевленія въ этой Братоубійственной войнѣ, начатой македонскою партіей изъ Софіи; тѣмъ не менѣе «твердые и упрямые по характеру они съ бѣшенствомъ въ сердцѣ оспариваютъ каждую пядь земли, каждую возвышенность, каждый гребень». Сами сербы отзываются о болгарахъ съ большимъ уваженіемъ. «Это достойные насъ противники», говоритъ автору раненый артилерійскій маіоръ *Ненадовичъ*: «за 13 сутокъ мы могли продвинуться впередъ лишь на 6 километровъ; отсюда можно судить о тѣхъ успѣхахъ, которыя намъ пришлось дѣлать».

О болгарскомъ героѣ Радко Дмитріевѣ авторъ отзывается такъ: «генераль Дмитріевъ дѣйствительно энергичный, даже очень энергичный человекъ; меня всегда въ немъ поражала чрезвычайная быстрота рѣшеній, иногда даже запечатлѣнная излишнею горячностью; во всякомъ случаѣ въ пассивности генерала нельзя упрекнуть ни въ коемъ случаѣ».

Въ концѣ книги (стр. 244) находимъ заключительную пара-

лель: «несмотря на многочисленные недостатки, войска сербовъ и ихъ начальники проявили свыше всякой похвалы не только настойчивость, но и силу, неоспоримыя способности къ наступательному образу дѣйствій и безусловное превосходство надъ столь прославленной болгарской арміей. Причину надо искать въ томъ, что сербы не только ученики, какъ это можно сказать про болгаръ, но они способны творить отъ себя, развить самостоятельно ту или другую идею, чего не хватало ихъ противникамъ по Второй Балканской войнѣ».

Резюмируя замѣтки можно видѣть, что въ общемъ отзывъ французскаго офицера о сербской арміи является весьма благопріятнымъ. Но Alain de Pennington не можетъ простить сербамъ, что, одержавъ конечный успѣхъ въ кровопролитныхъ Брегалъницкихъ бояхъ, они не развили сейчасъ же энергичнаго наступленія на Софію, «быстро перемѣнивъ фронтъ на сѣверъ и кинувшись напроломъ въ рѣшительную атаку главныхъ болгарскихъ силъ». Авторъ полагаетъ, что, если бы сербы это сдѣлали, вся слава побѣды надъ болгарами принадлежала бы имъ, а вмѣстѣ со славою всѣ выгоды, и «Бѣлградъ неоспоримо сдѣлался бы настоящею столицею на Балканахъ».

Этотъ упрекъ увлекающагося автора звучитъ неоднократно на страницахъ книги.

А что авторъ увлекается, это несомнѣнно. Нельзя забывать, что всякая война является орудіемъ политики, которая въ концѣ концовъ и повелѣваетъ. Политика же вполне оправдывала пріостановку военныхъ дѣйствій для облившейся кровью сербской арміи, уже притомъ отбившей нападеніе врага (т.-е. достигнувшей своей цѣли), и дѣлала излишними дальнѣйшія гекатомбы. Стоило ли продолжать братоубійственную распрю ради какихъ-то эфемерныхъ расчетовъ? Стоило ли—выражаясь вульгарно—цѣною тяжелыхъ жертвъ таскать для другихъ изъ огня каштаны? Да и самъ авторъ говоритъ (стр. 160—161): «румыны, не сражаясь, дошли почти до воротъ Софіи; турки возвратили себѣ Адрианополь и Оракію; наконецъ, греки овладѣли эгейскимъ побережьемъ. Всѣ что либо пріобрѣли, и только сербы покрыли себя славой, расплатившись сполна своею кровью за горестное нападеніе 29-го іюня...¹²⁾». Сербы доблестью сломили упорное сопротивленіе болгаръ и смыли сливницкій позоръ 1885 г. И сербы рѣшили, что этого было довольно. Пятая отвращеніе къ дальнѣйшей братоубійственной бойнѣ, оплаки-

¹²⁾ По новому стилю.

вая ее, сербы упустили изъ виду, что вчерашній братъ и союзникъ сдѣлался врагомъ, т.-е. тѣмъ, кого слѣдуетъ схватить за горло и давить до тѣхъ поръ, пока онъ не вытянется окончательно мертвымъ».

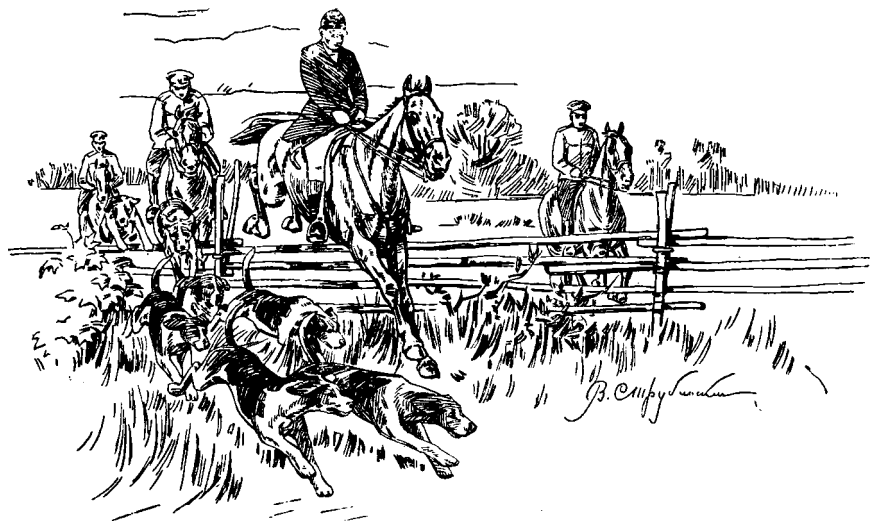
Мы смѣемъ не согласиться съ молодымъ, горячимъ авторомъ и думаемъ, что рѣшеніе сербовъ въ виду надвигавшагося заключенія мира и общей политической обстановки было совершенно правильнымъ.

Какъ бы предчувствуя справедливое возраженіе, авторъ спѣшитъ добавить: «могутъ сказать, что окончательное пораженіе болгаръ не было желательнымъ, что даже среди сербовъ къ нему никто не стремится, и что все-таки теплится надежда увидѣть болгаръ входящими въ составъ балканской коалиціи. Признаюсь, я совершенно не вѣрю въ такое примиреніе враждующихъ братьевъ—слишкомъ уже много накопилось злобы и ненависти, слишкомъ много пролилось крови!»

Родственный южнымъ славянамъ русскій народъ и представители его могущественной арміи не могутъ, конечно, раздѣлить столь мрачной увѣренности автора. Время—лучшій цѣлитель самыхъ ужасныхъ ранъ, самыхъ непоправимыхъ по первому взгляду бѣдствій, особенно когда грозною стѣною надвигается общій историческій врагъ и когда еще такъ свѣжи въ памяти незабвенные дни совмѣстной громкой славы, совмѣстныхъ прогремѣвшихъ по всему міру побѣдъ!...

П. Ч.

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

(Продолженіе)¹⁾.

II. Отъ Будапешта до Темешвара.

Ваннымъ утромъ усѣлся я въ вагонъ скорого поѣзда Будапештъ — Оршова — Бухарестъ. Тронулись въ путь. Замелькали столбы, будки и прочіе атрибуты желѣзныхъ дорогъ. Дорога проходитъ по Великой Венгерской равнинѣ (Надъ Альфѣльдъ), которую я имѣю возможность лицезрѣть самолично.

Миновавъ предмѣстья Будапешта, нашъ поѣздъ понесся по гладкому, какъ столъ, Альфѣлду. Куда ни кинешь взглядъ—всюду необозримая равнина, на которой, какъ оазисы, то здѣсь, то тамъ мелькаютъ усадьбы (танья), обсаженные высокими пирамидальными тополями. Каждая усадьба состоитъ изъ одного или двухъ жилыхъ домовъ, конюшни и нѣсколькихъ сараевъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 4.

Первая отъ Будапешта большая станція—Цегледь, около города того же имени. Станція очень оживленная. Мадыарская рѣчь такъ и трещитъ повсюду. Чувствуешь, что находишься въ настоящей Венгріи.

Ѣдемъ дальше и опять равнина, опять одинокія маленькія усадьбы, окруженныя стройными тополями.

Быстро мелькають одна за другой маленькія станціи, которыя нашъ поѣздъ проходитъ не останавливаясь.

У меня въ купэ нашелся собесѣдникъ. Типичный мадыарь-помѣщикъ, владѣлецъ большихъ земельныхъ участковъ и виноградниковъ у Кечкемета. Онъ по-нѣмецки изъяснялся довольно плохо и видимо говорилъ на этомъ языкѣ съ большою неохотой.

Я тоже не могъ похвастать бѣглостью мадыарской рѣчи, но какъ это всегда бываетъ, когда два человѣка имѣютъ сильное желаніе поговорить между собою, всѣ пренятствія отпадаютъ. И мы отлично стали изъясняться другъ съ другомъ на нѣмецко-мадыарскомъ смѣшанномъ нарѣчій, дополняя его соотвѣтствующими жестами.

Моего собесѣдника крайне изумило и заинтересовало то обстоятельство, что я—русскій. Онъ мнѣ откровенно признался, что никогда не видалъ русскихъ и представлялъ себѣ ихъ совсѣмъ особенными людьми. На этомъ пунктѣ наша бесѣда нѣсколько усложнилась, такъ какъ я никакъ не могъ точно понять, на какую именно «особенность» напираетъ мой собесѣдникъ. А онъ, въ свою очередь, какъ на грѣхъ, не могъ подобрать подходящихъ словъ, чтобы пояснить свою мысль. Наконецъ, разгадка нашлась: онъ воображалъ, что всѣ русскіе носятъ или казачій чекмень, или красную рубаху! и никакъ не ожидалъ увидѣть русскаго человѣка въ европейскомъ костюмѣ.

Вообще, какъ я убѣдился, о Россіи и о русскихъ понятія здѣсь самыя примитивныя, а въ большинствѣ случаевъ даже фантастическія. Такъ, напримѣръ, мой собесѣдникъ былъ прямо ошеломленъ, когда я ему разсказалъ, что въ Россіи строятъ паровозы и что російскія желѣзныя дороги по размѣщенію пассажировъ гораздо удобнѣ венгерскихъ и австрійскихъ.

Но вотъ подъѣзжаемъ къ Кечкемету, гдѣ мой помѣщикъ долженъ вылѣзть. Распростившись съ нимъ, я опять началъ глазѣть въ окно.

Кечкеметъ довольно большою, чисто мадыарскій, городъ съ 60-и тысячнымъ населеніемъ весь утопаетъ въ садахъ и виноградникахъ. На песчаной почвѣ произрастають особыя сорта винограда, не боящіеся филоксеры.

Кечкеметскія вина въ Венгріи называютъ «хомоки боръ», т-е. въ переводѣ на русскій языкъ: «песчаное вино» или «песочное вино».

Послѣ недолгой остановки тронулись далѣе, оставляя позади себя Кечкеметъ, замѣчательный еще и тѣмъ, что весной 1911 года его здорово потрепало землетрясеніе.

Опять понеслись по безконечной Венгерской равнинѣ. Но усадьбы стали замѣтно рѣдѣть. До Кечкемета съ любой точки пути и въ любую сторону было видно пять-шесть усадьбъ; теперь же—не болѣе двухъ-трехъ. Безъ конца тянутся пахотныя поля и пастбища. Кое-гдѣ виднѣются небольшія озерки и болотца, да мелькнетъ иногда на высокоомъ столбѣ коромысло степного колодца.

Приближаемся къ Сегедину (или точнѣе—къ Сэгэду). По величинѣ и населенію это—второй городъ послѣ Будапешта. Въ 1879 г. этотъ городъ, находящійся почти въ самомъ центрѣ Великой Венгерской равнины при слияніи Тиссы и Мароша, подвергся страшному наводненію. Масса человѣческихъ жертвъ, почти полное разрушеніе всѣхъ домовъ, совершенное уничтоженіе всѣхъ посѣвовъ, всего скота и всѣхъ окрестныхъ селеній—вотъ что было послѣдствіемъ этого наводненія.

Но мадьяры—народъ упорный: насиженные мѣста они не скоро покидаютъ. Сэгэдъ мало-по-малу отстроился опять и сталъ, какъ говорятъ старожилы, еще красивѣе. А для страховки отъ наводненій мадьярскіе инженеры урегулировали русло р. Тиссы и обнесли весь городъ высокими дамбами.

По дамбѣ и мчится нашъ поѣздъ, а внизу мелькаютъ небольшіе деревянные домики пригорода.

Стѣны этихъ домиковъ сплошь завѣшены пучками краснаго перца, высушиваемаго на солнцѣ. Этотъ перецъ называется здѣсь «паприка» и играетъ немаловажную роль въ произведеніяхъ мадьярской кухни.

Наконецъ, поѣздъ остановился у большого вокзала.

За 10 минутъ много съѣсть не успѣешь, но закусить слегка—возможно. На платформѣ заманчиво бѣлѣютъ столики вокзальнаго ресторана. Подозвавъ къ себѣ кельнера (по-мадьярски—пинцеръ), я попросилъ поскорѣе мнѣ чего-нибудь закусить и выпить. Мое произношеніе сначала поразило «пинцера», но потомъ его до глубины души тронуло то обстоятельство, что иностранецъ, хотя и скверно, но старается говорить по-мадьярски (а въ Венгріи это особенно цѣнятъ).

Черезъ полъ-минуты передо мной стояли: кружка пильзенскаго пива, пресбургская ветчина и тонкими струйками пара дразнилъ обоняніе «чирке-паприкашъ» — мадьярское блюдо — цыплята, приготовленные съ паприкой.

Еле-еле успѣлъ проглотить все это, а кондукторъ уже сталъ усиленно приглашать всѣхъ садиться въ вагоны.

Тронулись дальше. Переѣхали мостъ черезъ р. Тиссу, единственный большой мостъ на трехсоткилометровомъ участіи Будапештъ — Темешваръ, и Сэгэдъ съ его красивыми зданіями на правомъ берегу рѣки быстро скрылся изъ глазъ за поворотомъ пути.

Опять ѣдемъ по безконечной равнинѣ, на которой и усадебъ почти совсѣмъ не видно.

На станціи Надь-Кикинда ко мнѣ въ купэ сѣло трое пассажировъ. Присматриваясь къ нимъ, я рѣшилъ, что это — не мадьяры. Въ лицахъ ихъ было что-то знакомое, родное. Когда же они заговорили на славянскомъ нарѣчій, то я сразу узналъ сербовъ. У насъ скоро завязался оживленный разговоръ (къ сожалѣнію, на нѣмецкомъ языкѣ). Мои собесѣдники были крайне удивлены, когда узнали, что я — русскій. Они оказались купцами изъ Надь-Кикинды, города, гдѣ, по ихъ словамъ, болѣе $\frac{3}{4}$ населенія — сербы. Да и вообще въ Южной Венгріи — много сербовъ. Такіе города, какъ Надь-Вечкерекъ, Панчова и упомянутая выше Надь-Кикинда, почти сплошь заселены ими.

Сербы здѣсь вполне акклиматизировались и съ успѣхомъ занимаются торговлей, садоводствомъ, огородничествомъ, выдѣлкой ковровъ. Всѣ сербы, живущіе въ Южной Венгріи, состоятъ въ венгерскомъ подданствѣ, отлично говорятъ по-мадьярски и по-нѣмецки, но всѣ безъ исключенія исповѣдуютъ православіе. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Южной Венгріи имѣются православныя сербскія церкви.

Въ разговорѣ быстро прошло время и мы уже приближались къ Темешвару. И направо, и налево — гладкая, какъ столъ, равнина. Вдали виднѣются фабричныя трубы и городскія зданія.

III. Темешваръ.

Нашъ поѣздъ подлетѣлъ къ Темешварскому вокзалу. Красивое, большое и стильное зданіе.

Носильщикъ забралъ мои вещи и потащилъ ихъ въ ближайшую гостиницу, находящуюся противъ вокзала. По какому-то случаю

гостинница эта оказалась переполненной и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось получить маленькій темный номерокъ съ окномъ и дверью, выходящими на веранду, около которой на открытомъ воздухѣ стояли столики ресторана.

Приведя себя послѣ дороги въ порядокъ, я рѣшилъ немного погулять по городу, тѣмъ болѣе, что было еще 3 часа дня, да и послѣ пятичасового сидѣнія въ вагонѣ пріятно было поразмяться.

Выйдя на улицу и пройдя мимо ряда гостинницъ и парикмахерскихъ, сгруппировавшихся у вокзала, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ шествующихъ важно по улицѣ курчавыхъ черныхъ свиней. Густая вьющаяся шерсть покрывала все туловище. Точно овцы со свиными мордами.

Первое впечатлѣніе Темешваръ на меня произвелъ не особенно важное. Улица, идущая отъ вокзала, хотя и широка, но вымощена плохо. Между трамвайными рельсами растеть трава. Дома одноэтажные, трехэтажные, четырехэтажные, новые, старые стоятъ какъ-то вперемежку.

Часто попадаются большіе склады земледѣльческихъ машинъ. Нѣкоторыя машины стоятъ около тротуаровъ на улицѣ, очевидно, для обозрѣнія и ознакомленія.

Перешелъ мостъ черезъ Бегу—искусственный каналъ, вырытый для урегулировки водъ р. Темеша и осушки окрестныхъ болотъ.

Завернулъ на большую улицу. На дощечкѣ по-мадьярски обозначено: «Кошутъ Ляйошъ утца», что значитъ—улица Людвигъ Кошута.

Пройдя два квартала, насчиталъ пять сберегательныхъ кассъ. Видно темешварскіе граждане любятъ копить деньгу. По улицѣ снуютъ зеленые и желтые трамваи. Но вообще уличное движеніе не особенно оживленное. Правда, стоялъ довольно жаркій день—42° Р. и ни малѣйшаго вѣтра.

Гулять по пыльной улицѣ въ такую жару не особенно пріятно. Но на планѣ города обозначенъ невдалекѣ паркъ. Пробую добраться до этого парка.

Начинаютъ попадаться дома въ стилѣ модернъ съ какою-то примѣсью. Наконецъ, миновавъ небольшую площадь «Кютль-теръ», я шелъ уже по улицѣ «Гуніади», по обѣимъ сторонамъ которой высились большіе дома очень хорошей и отчасти оригинальной архитектуры.

Перейдя опять Бегу по старому желѣзному мосту я, наконецъ, попалъ въ «Шкудиръ-паркъ». Паркъ довольно тѣнистый; акаціи,

тополя и каштаны, а также елки—представительницы далекаго сѣвера—красовались здѣсь. На одной изъ площадокъ парка возвышается памятникъ браваго австрійскаго генерала. На пьедесталѣ обозначено: «Баронъ Антонъ Шкудирь». Обратился я къ старичку-сторожу съ вопросомъ: чѣмъ собственно замѣчательнъ этотъ самый Шкудирь? Старичекъ не сразу догадался въ чемъ дѣло, но потомъ, послѣ долгихъ разговоровъ, объяснилъ, что генераль Шкудирь былъ комендантомъ Темешварской крѣпости и насадилъ этотъ самый паркъ, за что памятникъ заслужилъ и паркъ его именемъ назвали.

Въ иныхъ странахъ генераламъ ставятъ памятники за военные подвиги, а тутъ—за насажденіе парковъ!

Но жара и въ паркѣ донимаетъ. Пошелъ я изъ парка дальше. Пересѣкъ линію желѣзной дороги и прошелъ мимо ряда строящихся домовъ. Невдалекѣ виднѣются остатки крѣпостныхъ валовъ и громадныя кучи стараго кирпича—остатки снесенныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Тутъ возвышается громадное строеніе—бывшій замокъ Гуніади.

Встрѣтившійся прохожій, къ которому я обратился съ разпросами, былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что я—туристъ безъ коммерческихъ побужденій. Оказывается, что Темешваръ посѣщаютъ исключительно съ коммерческими цѣлями, путешественниковъ же специалистовъ здѣсь почти не знаютъ.

По указанію моего случайнаго собесѣдника, я направилъ свои стопы въ кафэ «Кронпринцъ»—первоклассный ресторанъ, помѣщающійся въ зданіи театра.

Кафэ хорошо отдѣланное, простое и оригинальное. Офицеры, интеллигентные штатскіе, дамы сидятъ чинно за чашкой кофе или кружкой пива; читаютъ газеты и журналы; бесѣдуютъ. На трехъ или четырехъ столикахъ играютъ въ карты (въ здѣшнихъ кафэ это принято), два столика заняты игрою въ домино, а за однимъ сражаются шахматисты.

Прислуживавшій мнѣ кельнеръ, замѣтивъ, что я—посѣтитель изъ неизвѣстныхъ здѣсь, объяснилъ, что скоро начнетъ въ кафэ играть цыганскій оркестръ.

Время летитъ незамѣтно. Стрѣлка часовъ приближается къ восьми. Цыгане начали наигрывать залихватскій чардашъ, смѣнившійся звуками модной оперетки; затѣмъ изобразили пошпурри изъ «Карменъ».

Несмотря на будній день, кафэ полно народа. Видно, что оно въ Темешварѣ пользуется большою популярностью.

Однако, пора и на отдыхъ. Сѣлъ въ трамвай, идущій къ моему отелю. На улицахъ часто встрѣчаются переполненные народомъ кафэ, ярко освѣщенные электричествомъ. Льются звуки цыганскихъ оркестровъ.

При вечернемъ освѣщеніи городъ красивъ, да и жизнь уличная гораздо оживленнѣе, чѣмъ днемъ. Отъ жары всѣ попрятались днемъ по домамъ, а теперь вышли подышать, хотя и городскимъ, но все-таки свѣжимъ воздухомъ.

Спать хочется адски! Но, увы! мой номеръ находится на очень невыгодномъ для спанья мѣстѣ. Около веранды, куда выходятъ окно и дверь моей комнаты, немилосердно громко играетъ цыганскій оркестръ. Сидящая за столиками публика ведетъ себя также довольно шумно. Звуки музыки, гвалтъ, говоръ и хохотъ публики и примѣшавшійся ко всему этому визгъ женщинъ—создали такую какофонію, что сонъ мой окончательно пропалъ.

До пяти часовъ утра продолжался этотъ гвалтъ и затѣмъ все затихло. И все-таки заснуть мнѣ, послѣ этого затишья, не удалось. Напротивъ моего номера расположена была кухня, гдѣ съ пяти часовъ утра начали мыть посуду съ такимъ грохотомъ, звономъ и хохотомъ, что о снѣ и думать было нечего. Но въ головѣ созрѣлъ непоколебимый планъ уѣхать изъ этого номера во что бы то ни стало....

Утромъ, послѣ разговора съ портье, я выяснилъ, что этотъ несчастный номеръ предназначенъ вовсе не для спанья, а... для парочекъ, ищущихъ уединенія. Помѣстили же меня туда по недостатку свободныхъ комнатъ.

Въ тотъ же день я перебрался въ отель «Кронпринцъ», гдѣ получилъ, наконецъ, возможность спать по ночамъ.

IV. Прошлое и настоящее Темешвара.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ окрестности теперешняго Темешвара представляли собой сплошныя болота.

Въ XV вѣкѣ король венгерскій Владиславъ назначилъ обергешпаномъ (губернаторомъ) Южной Венгріи знаменитаго венгерскаго полководца Гуніади. Гуніади выстроилъ замокъ на единственномъ пути, ведущемъ черезъ болота Южной Венгріи, и около этого замка сталъ разбиваться мало-по-малу городъ Темешваръ.

Въ XV и XVI вѣкахъ вся Южная Венгрія была ареной войнъ съ турками; здѣсь господствовала въ то же время чума; здѣсь же разразилось и крестьянское возстаніе.

Предводитель крестьянъ, Георгій Дожа, жестоко расправившись съ магнатами и дворянами, подошелъ къ Темешвару. Но здѣсь его банды были разсѣяны, а самъ онъ былъ пойманъ и преданъ мучительной казни. Его посадили на раскаленный тронъ и на голову надѣли раскаленную желѣзную корону.

На мѣстѣ этой казни теперь стоитъ статуя Дѣвы Маріи, а прилегающая улица носитъ названіе «улицы Дожа». Здѣшніе крестьяне чтутъ Дожа, какъ святого мученика.

Въ серединѣ XVI столѣтія Темешваръ былъ осажденъ турками. Комендантъ Темешвара Лошонци храбро и умѣло оборонялъ городъ, но голодъ принудилъ его къ сдачѣ. Турки заняли всю Южную Венгрію и господствовали здѣсь 164 года.

Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ освободить Южную Венгрію, только принцу Евгенію Савойскому удалось въ 1716 году взять штурмомъ Темешваръ и освободить отъ турокъ весь край.

Въ 1717 году австрійское правительство назначило губернаторомъ Южной Венгріи графа Мерци, который дѣятельно и неутомимо приводилъ этотъ край въ порядокъ. Заселялъ покинутыя во время войнъ мѣста выходцами изъ Франціи, Германіи и Испаніи; поощрялъ земледѣліе и промышленность; осушалъ болота — словомъ вернулъ жизнь заброшенному краю, который природой награжденъ многими естественными богатствами.

Но этому культуртрегеру мадьяры ставятъ большой упрекъ за то, что онъ старался все онѣмечивать.

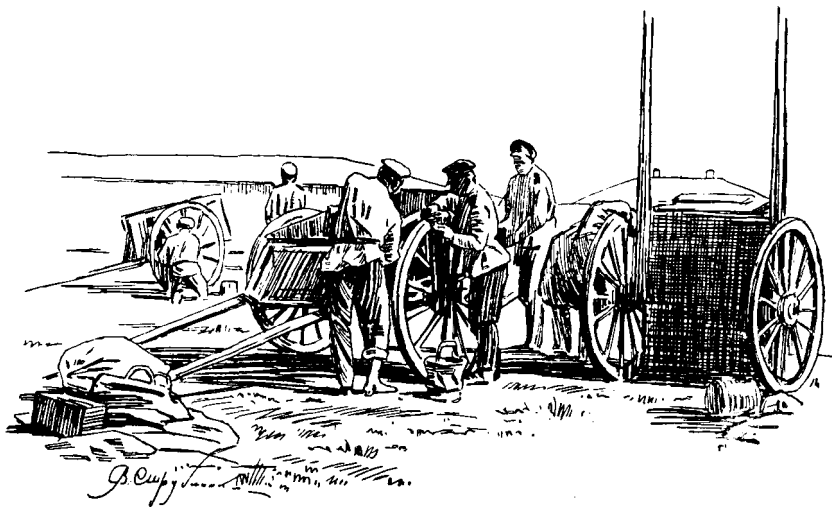
Въ XIX столѣтіи Темешваръ, какъ городъ, развивался очень медленно. Австрійцы устроили здѣсь первоклассную крѣпость, которая запирала пути, идущіе съ юга и востока къ Будапешту.

Болота, нездоровый климатъ и постоянно господствовавшій здѣсь лихорадки сдѣлали эту крѣпость какъ бы мѣстомъ ссылки для провинившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Коменданты крѣпости старались улучшить положеніе гарнизона: рыли осушительныя каналы и насаждали парки. Въ Темешварѣ въ настоящее время четыре парка и всѣ они насажены руками солдатъ.

С. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ развѣдчицами 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе ¹⁾).

Мимолетные мои очерки и выводы объ охотѣ въ сибирской тайгѣ внушены мнѣ не столько «профессиональной» страстью, какъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвели на меня статьи объ охотѣ Витмера, напечатанныя когда то въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ страстномъ, увлекательномъ тонѣ г. Витмеръ рисовалъ всѣ прелести охоты и доказывалъ необходимость и пользу увлеченія этимъ спортомъ именно офицеровъ. Вальдшнепы, кулики, зайцы, прогулки по болотамъ въ охотничьихъ сапогахъ... Сколько прелести, сколько поэзіи!

Не менѣе убѣжденно и страстно ему возражалъ г. Кривцовъ, не усматривающій въ охотничьемъ спортѣ ни возвышающей души поэзіи, ни школы какихъ либо особенныхъ воинскихъ добродѣтелей.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 4.

Пробывъ почти восемь лѣтъ въ суровой школѣ сибирскаго развѣдчика, я всецѣло присоединяюсь къ мнѣнію: цѣнна не сама охота, а борьба съ природой. Да, въ Сибири чудная охота, не хуже, чѣмъ гдѣ либо въ дебряхъ Канады или Сѣверной Америкѣ. Но попробуйте мѣсяцами побродить по тайгѣ безъ дорогъ, безъ вожатыхъ, по поясъ въ снѣгу, замерзая отъ стужи, мучаясь отъ голода и жажды, употребляя въ пищу павшихъ лошадей, случайно убитыхъ галокъ—и вы придете къ выводу, что заманчива и увлекательна до страсти не охота, а та обстановка, которая создается охотой—борьба до послѣдняго напряженія съ неумолимо жестокой природой, ощущеніе остраго ужаса въ минуту встрѣчи съ ранеными, но не добытыми медвѣдями.

Гоняясь за «кряковыми» утками по Дудергофскимъ болотамъ, петербургскій охотникъ съ расшитымъ ягташемъ далеко отъ пониманія истинной поэзіи охоты. Воскресная охота съ гигиенической цѣлью, конечно, является спортомъ, достойнымъ поощренія, наряду съ лаунъ-теннисомъ и бриджемъ.

Истинный вѣковѣчный смыслъ охоты—это или борьба съ хищными звѣрями, облава на волковъ, добываніе медвѣдя изъ зимней берлоги—или же необходимость «добыть запаса». А чтобы накормить команду, нужно подстеречь сохатаго или пару козловъ—мясо пойдетъ въ артельный котелъ, шкура на бродни. А стрѣлять по зайцу здѣсь дѣло зазорное. Заяць—по сибирски ушканъ—считается нечистымъ «семишкурнымъ» животнымъ и въ пищу употребляется только въ случаѣ голодовки.

Прибыли гонцы съ извѣщеніями, что выступившая изъ Минусинска 4-я рота уже дошла до деревни Означенной и двинулась дальше по Енисею. Съ часу на часъ ожидалось прибытіе съ большими усиліями мобилизованной усинской дружины.

Лютый морозъ стоялъ на дворѣ; захватывало дыханіе; сизые столбы дыма высоко вздымались надъ занесенными снѣгомъ домами поселка. Изрѣдка поднимется воронъ и, тяжело прорѣзая воздухъ, оставляя за собой струю пара. Въ безмолвной тишинѣ рѣзко гремѣли, время отъ времени, раскаты ударовъ, напоминающихъ отдаленные пушечные выстрѣлы. Это ломались громадныя пласты ледяного покрова. Безпрестанно мѣняя свой уровень, Енисей выпиралъ могучей силой бурливаго теченія глыбы льда и тогда съ

грохотомъ и трескомъ рвало ледъ, потоки воды на далекое пространство заливали Енисей, образуя такъ называемые «наледы». Выступившая вода, конечно, скоро замерзаетъ, обыкновенно уже къ ночи. Но двигаться по застывшей наледи опасно. Тонкій слой наледи скрываетъ отъ глазъ глубокія трещины матераго льда. Образовавшіяся такимъ образомъ пустоты и наслоенія не выдерживаютъ тяжести лошади и груженныхъ саней. Хорошо, если путникъ, отдѣлавшись только ледяной ванной, не попадетъ въ широкую трещину разрыва—оттуда нѣтъ возврата.

Но вотъ, наконецъ, пришли молодцы, «франтиреры» усинскіе. Нестройной толпой собрались они во дворъ Моховскаго дома, ожидая выхода начальства. Съ заиндивѣвшими бородами, въ бродняхъ, валенкахъ, въ полшубкахъ, нѣкоторые въ мѣховыхъ сойотскихъ халатахъ, дружинники не производили впечатлѣнія грозной боевой силы. Берданки у нѣкоторыхъ носились на погонномъ ремнѣ, у другихъ на плечѣ, съ примкнутымъ штыкомъ. Во дворъ къ нимъ вышелъ пограничный начальникъ.

Его встрѣтили криками, сумбурными жалобами, галдежомъ.

«Доложите полковнику, что не по справедливости!»

«Насъ выгнали зря! Буццовъ, вишь, ослобонили, а насъ, въ опоркахъ которые, назначили!»

Растерявшійся пограничный начальникъ вернулся и доложилъ полковнику, что «настроеніе духа угнетенное».

Полковникъ П., полюбовавшись черезъ окно дружиной, приказалъ мнѣ водворить порядокъ и принять начальство.

«Объявите, что завтра выступимъ на Кемчикъ!»

Я вышелъ на дворъ. Морозный паръ стоялъ надъ галдѣвшей толпой. Меня обступили съ тѣми же криками и жалобами. Отъ нѣкоторыхъ разило сивухой.

«Которые по списку—тѣхъ ослобонили! А насъ, вотъ, пѣшихъ погнали!»

Я вызвалъ своихъ развѣдчиковъ и приказалъ унтеръ-офицеру выстроить дружинниковъ. Кое-какъ ихъ пересчитали. Оказалось всѣхъ 60 человекъ. Стали переписывать. Но галдежъ не прекращался. Громче всѣхъ горланилъ высокій бородатый мужикъ, стоявшій на правомъ флангѣ.

«Мы жаловаться будемъ! Нѣтъ такого закона! Домой же-лаемъ!»

Моментъ былъ критическій. Всѣ мои окрики заглушались нестройнымъ гуломъ голосовъ. Я оглянулся на своихъ развѣдчиковъ.

Въ рукахъ у нихъ оказались винтовки, хотя я объ этомъ не отдавалъ приказанія. Васильевъ, надрываясь тоненькимъ голоскомъ, старался возстановить порядокъ.

«Чего глядѣть! Пойдемъ къ полковнику—пущай насъ ослобонять!» ревъль правофланговый.

Я подскочилъ къ нему.

«Замолчи! Помни, что я вашъ начальникъ!»

Въ отвѣтъ мнѣ раздалось дерзкое слово.

И въ слѣдующую минуту онъ уже барахтался на снѣгу. Сразу возстановилась тишина.

Только теперь стали прислушиваться къ моимъ словамъ.

«Не варнаки вѣдь вы, а дружинники усинскіе! Постоите за общество! Стыдно вамъ, какъ бабамъ плакаться! Прежде службу отслужи, а тогда уже разберемъ, кого обидѣли. Эй ты, борода паклей, что винтовку какъ оглоблю держишь! Изъ запасныхъ вѣдь? Исполни службу!»

«Такъ точно, ваше благородіе!» оскаливъ зубы, отвѣтилъ дружинникъ уже инымъ тономъ; «въ 24 полку служилъ, подъ Ляояномъ былъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ былъ произведенъ расчетъ, дружина выравнена, разбита на взводы и отдѣленія и на привѣтствіе вышедшаго на дворъ полковника отвѣтила дружнымъ и громкимъ «здравія желаемъ!»

Старшимъ я назначилъ единственнаго верхового, бывшаго фельдфебеля Типилина. Нашлись и взводные изъ запасныхъ. При ихъ помощи я осмотрѣлъ винтовки, патроны, обувь и освободилъ 3-хъ человекъ съ изъязвленными ногами отъ похода. Выступленіе было назначено съ разсвѣтомъ, на другой день. На ночь людей размѣстили по домамъ поселка. Довольствоваться дружинники должны были собственнымъ попеченіемъ запасами, захваченными изъ дому. Провинившійся дружинникъ, Рыбаловъ по фамиліи, былъ посаженъ подъ арестъ, въ хозяйскій амбаръ.

Только что рассказанная характерная сценка, гдѣ рисуется магическая сила «удара зубокрушительнаго», служить подтвержденіемъ того, что бываютъ положенія, прямо безвыходныя, когда малѣйшій признакъ растерянности часто приводитъ къ губительнымъ результатамъ.

Справиться съ толпой, лишенной навыка повиноваться, не признающей авторитета незнакомаго начальника, задача неблагоприятная, иногда прямо непосильная.

И я надѣюсь, что даже крайній послѣдователь Драгомировской аксіомы: «Нельзя драться!» проститъ меня за примѣненіе физическаго воздѣйствія.

Стыдно драться! Нѣтъ ничего позорнѣе для офицера, какъ наносить зуботычины стоящему на вытяжкѣ въ строю солдату.

Но въ данномъ случаѣ было не то.

Я долженъ былъ исполнить данное мнѣ приказаніе, а какъ я могъ заставить озлобленную возбужденную толпу слушаться меня, вышедшаго къ нимъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ безъ кокарды и прочихъ знаковъ отличія?

Оказалось, между прочимъ, что пощечина произвела не только достодолжный эффектъ, но и досталась по заслугамъ: «принечатанный» мною дружинникъ дѣйствительно былъ коноводомъ, разжигалъ неудовольствіе и добивался роспуска дружины. Дѣйствительную службу онъ отбывалъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ и среди своихъ односельчанъ пользовался незавидной репутаціей.

«Политикъ онъ и конокрадь! А лихо ему портретъ-то!...» съ явнымъ одобреніемъ отзывались дружинники, дѣлаясь въ послѣдствіи своими впечатлѣніями.

Предстоящій поискъ, по данной мнѣ инструкціи, имѣлъ цѣлью удостовѣрить стоять ли еще урянхайскіе караулы на устьѣ Кемчика вблизи пограничнаго знака № 24 и по рѣкѣ Ургуни. Караулы было приказано снять, а мирно кочующихъ сойотъ не трогать; затѣмъ отрядъ, въ составѣ команды и дружины, долженъ былъ вернуться обратно въ Усть-Усинское.

Веденіе дипломатическихъ переговоровъ пока затормозилось, въ виду неприбытія изъ Улясутая представителя китайскихъ властей. Въ высшихъ сферахъ считали, что только при содѣйствіи Улясутайскаго дзянь-дзюня, получившаго непосредственныя директивы изъ Пекина, удастся уладить непріятный инцидентъ. Тайны дипломатіи непостижимы.

Но такъ какъ и самого Ухериду Хейдубу нельзя было считать «quantité negligible», а при извѣстной двуличности китайскихъ властей отъ нихъ можно было ожидать не суровыхъ репрессій, а скорѣе тайной поддержки зазнавашагося князя, то рѣшеніе полковника П. расширить раіонъ дѣйствій отряда нужно признать весьма цѣлесообразнымъ.

Развѣдчики двинулись въ авангардѣ, дружинники составляли главные силы. Размашистымъ, гимнастическимъ шагомъ шли солдаты, безъ приваловъ и передышекъ: «пускай чувствуютъ челдоны!».

Какъ ни старались бѣдные дружинники, но угнаться за развѣдчиками было имъ не вмоготу. Согнувшись подъ тяжестью берданки, скользя въ своихъ бродняхъ по торосу, они скоро выбились изъ силъ. Колонна растянулась на нѣсколько верстъ.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, ледяныя снѣжинки залѣпляли глаза, наростали сосульками на усахъ и бородѣ.

Въ часъ дня былъ сдѣланъ приваль. Идущіе въ головѣ дозоры достали изъ вещевыхъ мѣшковъ куски бересты, навалили груды сухостоя и мигомъ запыхалъ гигантскій костеръ. На приваль напились чаю, пожевали сухарей.

Понемногу стали подтягиваться отсталые. Развѣдчики надъ ними подтрунивали: «Эй, вы, Аники-воины, пошевеливай броднями! Какъ разъ къ кипяточку поспѣли!»

Сконфуженные милиціонеры подползали къ пылающему костру, доставали изъ-за пазухи деревянныя чашки, стараясь отогрѣться чаемъ и отдохнуть послѣ непривычнаго перехода. Въ котомкахъ, уложенныхъ заботливыми хозяйками, оказались изрядные запасы всякой домашней снѣди—сдобные сухари, шаньги, вяленое мясо, сало.

Только къ ночи, сдѣлавъ около 30 верстъ, отрядъ подошелъ къ устью Большой Урги. вмѣсто стоявшаго здѣсь когда-то зимовья, мы нашли только срубъ безъ крыши, безъ оконъ и дверей—вся обстановка зимовья оказалась расхищенной урянхами. Уцѣлѣли только нары вокругъ стѣны, да каменная кладка, на которой стояла желѣзная печка. Огонь пришлось развести прямо на полу. Бѣдный дымъ наполнилъ все помѣщеніе. На нарахъ нельзя было размѣститься всѣмъ людямъ. О снѣ нельзя было и думать. Я рѣшилъ продолжать движеніе, разбивъ отрядъ на двѣ части; унтеръ-офицеръ Васильевъ съ 15 развѣдчиками и 10 наиболѣе выносливыхъ дружинниковъ были направлены дальше по Енисею, съ тѣмъ, чтобы дойти до устья Кемчика и возстановить рарушенный пограничный знакъ № 24.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было приказано представить мнѣ кроки урочища. Я съ остальными людьми взялъ на себя болѣе трудную часть маршрута—подняться по ущелью рѣчки Ургуни до тропы въ верховьяхъ Куликема, гдѣ предполагались сторожевые посты урян-

ховъ. На зимовьѣ былъ оставленъ развѣдчикъ, съ приказаніемъ собрать отсталыхъ, дать имъ отдыхъ и ждать нашего возвращенія.

Бъ полуночи утихъ вѣтеръ. Мрачными причудливыми тѣнями стояли береговые утесы, неясно бѣлѣла широкая полоса Енисея и звѣзды казались необычно крупными и яркими, какъ будто видишь ихъ со дна глубокаго колодца. Люди шли понуро, безъ разговоровъ; изрѣдка вспыхивали красные огоньки цыгарокъ.

Стало свѣтать. Точно зарево пожара охватило зубцы горъ; яркими фіолетовыми тонами засвѣтились, загорѣлись края тучъ. А въ низинахъ заколебался туманъ, рѣдѣя и расплываясь почти на глазахъ, обнажаетъ камни, скалы и выступы береговыхъ громадъ. Теперь легче ориентироваться; виднѣется наѣзженный слѣдъ дороги. На этомъ участкѣ Енисея почти нѣтъ торося. Кое-гдѣ изъ подъ ледяного покрова торчатъ громадныя гранитныя утесы—это верхушки каменистыхъ острововъ, объ которыя въ лѣтнюю пору часто разбиваются плоты минусинскихъ торговцевъ.

«Козлы, ваше б-діе!» неистово закричали вдругъ развѣдчики. Выстрѣлъ—другой, затрещала частая стрѣльба и ожили молчаливые великаны, словно перекликаясь между собой, загудѣли, загремѣли рокочущими отголосками.

А вспугнутые нами невзначай, очевидно во время водопоя, джимы уже понеслись вверхъ смѣлыми граціозными прыжками, высоко подгибая ноги и откинувъ назадъ голову съ красиво закругленными рогами.

Протяжными свистками я успѣлъ прекратить стрѣльбу. Все стихло, но еще въ глубинѣ горной щели замирали послѣдніе раскаты отголоска.

Джимы были теперь отъ насъ уже на далекомъ разстояніи. Нѣсколькими безумными скачками преодолѣвъ камни береговыхъ утесовъ, они помчались дальше, цѣпляясь стальными ногами за невидимыя карнизы обрывистой горы. «Прицѣль 14! Пальба взводомъ! Взводъ!»

Опять ожили, затряслись каменные громады. Но и чистый выдержанный залпъ не далъ никакихъ результатовъ. Исчезли джимы за гребнемъ горы, увѣнчанной щетиной красноствольныхъ сосенъ. И мнѣ показалось, что старый козель-вожакъ остановился на мгновение и, потрясая бородой, взглянулъ съ усмѣшкой на насъ, стрѣлковъ, воспитанныхъ на казарменныхъ станкахъ и деревянныхъ мишеняхъ.

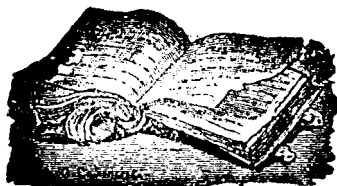
Отъ трескотни выстрѣловъ, запаха порохового дыму, люди сразу ожили. Пропало сонливое настроеніе. Заговорили дружинники:

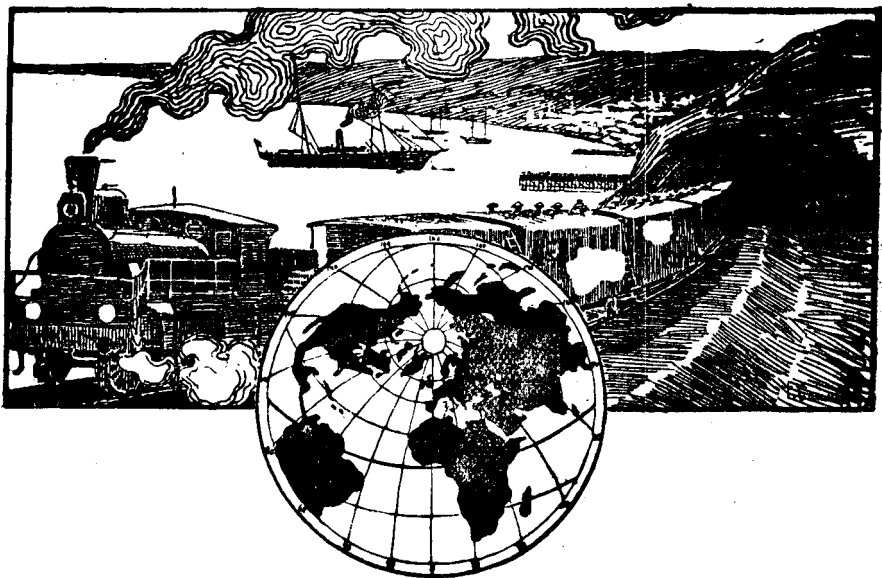
«Ходить-то вы мастера, а стрѣлки—по прозванью только! На сто шаговъ звѣря промазали! Ужъ мы бы маху не дали, даромъ что у насъ Бердана!»

Задѣтые за живое, развѣдчики увѣряли, что собственными глазами видѣли, какъ «два разъ перевернулся козель», да пуля у насъ такая, несмертельная, съ ней хоть до перевязочнаго пункта доскачешь.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки горной Бухары.

(Окончаніе) ¹⁾.

Глава X.

Рѣка Канязь.—Попугай.—Русталбестъ.—Молитва.

о впаденія рѣки Канязь въ Сорбо мы ѣхали вмѣстѣ съ симпатичнымъ капитаномъ П.

Цѣлый рядъ горныхъ ручьевъ съ шумомъ несъ свои воды съ высокихъ горъ, впадая въ Сорбо, но болѣе крупными рѣками являлись впадавшія—справа Сорбухъ и слѣва Канязь.

Древесная растительность придавала живописный видъ окрестностямъ, а небольшой кишлакъ Сорбухъ-Дагана красиво вырисовывался на высотѣ.

— Неужели, тюра, хочеть дойти до того мѣста, гдѣ начинается вода Сорбухъ, падающая съ горъ? Наши люди говорятъ, что туда

¹⁾ «Военный Сборникъ», № 4.

дорога очень плохая и выше кишлака Ханако и Деги-Куна ходятъ лишь одни мергени ²⁾, да пастухи со своими стадами.

— Навѣрное Ша объ этомъ не знаетъ, а я въ нашихъ книгахъ читалъ, что и выше есть хорошая дорога и мосты.

— Видишь ли, тюра, я самъ тамъ не былъ, но лишь слышалъ, что это такъ, а если ты прикажешь, то мы поправимъ дорогу. Теперь лишь перейдемъ черезъ рѣчки къ кишлаку Деги-Куна, а тамъ уже возьмемъ человѣка, ходившаго выше по рѣкѣ.

Красивое ущелье, покрытое огромною растительностью, представляло собою картину лѣсной глуши и полного безлюдья. Мощныя деревья орѣха, развѣсистыя ивы, а выше небольшія куртины березъ разнообразили дикій видъ этой глуши, скрытой на днѣ глубокаго ущелья съ отвѣсными известковыми стѣнами. Масса воды сбѣгала по дну, и рѣка шумѣла все сильнѣе и сильнѣе къ вечеру. Густыя заросли жимолости, боярышника, клена и арчи создавали трудно проходимую чащу.

Перейдя черезъ рѣчки Куна-Дарья и Тыръ-Соръ, тропа перебрасывалась чрезъ зыбкій мостъ на правый берегъ Сорбо, проходя мимо узкаго мрачнаго ущелья.

— Пожалуй, намъ пора останавливаться на ночлегъ—и это закрытое со всѣхъ сторонъ мѣсто будетъ какъ разъ для того подходящимъ, обратилъ капитанъ мое вниманіе на ущелье, чернѣвшее съ правой стороны, втянувшись въ которое и выбравъ себѣ ровную площадку, мы остановились, начавъ устраивать свой бивакъ.

Ровная площадка у подножія отвѣсной скалы, окруженная большими камнями, защищавшими отъ вѣтра, давала возможность очень сносно устроиться на ночь, разведя костеръ.

Мрачное ущелье темнѣло за нами и ночныя тѣни, закрывая его, не давали возможности сдѣлать осмотръ. Ночь наступила быстро. Звѣзды загорѣлись въ вышинѣ. Огонь костра, падая на стѣны ущелья, придавалъ особенно красивый видъ, освѣщая ближайшія скалы въ то время, какъ даль вся тонула въ густомъ мракѣ.

Двѣ лисицы, привлеченныя запахомъ мяса, появились около ближайшихъ камней и, красиво вытянувъ пушистые хвосты и настороживъ уши, на минуту дали намъ возможность полюбоваться на этихъ красивыхъ звѣрковъ, моментально затѣмъ скрывшихся въ темнотѣ, откуда будто огоньки заблестѣли фосфоресцирующимъ голубымъ свѣтомъ ихъ глаза.

²⁾ Мергенъ—охотникъ.

Тяжелые кеклики взлетали съ камней и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, я уже былъ весь нагруженъ этою тяжелою добычею.

— Хорошее ружье, тюра, одобрилъ мергень. — А мы больше ловимъ этихъ птицъ силками. Потомъ выбираемъ самыхъ сильныхъ и бои устраиваемъ. Чьи кеклики сильнѣе — тотъ и выигрываетъ. А всѣ люди собираются. У кого хорошій боецъ — много можетъ пользы своему хозяину принести, и тогда такая птица дорого стоитъ. У меня одинъ разъ былъ хорошій кекликъ, я его на барана промѣнялъ. Бай изъ Дюшамбе его взялъ и очень доволенъ остался.

Тяжело, съ громкимъ крикомъ, порою поднимались стада куропатокъ и съ рѣзкимъ шумомъ крыльевъ перелетали на другое мѣсто выше по склону горъ.

Лисицы поражали своей смѣлостью, подпуская совсѣмъ близко, но при первомъ же движеніи исчезали за камнями.

Широкая и глубокая рѣка Ташъ-куватъ явилась при ея быстромъ теченіи значительной преградой, которую вбродъ перейти было невозможно и поэтому, надувъ гупсары, мы переправились черезъ нее и, держась берега Сорбо, поднимались все выше и выше, перейдя ручей Юганъ-дора; страшно уставшіе отъ ходьбы, наконецъ, добрались мы до мѣста слиянія рѣкъ Суббаша и Чапъ-дора, которыя образуютъ рѣку Сорбо.

— Выше, тюра, ходить трудно. Лучше назадъ вернуться. Кому очень надо, такъ можно лѣтомъ пройти по рѣкѣ Суббашъ до перевала Суббаша, а потомъ черезъ перевалъ Борзенги спуститься на русскую сторону въ Ягнобъ. Зимой же дороги не бываетъ, да и теперь вездѣ уже снѣгу очень много выпало и въ ущельяхъ и на перевалахъ. Если тюра разрѣшить — здѣсь мы совершимъ намазъ и возвратимся обратно къ нашимъ лошадямъ.

Получивъ мое согласіе, старикъ снялъ съ себя халатъ и разостлалъ его на землѣ. Затѣмъ подошелъ къ рѣкѣ и долго плескался чистою ледяною водою, омывая всѣ части своего тѣла; окончивъ же омовеніе, поставилъ свои сапоги около воды, сталъ на разостланный халатъ, поднялъ обѣ руки кверху, приложилъ большіе пальцы къ отверстиямъ ушей и громко, нараспѣвъ, сталъ читать слова молитвы:

«Аллахъ-Акбаръ-Такбири-Тохрима—Великъ Аллахъ. Самигъ-Алла-лимянь-хамидъ—Аллахъ слышитъ того, кто его славить», слышался красивый вдохновенный голосъ старика.

Эта торжественная молитва Творцу среди пустынныхъ горъ,

подъ рокоть падающей воды, производила трогательное впечатлѣніе. Одинъ за другимъ стали и остальные мусульмане на молитву, а мы невольно замолкли и мысленно вспомнили Того, Кто создалъ весь этотъ дивный міръ и Кого славятъ всѣ люди, каждый по своему обычаю.

Вершины горъ были покрыты снѣгомъ, и снѣжинки спускались въ ущелья, а ниже снѣговъ виднѣлась изумрудно-зеленая травяная растительность, создававшая красивый контрастъ своею яркою окраскою съ сѣрыми гранитными горами и бѣлою пеленою снѣговъ.

Проведя нѣсколько дней, охотясь на горныхъ козловъ и постепенно спускаясь обратно внизъ по теченію Сорбо, но на этотъ разъ по горнымъ хребтамъ, я имѣлъ возможность съ высотъ видѣть рѣчные долины, любясь огромными снѣжными вершинами Гиссарскаго хребта, виднѣвшимися на горизонтѣ.

Каждый часъ измѣненія въ освѣщеніи горъ солнцемъ придавали имъ новыя красоты, и среди этой горной страны какъ-то неинтересны казались равнины, разстлавшіяся къ западу, а горцы, рѣдко встрѣчавшіеся съ русскими, вначалѣ замкнутые, суровые и неразговорчивые, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства превращались въ простодушныхъ большихъ дѣтей, задававшихъ пытливые вопросы и интересовавшихся каждою мелочью въ жизни жителей русскихъ городовъ.

Сколько радости доставляла подаренная полуфунтовая жестянка отъ чая, перочинный ножикъ или зажигательное стекло! И какъ жаль, что этотъ трудолюбивый, честный, неиспорченный народъ не поставленъ въ лучшія условія существованія.

О великой Россіи, Ташкентѣ, даже объ эмирѣ бухарскомъ большинство никогда не слыхало и лишь богатые люди, побывавшіе въ Каферниганѣ, имѣютъ о первой смутное понятіе, какъ о какой-то далекой грозной силѣ, которой подчиняются даже урусы, тѣ самыя урусы, которыхъ такъ боится самъ каферниганскій всесильный амлякдаръ; имя же эмира не производило особаго впечатлѣнія, и надо думать, что большинство считало гиссарскаго бека сильнѣе, выше и могущественнѣе его.

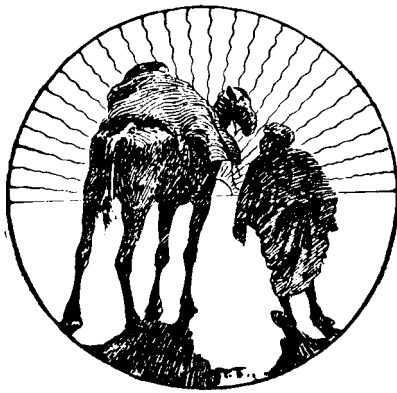
Добравшись снова до кишлака, я долго отдыхалъ, собираясь проѣхать дальше вверхъ по теченію рѣки Сорда-и-міона, впадающей въ Раумить-Дарью съ сѣвера.

Звуки туземныхъ инструментовъ, исполнявшихъ какую-то мелодію, доставили большое удовольствіе подъ вечеръ, который весь прошелъ въ разспросахъ о жизни и обычаяхъ горцевъ.

Заря уже догорала, а вмѣстѣ съ окончаніемъ дня замирала жизнь въ кишлакѣ, который погружался въ безмолвіе, и эта тишина среди горъ вызывала особенное настроеніе.

Но усталость брала свое и, налюбовавшись на окрестности, залитыя луннымъ свѣтомъ, приходилось слѣдовать общему примѣру и устраиваться на отдыхъ.

Д. Логофетъ.

Б ы л о е .

(Окончаніе 1).

Кѣ нами долженъ былъ идти одинъ наемщикъ-казакъ (въ то время и таковыя были), 65 лѣтній старикъ. Командиръ полка (Петръ Васильевичъ Дмитровъ) просилъ окружающаго замѣнить этого старца кѣмъ-нибудь помоложе. Красновъ не согласился: старикъ двухъ молодыхъ стоитъ!... Такъ и пошли съ нимъ.

Помню, много рассказывалъ генералъ про войну съ французами, про свою службу въ л.-гв. Казачьемъ полку.

— Народъ тогда былъ не нынѣшній: 14-ти вершковъ, какъ будто съ придурью!... Приказанія исполнялись свято, говорилъ ветеранъ. — Уставовъ у насъ тогда не было, и по строевой части мы

1) См. «Военный Сборникъ» № 4.

многое перенимали у кавалеріи. Когда уходили изъ Парижа, завели трубачей, выучили сигналы. Въ армейскихъ полкахъ тоже появились трубы. Мотивы сигналовъ приурочивали къ какой-нибудь подходящей пѣснѣ: *переправа*—на мотивъ пѣсни «Какъ и по мосту, мосту по калиновому»; *отступленіе*—«Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ» и т. д.

Мы тронулись. Предстояло пройти 2 тысячи верстъ, въ лѣтніе мѣсяцы. Выступили въ маѣ.

Приварочный окладъ былъ грошевый: 1½—2 коп. на чело-вѣка. Питайся, какъ хочешь. Казаки изъ дома запасались саломъ, бурсаками, сушеной рыбой; все это ссыпалось въ однѣ сумы на нѣсколько чело-вѣкъ станичниковъ, почему и казаки эти всю жизнь потомъ называли одинъ другого *односумомъ*. Сумы эти клались на вьючныхъ лошадей, которыхъ полагалось по одной на десять каза-ковъ.

Повторяю, походъ былъ трудный особенно потому, что онъ производился въ лѣтнее время. Сколько страдало народа отъ питьевой воды!... Желудочныя заболѣванія выводили изъ строя каждый день по десятку чело-вѣкъ.

Маршруты были одни и тѣ же: въ Польшу—черезъ Кіевъ и Житомиръ, въ Западный край—черезъ Харьковъ, Гомель и Бобруйскъ.

До сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, кото-рое вызывали квитанціи о благополучномъ квартирваніи. Какой-нибудь жидишка, глумясь надъ офицеромъ, не даетъ бумажки, пока не заплатишь ему за пѣтуха, котораго у него не было и котораго у него «скушали» казаки. Останавливается сотня, задерживается полкъ изъ за этого. И мы стоимъ, добиваясь правды съ одной сто-роны и прося квитанцію съ другой, подъ страшнымъ солнцепе-комъ... Не знаю, какъ этотъ вопросъ теперь обстоитъ въ войскахъ, но въ наше время онъ вносилъ въ настроеніе полка столько раздра-женія, недовольства!

Вотъ перешли мы граицу Черниговской губерніи. Запахло пожарнымъ дымомъ... Да и огоньки кое-гдѣ видали. Грѣшили на поляковъ.

Поляки, особенно помѣщики, къ намъ присматривались съ большимъ вниманіемъ. Имъ хотѣлось вывѣдать, распросить про наше настроеніе, отношеніе къ нимъ, какія были инструкціи у насъ и пр.

На послѣдней передѣ Слуцкомъ остановкѣ, около Стодола, мнѣ отвели квартиру по близости отъ барскаго дома. Я любилъ своего коня и много занимался съ нимъ, заставляя его продѣлывать различныя упражненія: сидѣть на заднихъ ногахъ, поочередно поднимать ихъ, вытягиваться...

Я и не замѣтилъ, что за «трюками» лошади съ балкона слѣдилъ самъ помѣщикъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сразу сталъ просить уступить ему коня за 200 рублей—деньги по тому времени огромныя. Отказалъ. Послѣдовала вторая просьба, третья... Съ необычайной ловкостью перебѣгая съ коня на казака, а съ казака на станицу, онъ все время искалъ прямого отвѣта на беспокоившую его тему о настроеніи Дона. Подошло еще нѣсколько человѣкъ.

Нужно сказать, что я былъ адъютантомъ полка и въ моихъ рукахъ могли быть свѣдѣнія и необычнаго характера. Но молодость совершенно закрывала глаза передъ любезностью пожилыхъ и саванитыхъ поляковъ и возможно, говорю это въ назиданіе грядущему поколѣнію, что кое-гдѣ у меня проскочила невольная, но излишняя откровенность.

Къ сожалѣнію, я былъ тогда менѣе прозорливъ, чѣмъ теперь, и не задумывался надъ тѣмъ, что слѣдуетъ послѣ первой откровенности.

Въ Слуцкѣ мнѣ отвели квартиру за городомъ, верстахъ въ двухъ, на фольваркѣ у какого то помѣщика. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы подобная распланировка исходила не отъ нашихъ квартиреровъ, а отъ того же поляка-помѣщика, который только что покупалъ у меня коня.

Не успѣлъ умыться, какъ къ фольварку стали подъѣзжать паны съ паненками. Пригласили и меня. Вхожу въ столовую — сидятъ человѣкъ 7-8 поляковъ и среди нихъ вчерашній знакомый. Оказалось, что всѣ они *родственники* хозяина.

Передъ обѣдомъ выпили старую «литэвку» — по единой, по другой, по тшечей... идутъ прибаутки: домъ о 4-хъ углахъ, а залъ о 5 окнахъ... Пьемъ.

Сѣли за обѣдъ. Подали доброе пиво, каву... Все время идетъ разговоръ. Паненки смѣются, что я такъ мало пью, чуть не вровень съ ними. Осторожно, какъ теперь помню, хозяишъ бьетъ по моему самолюбію, какъ казака: «вѣдь вы, казаки, должны быть народомъ самостоятельнымъ, вольнымъ, а не рабами Россіи... Что мы, что вы — одинаково несчастны... Насъ угнетаютъ... Но если бы»...

Эге, думаю, вотъ такъ попалъ въ компанію... Нечего дѣлать, надо номеръ довести до конца.

Наступила темь. Я сталъ отказываться отъ угощеній и скоро ушелъ.

Какъ я былъ золъ на свою довѣрчивость къ людямъ и болтовню съ поляками! Я въ мельчайшихъ подробностяхъ сталъ возстанавливать весь разговоръ съ ними и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не убѣдилъ самого себя, что я государственной тайны не выдалъ, а слѣдовательно и не измѣнникъ.

Да, надо отдать должное ихъ умѣнью организовать развѣдку, не вызывая подозрѣній. Безусловно все, что служило матеріаломъ въ этихъ развѣдкахъ, ими отправлялось въ свой главный штабъ, гдѣ и «пришивалось» къ дѣлу возстанія.

Чѣмъ дальше мы подвигались въ нашемъ походѣ, тѣмъ отношеніе къ намъ поляковъ мѣнялось рѣзче. Жидки тянулись за ними.

12-го сентября мы пришли въ Августовъ.

Кромѣ явной холодности къ намъ, въ настроеніи населенія нельзя было подмѣтить нотки предстоящаго возстанія. Правда, бросалось въ глаза необыкновенное многолюдство, продолжительность и торжественность службы въ костелѣ. Но это насъ не касалось. Министерство внутреннихъ дѣлъ возложило это наблюденіе на жандармскаго ротмистра Бодыховскаго. Что онъ доносилъ, что писалъ—не знаю. Скажу, что «Боже, цось Польска» пѣлось свободно.

Сначала меня поражалъ всеобщій трауръ: польки ходили въ глубокомъ траурѣ съ переломленнымъ бѣлымъ крестомъ. Еврейки тоже. Наши жены пробовали вести въ костюмахъ свою линію, не надѣвать траура, но съ мѣста же стали подвергаться различнаго рода оскорбленіямъ: то имъ кричали «пся крэвь!», то плескали на платьѣ какою-то жидкостью, оставлявшею на немъ рѣзкіе слѣды. Пришлось и имъ облачиться во все черное.

Между тѣмъ нарастали событія. Поляки перемѣнили свое къ намъ отношеніе на враждебное.

Это совпало съ появленіемъ въ Августовскихъ лѣсахъ «Вавра». Говорили, что это польскій офицеръ, дравшійся въ польскихъ войскахъ въ 1831 году подъ Вавромъ, гдѣ былъ раненъ, а войска разбиты. Принявъ этотъ псевдонимъ, онъ мечталъ о мести. Его агенты развѣзжали по деревнямъ и бросали въ народъ искры мятежа.

Стали сформировываться банды. Пристанищемъ для Вавра былъ

Козій Рынокъ—мѣстность въ глухомъ, темномъ и огромномъ лѣсу; доступъ туда для незнакомаго съ деталями топографіи этого района былъ невозможенъ. Кругомъ болота, вязкій грунтъ.

Какія ни учинялись развѣдки, отыскать «Рынокъ» никакъ не могли.

Что мы знали о Ваврѣ? То, что намъ шептали услужливые за деньги жидки. И только. Говорили, что на рынокѣ идетъ усиленное обученіе стрѣльбѣ, но узнать хотя бы примѣрную цифру повстанцевъ мы не могли.

Въ городахъ, даже большихъ деревняхъ, стянулись войска. Пронесся слухъ, что на Козьемъ Рынкѣ банда растетъ, что и теперь тамъ численный перевѣсъ надъ нами... Чувствовалось, что этотъ слухъ породилъ у насъ не мало тревоги.

Въ Августовѣ собрался военный совѣтъ. Помню, присутствовалъ на немъ нашъ командиръ (полковникъ Дмитровъ), Симбирскаго пѣхотнаго полка подполковникъ князь Шаховской, того же полка капитанъ Аристовъ съ академическимъ значкомъ, ротные командиры и др.

Слово было предоставлено Аристову. Ученымъ языкомъ онъ нарисовалъ наше положеніе въ ужасныхъ краскахъ: «Мы раздроблены... У поляковъ формируются все новыя и новыя части, резервъ ихъ—все мѣстное населеніе, въ тайнѣ вооруженное... Мы пошлемъ на нихъ роты, они встрѣтятъ баталіонами; мы—баталіоны, они—выставятъ полки. Наше подкрѣпленіе далеко, а когда оно подойдетъ, мы будемъ отброшены за Нѣманъ...»

Настроеніе отъ этого совѣта у насъ было подавленное. Помилуйте: все на насъ и ничего за насъ!

Подобная же сумятица шла въ Сувалкахъ и другихъ городахъ. Чувствовалась растерянность, нервность...

Войска стали отбывать, оставляя въ городахъ инвалидныя части, да пограничную стражу. Впрочемъ, и ихъ не вездѣ было.

Насъ со штабомъ полка и обозомъ спѣшно потребовали въ Сувалки. Если въ Августовѣ была растерянность, то тутъ царила самая настоящая паника. Всѣхъ офицеровъ выселили за городъ, внутри остались начальственные «верхи», которые показывались на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи виднаго конвоя.

Удивительное совпаденіе: по мѣрѣ того какъ Августовская губернія, благодаря перетасовкамъ, бѣднѣла войсками, банды Вавра расли. Его агенты не знали понятной осторожности въ вербованіи

войскъ и совершенно безбоязненно сновали въ шляхтѣ для новаго набора. Страдали «хлопы»: ихъ чуть ли не силою отрывали отъ хозяйства. А на Рынкѣ—маневры, стрѣльба...

II.

Генераль задумался. Живой свидѣтель далекаго прошлаго сидѣлъ съ опущенной головою—онъ весь ушелъ въ ожившее передъ нимъ прошлое. Былое миновало... И этотъ чуть ли не столѣтній могиканъ, перенесшій тяжелые походы, лихолѣтья и суровую обстановку, начиная съ первыхъ дней школьной жизни, бередилъ это прошлое.

— Вѣдь то, что рассказываю теперь, очнулся старикъ, больше никогда не повторится. Авіаціонное дѣло, пустившее корни на Руси по доброму почину Отдѣла воздушнаго флота, въ которомъ, кстати сказать, одинъ нашъ почетный станичникъ убиваетъ не мало труда, конечно, сыграетъ роль летающихъ глазъ, отъ которыхъ ни на полянкѣ, ни за болотомъ въ лѣсной гущѣ не спрячешься... А тогда—все это было возможно.

Вернемся къ прежнему разговору.

Итакъ, судя по настроенію, нельзя сказать, чтобы мы относились спокойно къ событіямъ, которыя не замедлили разыграться въ самомъ непродолжительномъ времени.

Интересно то, что у насъ была тенденція всю обстановку подавить однимъ духомъ войскъ, готовыхъ растерзать непослушныхъ повстанцевъ, ихъ видомъ... До сихъ поръ мнѣ вспоминаются парады и смотры ген. Радена въ Сувалкахъ.

Дѣло не въ демонстраціи собственныхъ силъ, а въ тѣхъ рѣчахъ, которыя были обращены къ войскамъ въ присутствіи населенія: въ нихъ была угроза. А поляки слушали, да смѣялись.

На меня, въ то время молодого и впечатлительнаго, производили свое дѣйствіе и приказы. Они были написаны съ чисто Суворовскимъ мастерствомъ: «...стремительно въ штыки!... преслѣдовать до послѣдняго!... передъ боемъ дать по чаркѣ водки!...»

Вечернія отлучки воспрещались. По городу ходили усиленные патрули солдатъ и казаковъ. Спали, не раздѣваясь.

Лишь мы, молодежь, съ заходомъ солнышка, каждодневно забѣгали тайкомъ въ польскія «цукерни». Це знаю, возрастъ ли насъ

спаять или молодечество сильно жило въ каждомъ хорунжемъ, но встрѣчи за билліардомъ съ польскою молодежью намъ не представлялись страшными. Знакомство, за этотъ періодъ нашего пребыванія въ Сувалкахъ, какъ-то окрѣпло, въ немъ чувствовалась душа....

Не безъ значенія подтрунивали — мы надъ ними, они надъ нами.

— Скоро до лясу? обыкновенно спрашивалъ я, здороваясь съ ними.—Смотри, пане, не попадись мнѣ: да и угощу же тебя доброй нагайкой.

— Прошу пана тоже не подворачиваться: «и мы мамэ добры дубельтовки....»

Развѣдка продолжалась. Казаки уходили въ лѣсъ верстъ на 40, но вѣсти каждый разъ доставлялись успокоительныя: ничего не видать, ничего не слышать! Къ тому же и жидки успокаивали.

Скоро изъ Сувалокъ, по закону тасовокъ, насъ перевели обратно въ Августовъ. Въ Сувалкахъ остались: 2 баталіона симбирцевъ, 1 баталіонъ стрѣлковъ, Александрійскіе гусары, 2 батареи и сотня казаковъ (въ періодъ возстанія гарнизонъ значительно увеличился прибытіемъ частей гвардіи и гренадеръ).

Въ Августовѣ намъ сообщили, что поляки «посмѣлѣли» — на глазахъ войскъ производилась вербовка въ польскія банды. Даже чиновный классъ принужденъ былъ стать подъ ружье.

Настроеніе понижалось. А тутъ не было вѣры въ свое оружіе.

Въ мое время Донскіе полки снабжались патронами изъ окружающихъ (на Дону) парковъ, съ расчетомъ по 10 патроновъ на каждаго казака, *при выступленіи на службу. При возвращеніи съ послѣдней казаки должны были эти патроны сдать обратно въ парки.* Стрѣльбѣ не учили: помилуйте, какое тутъ обученіе, когда въ рукахъ было *собственное* кремневое ружье «красноложка» или «черноложка» (передѣланныя позже на пистонныя)!... Вотъ и стрѣлай во славу русскаго оружія!

Итакъ, каждый казакъ имѣлъ *свое* собственное, взятое изъ дома, ружье. Видъ и состояніе ихъ было ужасное. Дѣло доходило до того, что, изъ опасенія разрыва этого смертоноснаго оружія, казаки иногда боялись стрѣлять!... Закроетъ глаза, уткнется внизъ головою, да и спускаетъ курокъ: лети, любезная, куда хочешь!... Да и летѣла-то недалеко; круглыя пули ружье бросало шаговъ на 20—30. Вотъ почему у насъ не было вѣры въ огонь. Къ тому же и стрѣ-

лять мы не умѣли; это имѣетъ свое оправданіе. На обученіе стрѣльбѣ отпускатось 5 патроновъ и 3 пули на казака. Ими научи стрѣлять, ими же покажи и смотровую стрѣльбу. Развѣ это мыслимое дѣло?...

Про тѣ 10 патроновъ, что казаки захватили съ Дона, вы забудьте: они ихъ хранили, какъ рѣдкую неприкосновенность—вѣдь ихъ надо сдать!... Къ концу службы они превращались въ безформенную массу, тѣмъ болѣе, что они служили и для другой цѣли. Изстари на Дону существуетъ обычай, при возвращеніи въ свои станицы и хутора, стрѣлять холостыми патронами. Нуженъ порохъ на 5—6 выстрѣловъ. Щепоткой за щепоткой казаки доставали его изъ «неприкосновенныхъ» патроновъ, находившихся у нихъ въ патронташахъ, и отсыпали то въ жестяныя баночки, либо въ кожаныя сумочки. А чтобы начальственный глазъ это не усмотрѣлъ, убывль досыпали толченымъ углемъ. Вотъ какіе патроны хранились въ окружныхъ паркахъ!... Такіе получилъ и нашъ, 36-й полкъ, въ 62 году при выступленіи въ Западный край. Съ ними-то мы и должны были усмирять поляковъ....

Пришли въ Августовъ. Нашъ командиръ былъ назначенъ начальникомъ войскъ Августовскаго уѣзда, куда входили: баталіонъ симбирцевъ, Августовская инвалидная рота, 3 сотни нашего полка, пограничная стража Райгорода и Щучина; позже присоединились: баталіонъ стрѣлковъ, баталіонъ низовцевъ, 4 орудія и баталіонъ Малороссійскихъ гренадеръ.

1-я и 4-я сотня были откомандированы въ распоряженіе воинскаго начальника Ломжинскаго уѣзда, полк. Зайцева. По его указанію 4-я сотня расположилась въ м. Высоко-Мазовецкѣ, а 1-я осталась въ Ломжѣ. Командовалъ 4-й сотней опытный старый вояка, участникъ кавказскихъ дѣлъ, есауль Ерофѣй Ерофѣевичъ Павловъ. Разбросавъ сотню по-взводно, онъ сейчасъ же понялъ, какой козырь далъ въ руки повстанцевъ. Да и свѣдѣнія получались отъ евреевъ неутѣшительныя: по близости формировалась огромная банда поляковъ, которая рѣшила открыть военныя дѣйствія нападеніемъ на 4-ю сотню.

Павловъ стянулъ всѣ взводы на дворъ кирпичнаго строенія посреди города, на площади. Лошадей поставили частью въ сараѣ, частью во дворѣ.

Развѣдка подтверждала тревожность имѣвшихся свѣдѣній, и онъ сейчасъ же написалъ два донесенія, совершенно однородныя—

въ полкъ и полк. Зайцеву: положеніе трудное, имѣются свѣдѣнія о нападеніи, дайте инструкцію.

Полкъ отвѣчалъ: вы состоите въ распоряженіи воинскаго начальника, къ нему и обращайтесь; а полковникъ Зайцевъ пишетъ, что ему надлежитъ обратиться за инструкціею къ командиру полка!... Вотъ и гадай, что надо дѣлать дальше!...

Такъ безъ указаній Павловъ и остался.

Между тѣмъ броженіе въ краѣ усилилось. Поляки ходили съ высоко поднятыми головами, давая понять, что у нихъ «все готово».

Если раньше мы могли еще предполагать, что броженіе уляжется, что до вооруженнаго столкновеніе дѣло не дойдетъ, теперь съ увѣренностью говорили, что надо быть готовымъ къ самой настоящей войнѣ. Передъ нами вставалъ вопросъ: какими-же патронами мы будемъ вести огонь?...

Я составилъ требовательную вѣдомость, въ которой полкъ просилъ отпустить *хотя бы учебные патроны*. Требованіе направили по командѣ—походному атаману, который долженъ былъ засвидѣтельствовать дѣйствительную нужду въ патронахъ. Разумѣется, въ это нервное время мы не придерживались бумажной формальности, а писали то, что вызывалось обстановкой, необходимостью. Однако, требованіе вернули, а мнѣ сдѣлали нахлобучку: не по формѣ составлено (дѣло было въ декабрѣ 62 года)!...

Часто упрекають, что нынѣ мы любимъ бумажку больше дѣла, но позвольте васъ отослать къ данному случаю: болѣзнь преемственная.

Пока мы составляли вѣдомость *по формѣ*, вспыхнуло возстаніе. Пришлось дѣйствовать «неприкосновенными» патронами. Впрочемъ, скоро намъ отпустили, безъ всякихъ бумажныхъ затрудненій, боевые—изъ артилерійскаго склада.

Вернемся къ Павлову.

Ему сообщили, евреи конечно, что 10-го января поляки произведутъ на его сотню нападеніе. Однако, 10-е прошло спокойно. Позже передавали, что начальникъ банды, изъ желанія влить въ подчиненныхъ побольше смѣлости, далъ имъ по чаркѣ водки, но дача эта оказалась недостаточною, границу перешли и всѣ перепились.

На слѣдующій день, поздно вечеромъ (а было темно), развѣздъ его сотни вплотную наткнулся на польскую кавалерію человекъ

въ 70. Развѣздъ состоялъ изъ 3 казаковъ. Началась погоня. Десятки поляковъ гнались за казаками.... Вотъ они у сотни. Зная, гдѣ ворота, они поворачиваютъ къ нимъ....

У воротъ стоялъ молодой казакъ. Передъ самымъ носомъ развѣзда онъ захлопнулъ ворота. Казаки едва успѣли соскочить съ лошадей и вбѣжать въ казарму, какъ поляки уже ловили казачьихъ коней—они-то и были первымъ трофеемъ повстанцевъ.

Въ сотнѣ поднялась тревога. Казаки бросились съ ружьями къ окнамъ, которыя превратились въ родъ бойницъ. Стѣны на площадь и самое строеніе были заняты сотней. Стали ждать осаду.

На площади стоялъ невообразимый шумъ, гамъ.

Вотъ подошла польская пѣхота... Требуютъ сдачи... Сыпятся ругань, угрозы.... Наконецъ раздается команда: «першій баталіонъ на штурму».

Летятъ разбитыя стекла, бьютъ косами рамы въ окнахъ. Началась стрѣльба. Казаки отвѣчали короткимъ огнемъ: патроновъ-то вѣдь было мало.

— Сдавайтесь!.. кричали поляки.—Сожжемъ васъ, если не сдадитесь!..

У насъ появились раненые. Къ общему шуму и гаму присоединились стоны казаковъ. Про настроеніе сотни и говорить нечего. Кругомъ огромная сила враговъ, враговъ Россіи, отрѣзавшихъ ихъ плотнымъ кольцомъ отъ внѣшняго міра; внутри—стоны раненыхъ, кровь....

Послышался какой-то стукъ бочекъ о землю, показался огонь, и все зданіе было объято со стороны площади пламенемъ. Нужно сказать, что около Высоко-Мазовецка были смолокурные заводы, и доставка смоляныхъ бочекъ не представляла большихъ затрудненій. Повалилъ дымъ—ѣдкій, густой. Къ счастью, вѣтерокъ слегка относилъ его въ сторону. Подъ прикрытіемъ перваго ряда бочекъ, поляки стали подкатывать голыми руками (а раньше косами) другія. Огонь сталъ донимать. Казарма уже давала трещины въ кирпичахъ и дерево кое-гдѣ загорѣлось.

Казаки никаки откатывали горящія бочки, кололи ими штурмующихъ, стрѣляли изъ ружей. Въ сотнѣ появились убитые. Штурмъ шелъ всю ночь.

Что думали казаки, какія думы гнѣздились у нихъ, одному Богу извѣстно. Надъ ними стояла вѣрная смерть.

Темная ночь. Крупной рысью я тронулся по составленному на спѣхъ маршруту, намѣреваясь пересѣчь дорогу фельдфебелю.

Идемъ полчаса, часъ, два... Наконецъ попадаетя корчма. Рѣшилъ сдѣлать малый привалъ: ужъ больно и люди, и лошади устали. Въдъ грунтъ тяжелый, да и аллюръ былъ порядочный.

Въ корчмѣ огонекъ. Заглядываю въ окошко, кто-то лежитъ на столѣ, на лавкѣ. Вхожу. Испугались: то были повстанцы, которые только что были ранены однимъ изъ развѣздовъ. Возмолились: «не берите насъ... насъ взяли силою подъ ружье къ Вавру... Теперь идемъ до дома!..» Бросили ихъ и направились дальше.

На разсвѣтѣ мы подошли къ небольшой деревушкѣ, гдѣ, по моему, мы могли застать рекрутъ. Съ большою осторожностью ее окружили. Ищемъ. Пусто: ушли! Забрали подводы и уѣхали! Мы за ними. Переменнымъ аллюромъ, но больше наметомъ, я проскакалъ версть 20. Встрѣчается длинная колонна порожнихъ подводъ. Спрашиваю: откуда? Рекрутъ, говорятъ, отвозили; вчера высадили ихъ на дорогѣ, свернули въ лѣсъ... шайка человекъ въ 200.

Былъ полдень. Настигнуть ихъ для меня казалось дѣломъ невозможнымъ, и я повернулъ въ Августовъ напрямикъ. Дорога шла черезъ фольваркъ съ пивнымъ заводомъ. Тамъ я и сталъ на отдыхъ.

Помѣщика, по обыкновенію, дома не было. Управляющій встрѣчаетъ меня ласковыми рѣчами, но въ нихъ чувствую что-то извиняющееся. Вхожу въ домъ. Сразу натыкаюсь на тяжело раненаго повстанца. Около—сидитъ дама въ траурѣ, я заглянулъ въ лицо.

Показалось оно мнѣ больно знакомымъ. — Стипульковскій? спрашиваю. Дама качнула головою. Это былъ одинъ изъ моихъ Августовскихъ партнеровъ по билліарду, съ которымъ мы подтрунивали одинъ надъ другимъ.

Мать сквозь слезы рассказала, что уговорили его друзья поступить къ Вавру: молодой, сдѣлать это не трудно.... Онъ тайкомъ и бѣжалъ отъ матери. Ну, попался симбирцамъ, а тѣ пощупали его маленько штыками.

Помогли ему перевязками, лекарствами и поѣхали въ полкъ.

Повстанье какъ будто стихало. Къ осени, по крайней мѣрѣ, мы не находили повстанцевъ, хотя продолжали считать себя окруженными поляками.

Примѣрно къ этому времени относится назначеніе начальникомъ Августовскаго отдѣла генерала Якова Петровича Бакланова. Судьба вторично ставила меня въ его подчиненіе.

Мы воспрянули духомъ. Какъ-то не было вѣры у насъ въ другое начальство, и назначеніе такого человѣка, какъ Баклановъ, дѣлало цѣлую революцію въ нашемъ настроеніи. Какая цѣльная, могучая сила таилась въ немъ!

Помню, представляется ему (въ Сувалкахъ) гражданское начальство. Всѣ думали, что генераль преподастъ инструкцію для веденія дальнѣйшей борьбы, думали, что этотъ человѣкъ, пропитанный дымомъ пороха, выросшій во всю величину своего боевого таланта подъ громъ пушекъ и лязгъ шашечныхъ ударовъ, скажетъ, при мѣрно, такъ: «Поляки — враги. Не церемоньтесь!... Я ихъ буду истреблять огнемъ и мечомъ, а вы призовите всѣ свои силы на помощь въ этомъ мнѣ!...»

Какимъ холоднымъ ушатомъ воды упала на нихъ его краткая многозначительная рѣчь: «... Возстаніе окончилось. Счеты сведены и ихъ надо забыть для общей дружной и *мирной* работы...»

Особенно сильное слово онъ сказалъ намъ, военнымъ: «...Прошлага нѣтъ! Протянемте первыми руки дружбы полякамъ: они намъ, русскимъ, родственны... пожалѣемъ ихъ!... Возстанія нѣтъ!»

Это было первое слово мира во всѣ дни повстанья, это была яркая молнія въ густыхъ потемкахъ, въ которыхъ мы, озлобленные невидимостью крупныхъ силъ поляковъ, рыскали, искали и не находили ихъ. Она освѣтила намъ мирную сторону исхода повстанья: мы ее забыли. Насъ увлекла идея «разсѣять, уничтожить, спалить, вырвать съ корнемъ....»

И первый, кто заговорилъ въ *нужную* минуту на языкѣ души, былъ Баклановъ.

Я никогда не забуду сцены съ мѣстнымъ почтмейстеромъ: на другой день нашего представленія онъ пришелъ къ Бакланову съ жалобой на отказъ полкового начальства назначить конвой къ почтѣ — везли деньги.

— А на что тебѣ конвой? спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— Посылается много денегъ, боюсь, какъ бы не отбили....

— Кто?

— Повстанцы, ваше превосходительство.

— Ну, такъ знай: если отобьютъ твою почту, я прикажу повѣсить тебя на первомъ же фонарномъ столбѣ.

Повернулся и ушелъ. Почту не отбили.

Мода окружать себя конвоемъ при немъ отпала сама собою. Скоро по своемъ пріѣздѣ въ Сувалки онъ объѣзжалъ въ почтовой

«нетычанкѣ» свой отдѣлъ—безъ всякой стражи, имѣя на козлахъ георгіевскаго кавалера, урядника Талалаева.

— Поздравляю васъ съ окончаніемъ возстанія, обращался къ войскамъ Баклановъ.

Для него не было страха разтѣзжать по глухимъ дорожкамъ въ темномъ лѣсу на парѣ лошадей, съ однимъ урядникомъ на козлахъ.

Позже поляки сами говорили, что въ лѣсу повстанцы еще были, но Баклановъ вернулъ ихъ къ своимъ домамъ: онъ обезоружилъ ихъ словомъ.

Дорожные приключенія кончились, движеніе возстановилось; ясно было, что и признаки замиренія на лицо. Передавали, что Муравьеву тактика Бакланова не нравилась. Онъ былъ сторонникъ крутого возмездія, требовалъ, какъ говорится «жертвъ». А Баклановъ ихъ не давалъ. Скоро его отчислили.

Съ какимъ поклоненіемъ мы смотрѣли на Бакланова! Съ какимъ восторгомъ и любовью отзывались о немъ сослуживцы по Кавказу!... Какимъ простякомъ—доступнымъ и сердечнымъ—онъ былъ для всѣхъ, кто просился къ его сердцу!...

Необычайно суровый на видъ, страшный, рябой, огромнаго роста, съ нависшими на глаза бровями, Баклановъ совершенно не походилъ на свой внутренній обликъ. Учащаяся въ Питерѣ молодежь съ Дона сразу почувствовала силу его души и тянулась къ нему съ самыми разносторонними просьбами.

Да, вотъ они, самородки Дона! Вотъ они настоящіе труженики ратнаго дѣла: Власовъ, Ефремовъ, который неграмотнымъ казакомъ вышелъ изъ Гугнинской станицы на службу, а возвратился генераль-лейтенантомъ, грудь котораго была украшена не однимъ орденомъ за боевыя дѣла, которому Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выдавать жалованье по должности командира лейбъ-Казачьяго полка, когда уже онъ жилъ въ станицѣ... Сысоевъ, работавшій не шашкой, а страшною плетью, Красновъ Данила съ Георгіемъ на шеѣ—да ихъ и не перечтешь!

Какъ мало у насъ пишутъ про Донъ! А есть про что рассказать. У насъ столько своеобразнаго, отмѣннаго, гдѣ люди изъ одной станицы, сосѣди, идутъ на службу, несутъ ее—одинъ простымъ казакомъ, другой—его начальникомъ, и уживаются, да еще какъ?!... Кончилъ службу—и ты обращаешься въ простаго станичника съ его мелкими нуждишками, горемъ, заботой. И траву дѣлишь вмѣ-

стѣ со станицей, и землю дробишь, работаешь надъ ней, какъ простой смертный.

Одно воспоминаніе о станичной жизни нашихъ воякъ можетъ дать прекрасный матеріалъ для любителя старины.

Помню, въ наше далекое время (вѣдь теперь я живу прошлымъ) передавали такой случай про Краснова.

Любилъ онъ, живя въ станицѣ, рыбку поудить. Заберетъ удочки, наростъ червяковъ, да на весь день и пропадаетъ на водѣ.

Какъ-то слышитъ:

— Дѣдушка, а, дѣдушка!...

Красновъ поднялъ голову и видитъ на томъ берегу стоитъ офицеръ съ аксельбантами.

— Что, родимый?

— Перевези меня на тотъ берегъ!

— Што-же можно.. Удочки смотаю...

Подѣхалъ. На немъ была простая рубаха и казачьи брюки.

Офицеръ сѣлъ.

Опять заработали весла въ рукахъ старика.

Сходя на берегъ, офицеръ хлопая по плечу Краснова, сказалъ:

— Ну, спасибо, дѣдушка, что перевезъ. Да знай, что перевозилъ ты полковника генеральнаго штаба N (фамилію не помню).

А въ то время эти офицеры были въ большой рѣдкости.

— Хорошо, родимый. А коли спросятъ васъ, кто перевозилъ, скажите: генералъ Красновъ!

Тутъ только полковникъ узналъ героя Дона.

Краснѣя за свою неумѣстную кичливость, онъ хотѣлъ извиниться, хотѣлъ принести повинную, что не узналъ, но сумѣлъ лишь пролепетать: Ваше превосходительство!... Ваше...»

А Красновъ снова ушелъ въ свое дѣло.

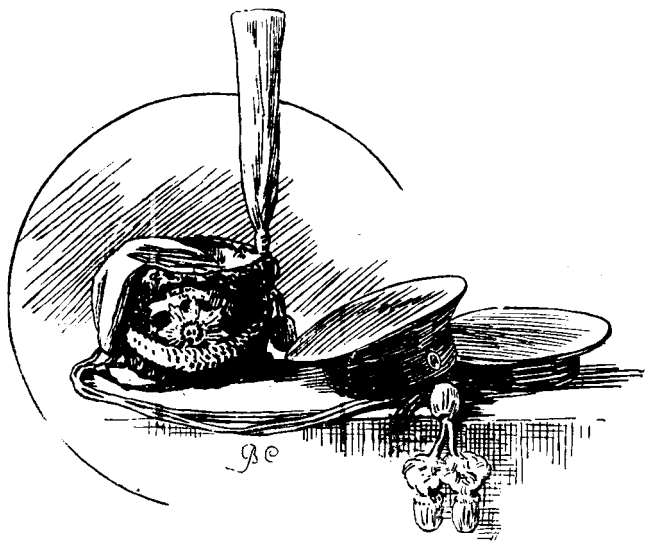
Вотъ какія были времена. Они не вернуться больше: теперь не поле дѣлаетъ людей, а школьная скамья. Раньше цензомъ на чины было безстрашіе, раны, бои, дѣла, въ которыхъ человекъ показывалъ себя... Раньше возможно было закончить образованіе, какъ это было съ Баклановымъ, у бабки Кудиновны, да у дьячка, а вернуться—на полѣ битвы...

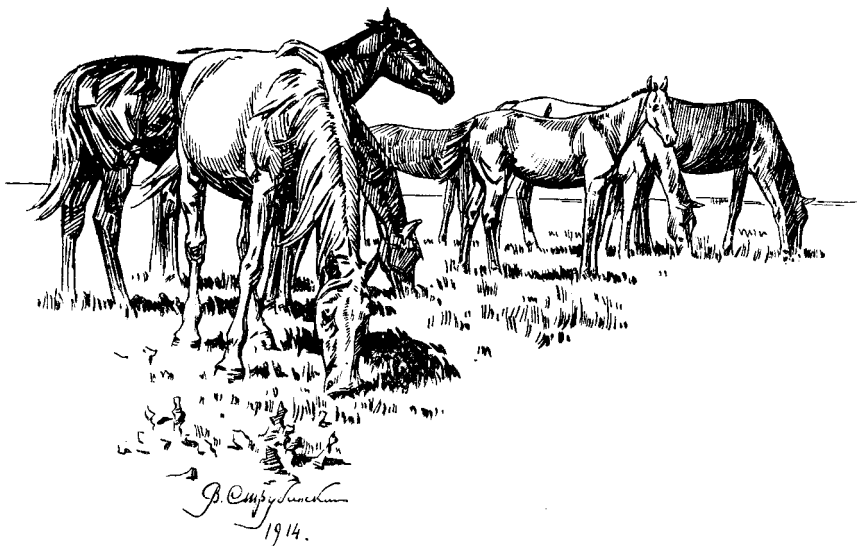
Теперь «Баклановыхъ» нѣтъ и *не будетъ!* Научный цензъ затернилъ дорогу простымъ самородкамъ. А они на Дону есть, да нечѣмъ пробивать дорогу дальше. Теперь и деньги—основа чиновъ!...

Старикъ задумался. Передо мной сидѣлъ помолодѣвшій воспоминаніями Александръ Дементьевичъ, который, казалось, продолжалъ листать свою многотомную книгу, полную интереса и содержанія. Листалъ бывшее...

И тихо всталъ и, попрощавшись, ушелъ.

Ж. Курмояровъ.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

(Разсказъ посвящается моему юному другу Э. Г.).

Врѣблѣжалась Пасха. Усиліями ранней и дружной весны, яркимъ солнышкомъ и во-время прошедшимъ дождемъ, создавалась особенно радостная и торжественная обстановка великаго праздника.

Снѣга давно уже не было и въ поминѣ, полая вода слила, кое-гдѣ мѣстами показалась травка и деревья уже распустили свои клейкія и душистыя почки. Веселые, радостные голоса уличныхъ мальчишекъ, слившіеся съ безпечнымъ чириканьемъ воробьевъ и уныло-торжественнымъ благовѣстомъ «къ плащаницѣ», настраивали на праздничный ладъ; чувствовалось что-то торжественное и важное, а главное—въ памяти каждаго взрослого все это вызывало то пріятное воспоминаніе дѣтства, которое никогда не забывается и не перестаетъ быть милымъ, какъ бы ни мудрила надъ нами жизнь, какія бы она ни преподносила намъ «пилюли» и разочарованія.

Передъ ликующей природой, передъ этимъ чарующимъ пробужденіемъ весны, слишкомъ ничтожны и мелочны наши житейскія дразги и неурядицы: лучше забыть ихъ, слиться съ природой во-едино и славословить Того, Кто такъ прекрасно и разумно создалъ вселенную.

Подобныя мысли всецѣло овладѣли поручикомъ В—ъ, который

вотъ уже два часа какъ безцѣльно бродилъ по улицѣ, увлекаемый потокомъ куда-то спѣшившихъ людей.

Ему было пріятно сознавать себя разумной частицей мірозда-нія. Сладостное ощущеніе—родъ нѣжной истомы—овладѣло имъ, и отъ природы мечтательная натура его всецѣло подчинилась нахлынувшему настроенію, заставивъ позабыть на-время всѣ свои черныя мысли.

Оставимъ на нѣкоторое время нашего героя; пусть онъ пре-дается своимъ мечтамъ. Пусть вмѣстѣ съ природой привѣтствуетъ онъ радость жизни, солнце и счастье!

А мы тѣмъ временемъ ближе познакомимся съ нимъ.

Александръ Михайловичъ В—ъ, молодой бѣлокурый офицеръ, средняго роста, съ большими привѣтливыми голубыми глазами, отъ природы робкій и застѣнчивый, въ особенности въ обществѣ женщинъ, съ перваго взгляда не производилъ никакого впечатлѣнія; но стоило заговорить съ нимъ, какъ являлось желаніе узнать его поближе: много въ немъ было непосредственного, прямого, открытаго, что, въ связи съ его нѣжнымъ чарующимъ голо-сомъ, привлекало къ нему симпатіи всѣхъ. По натурѣ наивный и увлекающійся, онъ временами напоминалъ ребенка, несмотря на свои 24 года.

Года четыре тому назадъ онъ окончилъ военное училище и пол-ный розовыхъ надеждъ пріѣхалъ въ Т., куда вышелъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Въ полку ему сначала все улыбалось: началь-ство любило его скромную дѣловитость, товарищи уважали...

Военная служба и въ частности роль младшаго офицера, гдѣ онъ поминутно соприкасался съ солдатами, съ этими большими дѣтьми, для него—еще въ сущности самого ребенка—была нова и интересна. Съ особымъ удовольствіемъ онъ разрѣшалъ животрепе-щущіе вопросы и любознательность наивныхъ обитателей казармы.

Ротный командиръ, добродушный сѣдоусый капитанъ К—о, не безъ нѣкоторой доли безобиднаго хохлацкаго юмора симпати-зировавшій благимъ начинаніямъ Александра Михайловича, от-крылъ для послѣдняго, что называется, «carte blanche», предоста-вивъ ему широкую свободу дѣйствій.

Поэтому, сейчасъ же по прибытіи въ роту, онъ со всѣмъ пы-ломъ юности горячо принялся за свою многотрудную дѣятельность офицера. По цѣлымъ часамъ онъ оставался въ казармахъ въ не-урочное время. Здѣсь, окруженный солдатами, онъ входилъ съ ними

въ тѣсное общеніе, знакомился съ ихъ нуждами, бытомъ, велъ съ ними бесѣды на разныя темы, вмѣстѣ съ ними разучивалъ хоровыя пѣсни, а по праздникамъ устраивалъ солдатскіе спектакли, привлекая сюда и нижнихъ чиновъ другахъ ротъ.

Такъ прошло три года.

Какъ вдругъ одно обстоятельство сильно измѣнило образъ дѣйствій молодого поручика. Онъ рѣже сталъ появляться въ казармахъ въ послѣслужебное время, сталъ болѣе задумчивымъ и еще глубже ушелъ въ себя, окончательно отмежевавшись отъ сверстниковъ-офицеровъ, съ которыми и прежде у него было очень мало общаго. О немъ начали говорить, что онъ готовится въ академію. Всезнающій балагуръ и острякъ подпоручикъ Вася П—й или по просту «Бобчикъ», какъ его въ шутку называли въ полку, говоря о В—ѣ, увѣрялъ, что «его благородіе вѣрзамшись» и страдаетъ отъ неудовлетворенной взаимности.

На самомъ же дѣлѣ картина была такова.

Къ Рождественскимъ праздникамъ В—ѣ собрался въ отпускъ къ своей матери, скромно живущей на пенсію въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Тамъ на балу въ мѣстномъ клубѣ онъ встрѣтился съ Ольгой Николаевной М—й, петербургской барышней, уже побывавшей на курсахъ и теперь мечтавшей поступить на сцену.

Красивая, стройная брюнетка, съ прической Кавальери и даже немного напоминающая эту артистку, чѣмъ она не скрывая гордилась, Ольга Николаевна сразу произвела на В—а чарующее впечатлѣніе; а ея кокетливая игривость и вниманіе къ нему, какъ единственному офицеру уѣзднаго городка, дополнили остальное: В—ѣ на первомъ же балу по уши влюбился въ М—ю.

Пылкая, мечтательная натура его, давъ полную волю своей фантазіи, приписывала новой знакомой небывалыя совершенства.

На слѣдующихъ вечерахъ въ томъ же неизмѣнномъ клубѣ онъ уже изопрядся въ своемъ краснорѣчій и, путемъ летучей почты, подготовлялъ почву будущаго объясненія.

Вскорѣ оно состоялось.

На новый годъ онъ познакомился съ ея родными, прогорѣвшими помѣщиками мѣстнаго уѣзда, прежде жившими въ столицѣ, а теперь вынужденными, за отсутствіемъ средствъ, переѣхать въ провинціальную глушь. Родители Ольги Николаевны и въ особенности ея мать, сухая и размалеванная по всѣмъ правиламъ косметики старуха, не понравились сначала В—у. Но пылъ его необычайной фантазіи вскорѣ превратилъ и эту желтую старушонку въ

модную львицу и grande dame, какой до сихъ поръ мвила себя Клеопатра Ильинична, причеиъ ииенемъ Клеопатры В—ъ. даже гордился, находя въ немъ нѣчто «царское и величественное».

Словомъ, нашъ Александръ Михайловичъ былъ на седьмомъ небѣ и во второе свое посѣщеніе М—ъ, уллучивъ удобный моментъ, сдѣлалъ предложеніе Ольгѣ. Послѣдняя легкимъ наклономъ головы поблагодарила его за честь и, прежде чѣмъ отвѣтить, попросила позволенія подумать и посовѣтоваться съ матерью.

Клеопатра Ильинична, когда это стало ей извѣстно, долго и внимательно смотрѣла на В—а черезъ лорнетъ, чѣмъ сильно смутила робкаго юношу. По брезгливой складкѣ ея губъ, образовавшейся послѣ ея безцеремоннаго осмотра, было нетрудно догадаться, что она недовольна: она находила его незавидной партией для своей дочери. Что же касается отца, то бѣдный Николай Ферапонтовичъ былъ существо безгласное; съ его мнѣніемъ не находили нужнымъ считаться. Будучи всецѣло подъ башмакомъ своей благовѣрной, онъ дѣлалъ все, что она прикажетъ. Въ данномъ же случаѣ Николай Ферапонтовичъ былъ доволенъ: уже давно его затаенной мечтою сдѣлалось «сбагрить», какъ онъ нѣсколько вульгарно выражался, свою Оленьку съ рукъ.

Какъ бы то ни было, однако, В—у сразу не отказали: отъ такого рискованнаго шага останавливали Клеопатру Ильиничну чисто практическія соображенія.

Въ самомъ дѣлѣ, выгодныхъ жениховъ не было, да и гдѣ ихъ найдешь по нынѣшнимъ временамъ, а пословица, что на безрыбѣ и ракъ—рыба, а на безлюдѣ и Оома—дворянинъ, была уже очевидно знакома Клеопатрѣ Ильиничнѣ, какъ достаточно вкусившей «познанія добра и зла»; и визиты В—а къ М—ъ продолжались.

Однажды, это было подъ вечеръ, сидѣли и болтали въ гостиной о городскихъ новостяхъ.

В—ъ, всегда до этого молчаливый и сосредоточенный, почему то былъ въ особенномъ ударѣ: онъ много шутилъ, острилъ и импровизировалъ.

Потомъ пришелъ братъ Ольги, гимназистъ 4-го класса Ваня; онъ принесъ отъ фотографа ея карточки. Нѣмецъ фотографъ Мейеръ оказался великимъ мастеромъ: своей прекрасной ретушевой и безъ того хорошенькую Ольгу онъ превратилъ въ настоящую красавицу.

Всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили Ваню и любовались фотографіей, каждый по своему.

Въ черномъ бархатномъ платѣ, съ гордымъ видомъ королевы, стояла Ольга во всеоружіи своихъ черныхъ обворожительныхъ глазъ.

«Звѣзда лучезарная, радость, счастье!» мысленно произносилъ В—ъ, не будучи въ состояніи оторваться втѣ карточки.

В—ъ никогда потомъ не могъ забыть этого момента и вообще всего этого «очаровательнаго», какъ онъ потомъ его называлъ, вечера.

— Ну, вы, поэтъ, рыцарь, что написали бы вы при видѣ этой карточки, дамъ вашего сердца? близко-близко приблизившись къ В—у, обратилась Ольга къ своему безмолвному обожателю.

В—ъ чувствовалъ на себѣ ея близкое и прерывистое дыханіе.

Какъ она была прекрасна въ эту минуту!...

В—ъ молча подошелъ къ миниатюрному письменному столику, взялъ перо и листъ, а черезъ минуту-двѣ, къ великому восхищенію всѣхъ, продекламировалъ слѣдующія строки:

„Эти искры глазъ лучистыхъ
 „Мнѣ покоя не давали,
 „Сколько слезъ горячихъ, чистыхъ
 „У меня онѣ порою вызывали!
 „Сколько радостей надежды
 „И тревогъ случайныхъ,
 „Но въ ея сердечныхъ тайнахъ
 „Я по прежнему невѣжда“.

— Bravo, bravo! Ай-да Александръ Михайловичъ, вотъ уважилъ! хлопая въ ладоши, восхищался Николай Ферапонтовичъ.

Клеопатра Ильинична тоже снисходительно улыбалась.

Вся послѣдующая сцена представлялась В—у какъ бы происшедшей въ какомъ то чаду: до того онъ былъ взволнованъ и пораженъ неожиданностью.

Быстрыми шагами вилотную подошла къ нему Ольга опять.

Немного раскраснѣвшаяся, восторженная и сіяющая, съ граціозной улыбкой легкаго кокетства положила она ему на плечо свою маленькую, изящную руку.

Нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу В—а. Ихъ глаза встрѣтились. Черные глаза гипнотизировали голубые. О, эту минуту никогда не забудетъ В—ъ! Какъ часто потомъ одно воспоминаніе о ней наполняло радостью все его существо и сразу отгоняло всѣ мрачныя мысли!... Эти минуты стоятъ вѣчности, имя имъ—счастье!

— Такъ не будьте же «невѣждой» и знайте: я люблю васъ, я ваша! отчетливо произнося каждое слово, промолвила Ольга.

Онъ судорожно сжалъ ея маленькую руку и сталъ безъ конца покрывать ея поцѣлуями.

Съ этого времени она стала замѣтно ласковѣе къ нему относиться:

Они много говорили о будущемъ. Ольга ему внушила мысль теперь же, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, засѣсть за книги и начать готовиться въ академію.

При наличіи его способностей и кое-какихъ связей, оставшихся еще у М—ъ въ Петербургѣ, Ольга, въ честолюбивыхъ замыслахъ своихъ, уже рисовала себѣ картину блестящей будущности своего супруга.

Клеопатру Ильиничну, хотя временами она и раздѣляла точку зрѣнія своей дочери, все же угнетала мысль о безденежьи и полной необезпеченности В—а.

— Жить на жалованье армейскаго офицера, фи! порой срывалось у нея неодобрительное выраженіе по поводу предстоящаго замужества дочери.

Но послѣдняя всегда умѣла во-время осадить свою маман: ея подчасъ прозрачныя намеки, въ которыхъ фигурировали *хорошіе* родители съ ихъ умньемъ давать приличное приданое своимъ дочерямъ, заставляли прикусить язычекъ расходившуюся Клеопатру Ильиничну, которая послѣ этого сразу умолкала и ехидно улыбалась, а иногда и попросту переводила разговоръ на другую тему.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Отпускъ В—а окончился и онъ уѣхалъ, напутствуемый хорошими пожеланіями и обѣщаніями Ольги много и часто писать.

Оль-Оль, какъ въ порывѣ нѣжности онъ ее величалъ, заимствовавъ вѣроятно это имя изъ Андреевскихъ «Дней нашей жизни», Оль-Оль первое время, правда открытками, но все же аккуратно отвѣчала на его восторженные и пламенные посланія. Затѣмъ все рѣже и рѣже стали приходиться открытки. Небрежный почеркъ, краткость и почти полное отсутствіе въ нихъ «нѣжнаго оттѣнка» доставляли не мало огорченій бѣдному Александру Михайловичу.

Къ этому присоединялось еще новое тревожное чувство—ревность, даже не ревность, а какая то тайная боязнь потерять любимую женщину.

Въ письмахъ матери въ послѣднее время къ тому же все чаще и чаще стало упоминаться имя нѣкоего Ш—а, пожилого и очень

богатаго ловеласа, собственный автомобиль котораго началъ частенько останавливаться у подъезда дома М—ъ. Разъ даже видѣли Ш—а, провожающаго Ольгу, идущимъ съ ней подъ-руку.

Обо всемъ этомъ добросовѣстно сообщала мать своему любимому сыну. Правда, не одобряя выбора сына (она не любила Ольгу и ея мать за ихъ надменность и чопорность), мать В—а втайнѣ радовалась, что ихъ дѣло разстраивается.

Вскорѣ по своемъ отъѣздѣ отъ матери, получилъ В—ъ и еще одно письмо анонимнаго автора, гдѣ среди всевозможныхъ вздорныхъ сплетенъ, окружавшихъ его имя и имя Ольги, послѣдняя выводилась въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Анонимный авторъ видимо сочувствовалъ Александру Михайловичу и предостерегалъ его отъ сѣтей «коварной жинщины»; какъ онъ именовалъ Ольгу Николаевну въ своемъ письмѣ.

Порвавъ въ клочки анонимку, В—ъ не придалъ ей никакого значенія и по прежнему ждалъ письма отъ Ольги.

Въ первыхъ числахъ марта Александръ Михайловичъ ѣздилъ на экзамены въ штабъ округа.

Передъ экзаменами, какъ манны небесной, тщетно ждалъ онъ писемъ отъ Ольги. Но ихъ не было.

Каждый день, около 4-хъ часовъ дня, когда обыкновенно мѣстный почталіонъ разносилъ по домамъ корреспонденцію, каждый день у параднаго входа сторожилъ В—ъ его приходъ. И каждый день получая однѣ только газеты, на его освѣдомленіе относительно писемъ, онъ слышалъ въ отвѣтъ одну и ту же почтительно-стереотипную фразу почталіона: «пишуть-съ»!

— Когда же, наконецъ, они напишутъ, чортъ возми? не выдержалъ однажды В—ъ.

— Этого мы не можемъ знать-съ, подобострастно хихикнувъ, отвѣтилъ почталіонъ.

Такъ, не дождавшись никакихъ извѣстій, онъ и уѣхалъ въ Москву на окружные экзамены. Тамъ, подъ впечатлѣніемъ экзаменаціонной обстановки, нервы его еще болѣе взвинтились. Въ особенности онъ сильно волновался во время второго экзамена по тактической задачѣ.

Экзамены происходили въ помѣщеніи военнаго училища и по какой то причинѣ затянулись довольно долго. Во время работы стемнѣло, а электричество, которымъ помѣщеніе освѣщалось, почему то загло не сразу.

Экзаменующіеся офицеры, въ томъ числѣ и В—ъ, не закончившіе въ срокъ работу, просили прибавить $\frac{1}{2}$ часа времени вынужденной темноты къ тѣмъ 4-мъ часамъ, которые полагались на срочную работу. Наблюдающій за экзаменами полковникъ генеральнаго штаба, которому, видимо, порядкомъ таки надоѣла неблагодарная роль молчаливаго педагога, не соглашался. Еле-еле его удалось уговорить.

Остальные экзамены прошли безъ инцидентовъ.

Изъ 4-хъ темъ, предложенныхъ по русскому языку, В—ъ остановился на «Раскольниковъ» Достоевскаго. Онъ нарочно, бравируя своими знаніями литературы и прекраснымъ слогомъ, выбралъ эту наитруднѣйшую литературно-философскую тему.

Экзамень по верховой ѣздѣ, котораго такъ боялся В—ъ и который въ сущности свелся къ «кукольной комедіи», какъ его въ шутку называли присутствующіе здѣсь и освобожденные отъ экзамена кавалеристы, также прошелъ благополучно.

Оставалось ждать объявленія результатовъ: это неопредѣленное состояніе длится обыкновенно мѣсяца полтора, пока комиссія профессоровъ академіи, куда отправляются всѣ работы, не наложитъ на нихъ свое рѣшеніе.

Чтобы поскорѣе его узнать, В—ъ написалъ своему однополчанину Р—у, уже поступившему въ прошломъ году въ академію, письмо съ просьбой телеграфировать результаты, какъ только они будутъ объявлены.

Каждый день, возвратясь съ экзаменовъ, аккуратно и подробно описывалъ онъ своей возлюбленной всѣ свои экзаменаціонныя переживанія, планы и надежды.

Ольга молчала по-прежнему.

Возвратясь въ штабъ полка, В—ъ засталъ тамъ письмо отъ матери. Послѣдняя, между прочими новостями, писала: «а у насъ стали усиленно поговаривать о скоромъ обрученіи Оленьки съ Ш—ъ: вчера казначейша, Марія Ивановна, слышала это отъ папды нашей приходской церкви».

«Ну, да и то сказать», спѣшила она тутъ же въ письмѣ утѣшить своего сына: «что съ насъ возьмешь—провинція? Провинція: нельзя слова сказать, чтобы не вывели какого заключенія. Никто, какъ Богъ!» неизмѣнно заключала она.

На просьбу сына узнать все непосредственно отъ самихъ М—ъ, она отвѣчала уклончиво, ссылаясь на свое нездоровье.

Наконецъ, казалось, счастье улыбнулось В—у: онъ получилъ столь ожидаемое письмо. Но не радость и успокоеніе, а новый разладъ внесло оно въ его и безъ того тревожныя мысли.

Ольга, въ отвѣтъ на адресованные ей упреки, сухо и иронически заявляла, что, чтобы дѣлать кому-либо упреки, нужно прежде всего имѣть на это право и поводъ, и, если *и*. В—з этого права еще не получилъ *официально*, то она рекомендуетъ ему впредь въ своихъ словахъ быть болѣе осторожнымъ.

«Что же касается частыхъ посѣщеній г. Ш—а», писала Ольга въ своемъ письмѣ, «то нашъ домъ, какъ это вамъ извѣстно, былъ всегда открытъ для достойныхъ и порядочныхъ людей, къ кругу которыхъ принадлежитъ m-ieur Ш—ъ. Было бы лучше, если бы вы, вмѣсто собиранія вздорныхъ сплетенъ, занимались дѣломъ.

Васъ никто не желалъ вводить въ обманъ и въ свое время вамъ все будетъ извѣстно», заканчивала Ольга свое немногословное, но внушительное посланіе.

Послѣ такого письма, для всякаго другого стало бы ясно, что дѣло «швахъ!» Одинъ только В—ъ еще могъ на что-то надѣяться, чего-то ждать.

Такъ прошелъ еще цѣлый мѣсяцъ.

Ушедшій внутрь себя, Александръ Михайловичъ былъ уже не тотъ; окружающіе его не узнавали. Одинъ только проникательный, но поверхностный «Бобчикъ» былъ близокъ къ истинѣ.

Онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть расположеніемъ В—а и вывѣдать отъ него тайну происшедшей перемѣны. Но «Бобчикъ» менѣе всего, съ своей постоянной манерой острить и подтрунивать надъ товарищами, подходилъ къ роли друга, передъ которымъ бы можно было исповѣдываться и излить свое горе. Другихъ близкихъ товарищей въ полку у В—а не было.

Поэтому онъ еще глубже, какъ улитка въ скорлупу, ушелъ въ себя, невольно игнорируя окружающее. Столь аккуратный прежде, онъ нѣсколько разъ уже манкировалъ службой, самъ того не замѣчая: то опоздаетъ въ роту, то совсѣмъ забудетъ про тактическія занятія. Бесѣды и солдатскіе спектакли также преданы забвенію. Въ самомъ его обращеніи къ нижнимъ чинамъ тоже произошла рѣзкая перемѣна. Внимательный и предусмотрительный ко всѣмъ солдатскимъ нуждамъ прежде, теперь онъ былъ совсѣмъ къ нимъ безучастенъ, а подчасъ даже и грубъ съ своими прежними любимцами. Онъ уже не пѣлъ съ ними пѣсенъ и неохотно отвѣчалъ на

вопросы любознательныхъ новобранцевъ. Такимъ засталъ его канунъ Пасхи, когда мы оставили его мечтающимъ на улицѣ. Послѣдуюмъ за нимъ.

Квартирка-миніатюра (всего двѣ комнаты), которую занималъ В—ъ, представляла изъ себя небольшой деревянный флигель, расположенный по близости отъ казармъ, на окраинѣ города.

По мѣрѣ того, какъ Александръ Михайловичъ удалялся отъ шумной и оживленной улицы и приближался къ своему захолустью, свѣтлое праздничное настроеніе, только что его охватившее, начало быстро улетучиваться. И опять, какъ прежде, думы его начали постепенно окрашиваться въ мрачные цвѣта. Кошмарныя мысли, какъ надоедливо-неотвязныя осеннія мухи, со всѣхъ сторонъ облѣпили его.

Отворившій двери денщикъ, татаринъ МахOMETдяновъ, весело осклабившись, подалъ ему письмо.

«Мухи» на мгновенье исчезли: по небрежной манерѣ писать, В—ъ сразу узналъ почеркъ Ольги.

— Милая, дорогая, вспомнила! безсвязно лепеталъ В—ъ, въ то время, какъ руки его съ лихорадочной поспѣшностью вскрывали конвертъ.

МахOMETдяновъ стоялъ почтительно въ сторонѣ и съ чисто собачьимъ выраженіемъ вниманія и вѣрности слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего господина, слѣдилъ и не понималъ.

Между тѣмъ фізіономія В—а, по мѣрѣ чтенія письма, все вытягивалась и вытягивалась, и спугнутыя было радостнымъ извѣстіемъ мухи-мысли снова вернулись и на этотъ разъ къ нимъ присоединилась еще одна новая, доселѣ невиданная; она образовала особую складку у бровей, отчего В—ъ какъ-то сразу осунулся и постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Происшедшая съ бариномъ перемѣна не ускользнула отъ наблюдательнаго татарина и, изъ желанія хоть чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе и помочь своему любимому господину, МахOMETдяновъ, топчась на мѣстѣ, началъ невнятно бормотать:

— Тебѣ можить, самоваръ, вашимъ благородіемъ?

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ самоваромъ! рѣзко обрѣзалъ его В—ъ.

МахOMETдяновъ ничего не сказалъ, почесалъ въ затылкѣ и «на ципочкахъ» отправился къ себѣ на кухню.

В—ъ остался одинъ-на-одинъ со своимъ новымъ горемъ.

Читатель уже, конечно, догадался въ чемъ оно заключалось.

Да, въ своемъ отвѣтѣ на послѣднее письмо В—а, гдѣ тотъ, ставя вопросъ ребромъ, просилъ, наконецъ, покончить эту мучительную игру въ «кошки и мышки» и въ рѣшительной формѣ сказать все, Ольга, не уклоняясь на этотъ разъ, отвѣчала ему гордымъ отказомъ и разъ-навсегда просила оставить ее въ покоѣ, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ она выходитъ замужъ за г-на Ш—а. вмѣстѣ съ тѣмъ она извинялась, что своимъ въ началѣ благожелательнымъ къ нему отношеніемъ ввела его въ заблужденіе.

«Но вы не могли мнѣ дать той полной жизни, того счастья, которое—мечта всей моей жизни», заканчивала она свое письмо: «вы бѣдны—и это все!»

«И это все!» Неужели все? въ сотый разъ повторялъ В—ъ, беспомощно опустившій руки и мрачно поникшій головой.

Опять и опять онъ судорожно сжималъ въ своихъ рукахъ этотъ роковой клочекъ бумаги и, не давая себѣ отчета, снова пробѣгалъ его глазами... Парализованная мысль реагировала на происшедшее только въ одномъ направленіи.

«Теперь всему конецъ, всему конецъ», повторялъ бѣдный В—ъ, мечась изъ угла въ уголъ своего «кабинета», какъ онъ называлъ большую комнату своей квартирки, служившую въ одно и то же время и гостиной и столовой.

«А я-то, я глупый строилъ планы, лелѣялъ мечты... Нѣтъ, только подумать», въ сотый разъ возвращался онъ къ создавшемуся положенію: «милая Оль-Оль, чистая (онъ мысленно продолжалъ считать Ольгу чистой и винилъ во всемъ мать), и этотъ прожигатель жизни, старикъ Ш—ъ, что въ нихъ общаго? Какое связующее звено можетъ соединить эту парочку? Деньги! Презрѣнный металл! Но вѣдь она же сама», онъ вспомнилъ ихъ послѣдній разговоръ передъ отъѣздомъ, «она сама говорила, что не придаетъ деньгамъ рѣшающаго значенія... Неужели она смѣялась надо мною, неужели правъ авторъ той грязной и жестокой анонимки, которая называла меня довѣрчивымъ простофилей и «первою мухой», а ее безсердечной эгоисткой и кокеткой 96-й пробы? Неужели?»... Путались мысли, переплетались воспоминанія, комната уходила изъ глазъ, В—ъ не помнилъ, что съ нимъ, гдѣ онъ...

Потомъ опять наступало минутное просвѣтлѣніе.

«И все такъ», продолжалъ обрывки своихъ мыслей В—ъ: «нѣтъ на землѣ счастья, нѣтъ; и только въ лучшемъ случаѣ людямъ удается создавать его иллюзію».

«Постой», поймалъ себя В—ъ»: чьи это слова, гдѣ я ихъ слышалъ?» И сейчасъ же ему вспомнился во всей подробности: авторъ этого афоризма «свихнувшійся» чиновникъ, запойный пьяница. «Неужели онъ правъ и въ своихъ «иллюзіяхъ», навѣваемыхъ казенкой, нашелъ то, чего не было въ жизни—удовлетвореніе?... Неужели и я долженъ пойти по той же дорожкѣ?»

И кошмарныя мысли, какъ волны, неслись уже дальше. Первая походка дѣлалась болѣе быстрой и онъ уже не ходилъ, а бѣгалъ по комнатѣ.

Временами онъ останавливался у письменнаго стола, порывисто схватывалъ заключенный въ массивную декадентскую рамку портретъ Ольги и долго-долго смотрѣлъ на него, какъ бы силясь понять причину столь неожиданнаго вѣроломства. Но молча и съ игривой улыбкой вызывающаго кокетства смотрѣла оттуда на него молодая дѣвушка.

И ея улыбка уже не казалась ему такой простой и наивной, какъ прежде; въ ней уже чувствовались ему какіе-то затаенные намеки презрѣнія, чего не замѣчалось раньше.

— Она можетъ меня презирать, будущая милліонерша, меня бѣднаго армейскаго офицера. Что жъ, презирай: «я стою этого!» злобно вскрикивалъ В—ъ, отбрасывая въ сторону портретъ и безпомощно опускаясь на стулъ.

Въ одинъ изъ такихъ приступовъ безсильной злобы и безнадежнаго отчаянія его вниманіе было привлечено небольшимъ плоскимъ кожанымъ футляромъ, лежавшимъ здѣсь же неподалеку, на письменномъ столѣ. Съ быстротою молніи въ его головѣ пронеслась новая и ужасная мысль: и его рука инстинктивно потянулась къ роковому футляру. Тамъ помѣщался новенькій, недавно полученный съ завода, браунингъ.

«Вотъ оно простое разрѣшеніе жизненной проблемы: смерть. Стоитъ только пошевелить палецъ, какъ все пройдетъ: будетъ хорошо, легко, спокойно... Вѣдь многіе стали прибѣгать къ этому средству. Средство... средство...» безсвязно лепетали губы В—а, въ то время, какъ не сознавая, правой рукой онъ уже освобождалъ отъ кобуры револьверъ. «Универсальное средство свести свои счета съ неудавшейся жизнью» мелькнула въ его головѣ красивая фраза.

«Что жъ», развивался далѣе кошмарный клубокъ мыслей злополучнаго поручика: «это хорошо!... Это такъ модно: объ этомъ каждый день пишутъ въ газетахъ, читаютъ лекціи... Завелась даже особая рубрика: «Уходящіе отъ жизни...» Да, уходящіе... и я уйду!..

Какъ это у Никитина?... «Убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна...» Да, никому! «Она» будетъ рада: я окончательно развяжу ей руки... Вотъ развѣ мама пожалѣетъ... милая мама!...» При мысли о матери револьверъ дрогнулъ въ его рукѣ, но онъ не выпустилъ его совсѣмъ, а продолжалъ держать по прежнему...

Вечерѣло. Умирающій лучъ заходящаго солнца, проникая въ комнату, игралъ на блестящемъ браунингѣ.

И въ то время, какъ глаза его еще читали роковое «feu» на браунингѣ, по ассоціаціи представлений, его мысль бѣжала уже въ другомъ направленіи. Передъ нимъ развѣтывалось широкое полотно картины его дѣтства. Вотъ онъ переживаетъ тождественныя впечатлѣнія, видитъ тождественную обстановку...

Яркое солнце залило ихъ домъ. Онъ еще совсѣмъ, совсѣмъ маленькій мальчикъ, пригостишка-гимназистикъ... Онъ въ красивомъ бархатномъ костюмчикѣ. Сегодня Пасха. У него много-много подарковъ... Онъ пресытился уже ими, его тянетъ на улицу, откуда давно уже раздаются шумные возгласы играющихъ мальчишекъ. Хочется и Шурочкѣ къ нимъ, но нельзя: мама непреклонна, да и старая Власьевна не сдастся... А солнце, какъ нарочно, ослѣпительно блещетъ и дразнить его...

Уставшая отъ долгой церковной службы, дремлетъ Власьевна. Это на руку юному проказнику... Весело и радостно переливаются солнечные лучи въ отраженіи его крохотнаго зеркальца: они, какъ маленькіе зайчики, перебѣгаютъ съ предмета на предметъ; вотъ въ ихъ сферу попадаетъ лѣниво потягивающійся котъ Васька. Ему не нравится это и онъ недовольно щуритъ свои зеленые глазки. Смѣшить все это Шуру и онъ отъ радости хлопаетъ въ ладоши. Послѣ кота по-очередно наводитъ онъ свое «волшебное» (это названіе онъ вычиталъ въ сказкахъ Гофмана, которыя уже читаетъ самъ, безъ посторонней помощи) зеркало и на групу оловянныхъ солдатиковъ, и на подарокъ дяди, козлика, и на художественно раскрашенное фарфоровое яичко, только что подаренное мамой. Няня мирно похрапываетъ въ такой смѣшной и заманчивой позѣ, открывъ свой беззубый ротъ, что шалунъ не оставляетъ и ее въ покоѣ. Ему удастся отыскать на полу такое мѣстечко, откуда отраженіе прямо ударяетъ въ лицо старушки. Подведя эту «мину», торжествующій Шура издали наблюдаетъ, какъ начинается морщиться Власьевна и какъ она тщетно силится отдѣлаться отъ неожиданной неприятности.

«Милый мой мальчикъ, зачѣмъ ты это дѣлаешь, такъ нельзя!» раздается вдругъ нѣжный голосъ мамы, и она беретъ его за руку... Неожиданное появленіе матери обрываетъ картину, и В—ъ предъ мрачной дѣйствительностью.

«Такъ нельзя», бессознательно повторяетъ онъ послѣднія слова воображаемой мамы въ то время, какъ его взглядъ улавливаетъ игривое отраженіе револьвера на портретѣ мамы дѣйствительной.

Это его отрезвило, теперь только онъ началъ давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. В—ъ поспѣшно отбросилъ револьверъ далеко въ сторону. Онъ быстро всталъ изъ-за стола и, подойдя вплотную къ портрету, умиленно поглядѣлъ на мать.

Еще далеко не старая, со слѣдами бывшей красоты, симпатичная женщина глядѣла на него оттуда. Ласково-ободряющъ былъ ея взглядъ, много въ немъ было прелести и той чарующей нѣжности, которыми вообще отличаются матери.

В—ъ живо припомнилъ, что эта женщина сдѣлала для него очень многое. Она для него принесла себя въ жертву. Оставшись послѣ смерти мужа молодой вдовой, она изъ-за любви къ своему единственному Шурочкѣ отказалась отъ личной жизни, отклонивъ предложенія выгоднаго замужества, несмотря на настойчивыя ухаживанія многочисленныхъ претендентовъ на ея руку. Вѣрная памяти своего покойнаго мужа, Евгенія Ивановна (такъ ее звали) такъ и осталась вѣрною ей до конца, перенеся всецѣло свою любовь на «безцѣннаго Шурочку», перебраться къ которому на постоянное жительство было ея завѣтной мечтой. Но два обстоятельства мѣшали осуществленію этой мечты: Евгенія Ивановна не хотѣла стѣснять свободы Шуры своимъ присутствіемъ, да и жаль было разстаться съ городомъ, въ которомъ она провела всю свою жизнь.

«Вотъ женится Шура, появятся внучата... тогда можно», мысленно рѣшала она въ своемъ воображеніи этотъ кардинальный вопросъ.

Къ тому же Евгенія Ивановна до смерти не любила кочующую жизнь, и даже простой переѣздъ съ квартиры на квартиру составлялъ въ ея жизни цѣлое событіе. «А вѣдь Шурочка поѣдетъ въ Петербургъ, въ академію, и еще неизвѣстно куда то онъ выйдетъ оттуда»... Всѣ эти соображенія удерживали Евгенію Ивановну въ своемъ захолустѣ; иначе она давно бы была около своего ненагляднаго Шурочки, любовь и вниманіе къ которому приходилось ей изливать лишь въ своихъ частыхъ и длинныхъ-предлинныхъ письмахъ.

Въ самомъ разгарѣ знакомства В—а съ Ольгой Николаевной, Евгенія Ивановна уже рѣшила было разрубить гордіевъ узелъ своихъ колебаній: она уже собиралась навсегда покинуть свое насиженное гнѣздышко и переѣхать въ Т. Но первая размолвка по поводу различныхъ взглядовъ на Ольгу нѣсколько отдалила отъ нея сына; онъ холоднѣе и сдержаннѣе сталъ къ ней относиться, и Евгенія Ивановна по прежнему осталась жить въ своей глуши.

Все это теперъ во всей подробности промелькнуло передъ В—ъ, причемъ сама Евгенія Ивановна предстала передъ нимъ, окруженная особымъ ореоломъ славы.

«Милая мама!» воскликнулъ онъ въ порывѣ восторга: «ты всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, имъ ты осталась и до сего дня!...»

В—ъ окончательно пришелъ въ себя. Теперъ онъ понялъ весь ужасъ своего положенія: холодный потъ выступилъ у него на лбу при мысли о роковой развязкѣ, къ которой онъ чуть-чуть не пришелъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

«Безумный, вѣдь этимъ необдуманнымъ поступкомъ я свелъ бы ее въ могилу! Что это, малодушіе? да?...»

И нѣчто, похожее на угрызеніе совѣсти, зашевелилось въ душѣ Александра Михайловича. Онъ сравнивалъ себя прежняго и себя въ послѣднемъ періодѣ. Сравнивалъ и не находилъ оправданія своимъ поступкамъ...

«Нѣтъ, довольно, пора сбросить этотъ кошмаръ. Вѣдь мало того, что я сталъ терять уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ, они уже начинаютъ коситься на меня и не довѣряютъ мнѣ больше».

Здѣсь В—у припомнился недавній эпизодъ на урокъ грамотности, когда онъ, объясняя что-то изъ географіи любознательному новобранцу Попкову, вызвалъ на лицѣ послѣдняго недовѣрчивое выраженіе, а хитрое подмигиваніе ротнаго балагура Касаткина всецѣло отнесъ къ себѣ.

«Товарищи, въ особенности Бобчикъ, тѣ прямо смѣются мнѣ въ лицо. Нѣтъ, довольно! Только бы Богъ далъ выдержать экзамены! О, я тогда знаю, что дѣлать!...»

Рой новыхъ мыслей и надеждъ широкой волной наполнилъ мечтательнаго юношу. Ему казалось уже смѣшнымъ и это его минутное малодушіе и самая мысль о самоубійствѣ.

«Жить будущимъ, жить надеждою — вотъ мой теперешній идеаль. Да здравствуетъ жизнь! А пока tu dois travailler!» закончилъ онъ почему то свою мысль французскою фразой.

Стало совсѣмъ уже темно въ комнатѣ. В—ъ открылъ окно. Свѣжій, здоровый воздухъ, напоенный ароматомъ весны, какой то сладостный и манящій, потянулъ въ комнату, а надвигавшаяся ночь, темная, безъ звѣздочки, такая таинственная и чарующая, уже окутала все своимъ покрываломъ. Сколько неразгаданныхъ тайнъ, сколько неизвѣданныхъ прелестей жизни, сколько новыхъ надеждъ таить въ себѣ эта ночь?

И В—ъ еще болѣе почувствовалъ въ себѣ притокъ новыхъ силъ. Онъ сознавалъ себя вполне окрѣпшимъ и возрожденнымъ для новой борьбы... А съ улицы уже раздавались радостные возгласы мальчишекъ: на сосѣдней колокольнѣ зажигали пасхальную иллюминацію. Тѣ же примитивныя сальныя плашки, какъ и въ дни дѣтства В—а. Тѣ же блестящія инициалы имени воскресшаго Христа. И еще болѣе радостно стало на душѣ В—а.

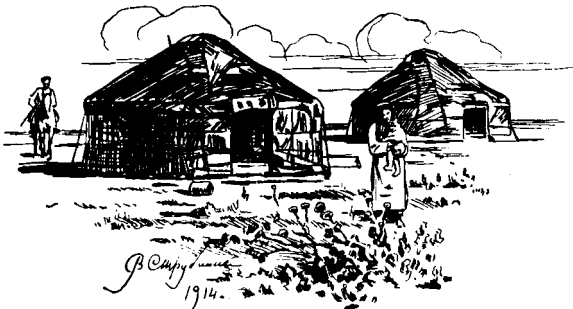
Онъ, какъ ребенокъ, съ необсохшими еще отъ слезъ глазами, позабывъ свое недавнее горе, съ улыбкою смотрѣлъ будущему въ лицо.

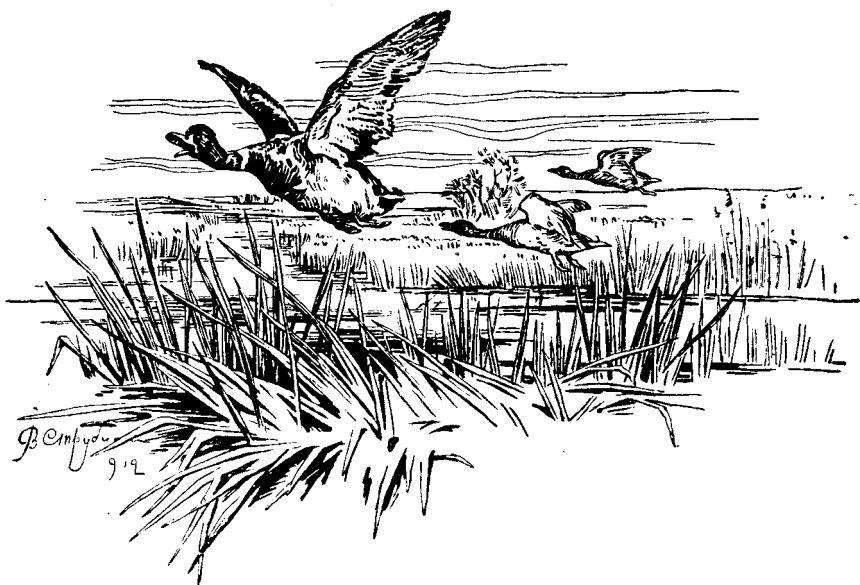
— Тыбѣ тилиграмъ, вашимъ благородіямъ! прервалъ Махметьяновъ радужное настроеніе молодого поручика, но онъ не нарушилъ его стройности, а еще болѣе укрѣпилъ. Телеграмма была изъ академіи, отъ Р—а, и гласила слѣдующее:

«Экзамены выдержалъ. Поздравляю. Христось Воскресе!»

Съ соборной колокольни раздался первый ударъ колокола. Ему съ радостной поспѣшностью начали вторить другіе колокола. Звонили къ пасхальной заутренѣ.

В. Самохваловъ.

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ бышнѣ войны).

I.

В яркое манчжурское солнце нестерпимо жжетъ землю. Въ раскаленномъ воздухѣ не чувствуется ни малѣйшаго дуновения вѣтерка. Вся природа какъ бы истомилась отъ зноя и притихла въ томительномъ ожиданіи вечерней прохлады. Нигдѣ ни звука.... Только едва слышно журчить, струясь по камнямъ, прозрачная горная рѣченка, стальной лентой прорѣзывающая ярко зеленую долину, красиво раскинувшуюся между двумя горными хребтами, густо заросшими мелколѣсьемъ. Тамъ, гдѣ долина суживается и сдавливающія ее горы образуютъ узкое, похожее на трещину, ущелье, сквозь густую зелень деревьевъ бѣлѣтъ одинокая фанза. На первый взглядъ фанза кажется необитаемой. По крайней мѣрѣ, ни на дворѣ, ни около нея не видно ни одного живого существа: не суетятся хлопотливыя куры, не бѣ-

гаютъ высоконогія китайскія свиньи, неизбѣжныя во всякомъ китайскомъ хозяйствѣ. Даже собакъ нигдѣ не видно. Какъ слѣпые смотрятъ на яркое солнце деревянные переплеты широкихъ оконныхъ рамъ, заклеенные сѣрватою бумагой, замѣняющей въ Манчжуріи стекла. Двери наглухо закрыты. Высокій заборъ, связанный изъ стеблей гаоляна, съ боковъ закрываетъ фанзу, скрывая за собою на диво обработанный небольшой огородикъ. Крошечныя грядки, ровныя, изячно обдѣланныя, тянутся въ симметричномъ порядкѣ, оставляя между собою песчаныя дорожки. Акуратно вытесанныя жердочки поддерживаютъ ползучіе стебли горошка и бобовъ. Своеобразная китайская капуста кокетничаетъ своимъ курчавыми головками, желтѣютъ, зарывшись подъ широкіе листья, огромныя тыквы.... Тутъ же на огородѣ у задней стѣны фанзы, въ тѣни, бросаемой навѣсомъ крыши, стоитъ огромный неуклюжій китайскій гробъ, сколоченный изъ толстыхъ, массивныхъ досокъ и подмалеванный по бокамъ яркими узорами. Гробъ совершенно новый и, очевидно, заготовленъ запасливымъ хозяиномъ фанзы для своей особы на тотъ случай, когда ему вздумается, наконецъ, покинуть этотъ міръ. Хорошій китайскій обычай, знакомый и нашимъ монастырямъ, гдѣ отшельники загодя заготавливаютъ въ своихъ кельяхъ гробъ для своего успокоенія.

День медленно склонялся къ вечеру. Солнце еще высоко стояло въ небѣ, затопляя долину яркими лучами, но въ ущельѣ уже ступали тѣни и начинала ощущаться предвечерняя прохлада....

Откуда-то потянуло легкимъ дуновеніемъ вѣтерка и вмѣстѣ съ нимъ гдѣ-то чуть слышно звякнула подкова о каменистый грунтъ. Черезъ нѣсколько минутъ стукъ подковъ сталъ яснѣе. Можно было легко опредѣлить, что идетъ нѣсколько лошадей.... Огромный орелъ, неподвижно сидѣвшій на остромъ каменномъ выступѣ, надъ самой тропинкой, вьющейся по дну ущелья, безпокойно взъерошилъ перья, наклонилъ на бокъ голову, помялся съ минуту, какъ бы въ нерѣшимости, и вдругъ, распустивъ широкія могучія крылья, тяжело сорвался со скалы и взмылъ кверху, описывая въ прозрачномъ воздухѣ гигантскіе ровные круги. Изъ-за поворота тропинки словно вынырнула косматая лошаденка съ рослымъ всадникомъ на спинѣ. Слѣдомъ за первымъ всадникомъ, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, показался другой. По желтымъ околышамъ фуражекъ и желтымъ лампасамъ на выцвѣтшихъ шароварахъ легко можно было признать забайкальскихъ казаковъ.

Оба всадника ѣхали, внимательно посматривая впередъ и по сторонамъ. Притомившіеся кони шли, понуривъ головы, вялымъ

короткимъ шагомъ.... За передовыми двумя вскорѣ показалось еще нѣсколько всадниковъ, человекъ 20... все забайкальцы. Впереди ихъ, на саврасомъ иноходцѣ, ѣхалъ молодой смуглый офицеръ, съ большими черными глазами, загорѣлый, запыленный, въ сѣромъ кителѣ и сѣрой фуражкѣ. Выѣхавъ въ долину, передовой дозоръ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фанзы, ожидая остальныхъ. Скоро весь отрядецъ сгрушировался передъ фанзой.

— Слѣзай! звонкимъ юношескимъ голосомъ скомандовалъ офицеръ, быстро соскакивая съ своего иноходца. Очутившись на землѣ, онъ, прежде всего, принялся разминать ноги, очевидно, сильно отѣкшія отъ долгаго пребыванія въ сѣдлѣ. Тѣмъ временемъ, пока онъ прохаживался взадъ и впередъ, останавливаясь и потягиваясь всѣмъ своимъ молодымъ стройнымъ корпусомъ, отъ группы казаковъ отдѣлилось двое бородачей и неторопливой развалистой походкой направились къ фанзѣ. Потрогавъ припертую изнутри дверь, они обошли фанзу кругомъ и, проткнувъ пальцами бумагу въ рамѣ, внимательно заглянули въ полутемную внутренность фанзы.

— Эй, ходя ¹⁾, отопри штоль? крикнулъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ въ дальнемъ углу притаившуюся фигуру китайца.— Не бойся, мы тебѣ, дурья голова, худого не сдѣлаемъ. Отвори скорѣй!

Старикъ китаецъ, недовѣрчиво поглядывая на окна, продолжалъ жаться въ своемъ углу.

— А пострѣли ты въ бороду! разсердился другой казакъ.— Ишь притулился ровно заяцъ.... Отворяя, говорятъ тебѣ, а то силою дверь вышибемъ!

И, какъ бы въ подтвержденіе угрозы, онъ изо всей силы ударилъ въ дверь носкомъ тяжелаго сапога. Дверь жалобно застонала, но не поддалась. Очевидно она была изнутри надежно забарикадирована.

— Э, чортъ! Изви тебя! разсердился казакъ, готовый уже всерьезъ вступить въ упорное ратоборство съ упрямо неподдающейся ему дверью, но въ эту минуту китаецъ вдругъ стремительно покинулъ свой уголъ и бросился оттаскивать колья, подпиравшіе дверь.

— Давно бы такъ, косопалый чортъ, снова принимая миролюбивый тонъ, поощрили старика казаки: а то зацемился въ фанзѣ, какъ турханъ, а еще *латуза* ²⁾.

— Шанго ³⁾, казакъ, шибко шанго, хао ⁴⁾, бормоталъ тѣмъ временемъ китаецъ, присѣдая и оскаливая свой беззубый смор-

1) Обращеніе къ китайцамъ—равнозначащее русскому: «братецъ!»

2) Латуза—старикъ.

3) Шанго—хорошо (по-манчжурски).

4) Хао—хорошо (по-китайски).

ценный ротъ въ привѣтливую улыбку. Онъ дружески похлопывалъ казаковъ ладонью руки, изсохшей, какъ у муміи, въ тоже время робко и подобострастно засматривая имъ въ глаза.

— Ладно, нечего лисить-то, добродушно ворчали казаки. — А чего не отворялъ, когда требовали?... Тебѣ за такое неповиновеніе «пилюю» бы ⁵⁾ слѣдовало, ходя, понялъ — «пилюю?» И, говоря такъ, казакъ сунулъ свой объемистый кулакъ подъ самый носъ китайцу. Китаецъ еще больше осклабился и заговорилъ голосомъ, которому старался придать какъ можно больше ласковой почтительности: — «Пилюля» худа есть, шибко худа.... Моя «пилюля» не хочеть, хихикалъ онъ; моя латуза шибко шанго, шибко знакомъ будешь....

— Будешь тутъ съ тобой шибко знакомъ, передразнилъ казакъ. — Небось ничего нѣтъ? добавилъ онъ строго, заглядывая ему въ глаза. — Ну-ка, отвѣчай! Муде ⁶⁾ ю? Китана ⁷⁾ ю?

— Мію ⁸⁾! жалобно развелъ руками китаецъ. — Мію! еще безнадежнѣе повторилъ онъ. — Моя латуза шибко бѣдна есть. Муде мію, китана мію, чушекъ ⁹⁾ мію....

— Мію, мію, съ досадою передразнилъ казакъ. — Знаемъ мы вашъ мію, а поискать — все окажется «ю». Невѣрный вы народъ, ходя, вотъ что я тебѣ скажу!

— Нечего съ нимъ тутъ много растабарывать, перебилъ другой казакъ. — Поищемъ потомъ сами, а пока что доложить хорунжему, фанза хоша не бравая ¹⁰⁾, а для ночевки подходящая!...

II.

Ярко свѣтитъ луна, заливая долину матово-серебристымъ свѣтомъ. У одинокой фанзы, скрытая деревьями, устало пофыркиваютъ казачьи кони, лѣниво пережевывая сухіе стебли чумпзы. Тутъ же, разваливъ прямо на землѣ, безмятежно спятъ казаки, сладко похрапывая и вздыхая во снѣ во всю ширь могучей казацкой груди. Въ фанзѣ спятъ только хорунжій, урядникъ да старый латуза-китаецъ... Впрочемъ, послѣднему плохо спится. Свернувшись калачикомъ на жесткомъ канѣ ¹¹⁾, онъ безпокойно и чутко прислуши-

⁵⁾ «Пилюля» — ударъ кулакомъ. Слово невѣдомо кѣмъ введенное, но скоро получившее права гражданства въ объясненіи съ китайцами.

⁶⁾ Муде — яйца.

⁷⁾ Китана — курица.

⁸⁾ Мію — нѣтъ, ю — есть.

⁹⁾ Чушка — свинья (на русско-китайскомъ жаргонѣ).

¹⁰⁾ На забайкальскомъ нарѣчьи — неисправная.

¹¹⁾ Канъ — родъ лежанки, идущей во всю длину фанзы. Китайцы весь день проводятъ на немъ. Канъ — для нихъ и обогревательная печь и сидѣніе и лежанка.

вается къ порохамъ ночи. Удивляется старый китаецъ безопасности русскихъ. Видѣлъ онъ, какъ съ вечера, по приказанію офицера, двоихъ казаковъ съ ружьями поставили впереди фанзы, за кустами, караулить долину, а двухъ другихъ помѣстили на высокомъ скалистомъ выступѣ, откуда была далеко видна тропинка, прихотливо извинаяся по ущелью, но недолго прободрствовали караульные казаки. Не прошло и часа, какъ и тѣ, что караулили долину, и тѣ, кому была поручена охрана ущелья, спали глубокимъ сномъ, положивъ подлѣ себя заряженные винтовки... Подивился на такую безопасность старый манза ¹²⁾). Думалъ онъ было разбудить казаковъ и внушить имъ, чтобы они были осторожнѣе, такъ какъ въ окрестностяхъ, какъ ему доподлинно извѣстно, бродятъ японскіе развѣзды и патрули, но безотчетный страхъ, внушаемый казаками, не позволилъ ему нарушить ихъ отдыхъ... Бойся латуза русскихъ, но еще больше того боится японцевъ. Если невзначай узнаютъ, что русскіе ночевали у него, а онъ не далъ знать о томъ старшинѣ сосѣдняго селенія, который въ свою очередь обязанъ былъ сообщить объ этомъ на ближайшую японскую заставу, тогда плохо ему будетъ. Японцы не церемонятся, а голова простого манзы въ ихъ глазахъ не дороже кочна капусты. Снять ее проще простого. Знаетъ это латуза и дрожить въ рваныхъ лохмотьяхъ, едва прикрывающихъ его наготу, но тѣмъ не менѣе доносить на русскихъ онъ несогласенъ. Положимъ, казаки зарѣзали у него трехъ послѣднихъ куръ и пѣтуха, которыхъ онъ такъ искусно скрылъ въ глубокой ямѣ подъ самой стѣной фанзы, закидавъ ее сверху хвостомъ; они же розыскали запрятанную въ солому крыши чумизу и сварили изъ нея кашу, а для своихъ лошадей забрали весь остатокъ гаоляна, хранившійся у него на огородѣ, но «манза» на это нисколько не въ претензіи. Во-первыхъ, казакамъ ѣсть надо—они два дня уже какъ выѣхали въ дальнюю развѣдку и питались одними только сухарями; во-вторыхъ, забирая все это, не только не били и не ругали его, какъ это дѣлали приходившіе на прошлой недѣлѣ японцы, съѣвшіе у него обѣихъ чушекъ, а, напротивъ, ласково похлопывали его по плечу, добродушно приговаривая: «Шанго, латуза», «шибко шанго, знакома будешь!» Мало того, когда курицы и чумизная каша были сварены, казаки пригласили и его къ чашкѣ, кто-то далъ ему ложку и онъ властью наѣлся вкуснаго хлеба. Наконецъ, и это самое главное, молодой казачій капитанъ далъ ему за все у него забранное двѣ кругленькихъ золотыхъ монеты...

¹²⁾ Манза — крестьянинъ, чернорабочій.

За всю свою долгую жизнь первый разъ держалъ латуза на своихъ мозолистыхъ ладоняхъ золотыя монеты. И серебряныя-то рѣдко попадали ему въ руки, а золотыхъ онъ не видывалъ, только слышалъ о нихъ... До сихъ поръ онъ имѣлъ больше дѣла съ мѣдными чохами ¹³⁾, да и тѣ не очень часто баловали его своимъ посященіемъ. Въ первую минуту, почувствовавъ на своей высохшей морщинистой ладони двѣ блестящихъ монетки, латуза ошалѣлъ и долго пристально смотрѣлъ на нихъ, потомъ вдругъ присѣлъ на корточки и разразился дребезжащимъ хохотомъ.

— Шибка шанго, капитанъ, аѳадэ капитанъ, денга—много, много! радостно твердилъ онъ, присѣдая и любовно дотрагиваясь до плеча молодого офицера.

— Да, русскіе не то, что японцы, разсуждалъ, лежа на канѣ, латуза.—Тѣ съѣли моихъ чушекъ и, уходя, заплатили какими-то бумажками. Даже и не денги, а ярлычки какіе-то... Объясняли будто это квитанціи подъ тѣ денги, которыя они получаютъ отъ русскихъ, когда побьютъ ихъ... Латузѣ даже смѣшно стало при мысли, что японцы могутъ побить русскихъ...— Развѣ есть на свѣтѣ народъ сильнѣе русскихъ? И франки и инглезы гораздо слабѣе ихъ и войска у нихъ меньше... Латуза самъ убѣдился въ этомъ, когда заморскіе діаволы приходили воевать съ самой богдыханшей... У инглезовъ и франковъ людей было съ горсточку, а русскихъ очень много... А японцы собираются ихъ побить... Хвастаютъ нарочно, чтобы за чушекъ вмѣсто денегъ платить какія-то ни на что негодныя бумажки... При мысли объ этихъ бумажкахъ, полученныхъ имъ отъ японцевъ, которыя онъ все-таки спряталъ, на всякій случай, двѣ золотыя монетки, полученныя имъ отъ русскаго офицера, въ глазахъ латузы принимаютъ огромную цѣнность и кажутся ему цѣлымъ капиталомъ. «Шанго, капитанъ, шибко шанго, аѳадэ, капитанъ», шепчетъ про себя латуза, а самъ чутко прислушивается... Старъ латуза, глаза начинаютъ измѣнять, но ухо его попрежнему чутко и слышитъ это ухо что-то неладное... Словно огромная змѣя ползетъ по ущелью и глухо шуршитъ своей высохшей кожей по камнямъ... Осторожно поднялся латуза съ кана и вышелъ изъ фанзы... Почъ уже давно перешла за половину. Поблѣднѣвшая луна медленно угасала, слегка закутанная туманной дымкой прозрачныхъ облаковъ, красивымъ узоромъ протянувшихся отъ вершины дальней сопки черезъ весь необъятный просторъ сияющаго небосвода. Изъ темнаго ущелья чуть струился засвѣжѣвшій подъ утро вѣтерокъ. Шорохъ ползущей змѣи яснѣе долетѣлъ

¹³⁾ Чохъ—мелкая китайская мѣдная монета.

до слуха латузы. Теперь онъ уже не сомнѣвался въ значеніи этого пороха. По ущелью шли люди, обутые въ мягкую обувь... И много ихъ было. Старикъ не теряя времени, быстро, насколько позволяли ему старческія ноги, выбѣжалъ на ближайшую скалу и, притаившись за огромнымъ камнемъ, осторожно заглянулъ въ ущелье... Онъ увидѣлъ передъ собой длинную фалангу японской пѣхоты. Закинувъ за плечи ружья, японцы шли по двое, мягкимъ эластическимъ шагомъ. Впереди ихъ шелъ молодой китаецъ. По тому, съ какими предосторожностями подвигался отрядъ, а еще больше по тѣлодвиженіямъ китайца-проводника, латуза догадался, что японцы знаютъ о присутствіи русскихъ и рассчитываютъ застать ихъ врасплохъ... Латуза проворно сползъ съ утеса и, быстро подбѣжавъ къ казакамъ, принялся расталкивать ихъ. Но разоспавшіеся безпечные забайкальцы только глухо мычали, качая отяжелѣвшими головами... Внѣ себя отъ страха латуза кинулся въ фанзу и изо всѣхъ силъ дернулъ за руку офицера... Тотъ разомъ проснулся.

— Что такое, въ чемъ дѣло? забормоталъ онъ спросонья, но, увидѣвъ передъ собой искаженное ужасомъ лицо латузы и не понимая, что ему надо, офицеръ опасливо потянулся за револьверомъ.

— Ибэнь, ибэнь! ¹⁴⁾ хрипло даваясь, простоналъ латуза, указывая пальцами на дверь. Офицеръ мгновенно понялъ. Его красивое лицо слегка поблѣднѣло, темные глаза вспыхнули, онъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и однимъ прыжкомъ очутился у дверей. Пригнувшись подъ заборомъ, подсунувъ подъ себя винтовки, безмятежно спали казаки. Впереди въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фанзы, около входа въ ущелье, сладко дремали часовые, а дальше, торопливо примыкая на ходу штыки къ ружьямъ, бѣглымъ шагомъ спѣшили японцы.

— Погибли! молніей пронеслось въ головѣ офицера, но онъ не потерялся. Собравъ всю силу легкихъ, онъ дикимъ пронзительнымъ, не своимъ голосомъ завопилъ: «Японцы! тревога! японцы!» и, вскинувъ револьверъ, не цѣлясь выстрѣлили, разъ, другой, третій... При звукѣ выстрѣловъ казаки разомъ очнулись... Одна минута, и всѣ уже были на ногахъ.

— Къ конямъ! зычнымъ голосомъ скомандовалъ офицеръ, первымъ бросаясь къ своей лошади... Но было уже поздно. Японцы успѣли обѣжать фанзу и, окруживъ ее живымъ кольцомъ, открыли огонь... Часто, часто затрещали выстрѣлы японскихъ магазинокъ. Пули, зловѣще посвистывая, забороздили воздухъ... Казаки, многіе не успѣвъ еще вскочить въ сѣдло, какъ подкошенные, стали ва-

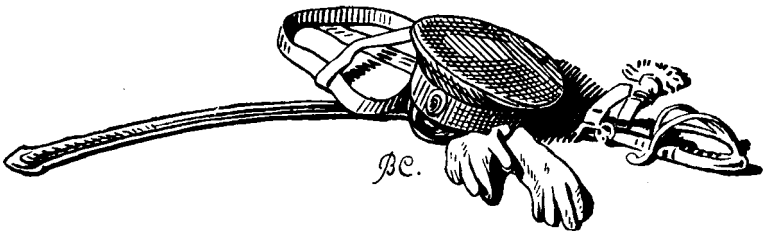
¹⁴⁾ Ибэнь—японцы.

литься, поражаемые предательскими выстрѣлами. Нѣсколько лошадей упало и съ жалобнымъ ржаніемъ принялось биться на землѣ, заливая ее горячей кровью. Нѣсколько казаковъ, успѣвшихъ сѣсть на коней, выхватили шашки и съ отчаяніемъ ринулись на цѣль стрѣлковъ, въ надеждѣ, прорвавъ ее, ускакать, но японцы не дали проскакать имъ и нѣсколькихъ шаговъ... Весь огонь какъ бы слился въ одну струю свинца, направленную въ смѣльчаковъ... Черезъ минуту ихъ тѣла уже корчились на землѣ, залитая кровью, и только тремъ, четыремъ какимъ то чудомъ удалось прорвать это огненное кольцо и ускакать, но и изъ нихъ навѣрно не было ни одного не раненаго... Въ числѣ прорвавшихся былъ и молодой офицеръ, начальникъ казачьяго развѣзда. Онъ первымъ вскочилъ на коня и, выхвативъ шашку, съ гикомъ кинулся на ближайшаго японца... Японецъ выстрѣлилъ, но промахнулся... Въ это мгновеніе надъ его головой ярко сверкнулъ клинокъ и съ размаха врѣзался ему въ темя... Заливаясь кровью, японецъ тяжело свалился подъ копыта лошади... Кругомъ неистово гремѣли выстрѣлы. Офицеръ почувствовалъ, какъ что-то сильное толкнуло и обожгло ему бокъ... Его даже качнуло отъ удара, но онъ напрягъ всѣ свои силы и, крѣпко уцѣпившись лѣвой рукой за лукъ сѣдла, правой продолжалъ махать окровавленной шашкой... Смутно различалъ онъ передъ собою скуластыя рожи японскихъ солдатъ, слышалъ ихъ гортанные крики, напоминавшіе крики хищныхъ птицъ, стоны и вопли разстрѣливаемыхъ казаковъ... Запахъ свѣжей человѣческой крови щекоталъ ему ноздри... Но вотъ все это исчезло. И японцы и стоны остались позади, только изрѣдка угрозиво повизгиваютъ около самыхъ ушей пули... Выстрѣлы затихаютъ... Офицеръ чувствуетъ, какъ его конь словно стелется по землѣ... Съ каждымъ прыжкомъ разстояніе, отдѣлившее его отъ враговъ, увеличивается, а съ этимъ растетъ надежда и увѣренность въ спасеніи... Ущелье далеко позади; уже не слышно назойливаго посвистыванія пуль... Офицеръ вобралъ всю грудь воздухъ, чтобы перевести духъ, но при этомъ движеніи словно острия когти впились ему въ бокъ... Отъ нестерпимой боли голова его закружилась, онъ качнулся вправо, влѣво, разомъ весь какъ то ослабѣлъ, осунулся, руки выпустили поводья, онѣмѣвшія ноги выскользнули изъ стремянъ... Еще нѣсколько скачковъ и онъ тяжело повалился съ сѣдла... Послѣдней его мыслью было: «Неужели это смерть!»

Б. Пютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Спортъ заграницей.

Всѣ спортивные журналы полны описаніями скачекъ, concours hippique'овъ и другихъ полевыхъ состязаній.

Отмѣтимъ ежегодный «Championnat du Cheval d'armes» въ Парижѣ, имѣвшій мѣсто въ апрѣлѣ и кончившійся побѣдой 27-го драгунскаго полка корнета Мишо (sous-lieutenant Michaud), на чистокровной кобылѣ «Roiville». Испытаніе заключало въ себѣ: выѣздку, смѣнную ѣзду, пробѣгъ, прыжки черезъ препятствія. Побѣдитель, кромѣ личнаго денежнаго приза (около 4.000 франковъ), заработалъ для своего полка переходящій призъ синдиката «Eleveurs de chevaux en France».

27-й драгунскій полкъ вообще въ этомъ году блестяще показалъ себя со спортивной стороны, такъ какъ, кромѣ побѣды корнета Мишо, получилъ первый призъ (кубокъ Challenge) въ обществѣ «Etrier» за ѣзду и прыжки своей смѣны (капитаны Broussaud и Lancelot, поручики Beltz, d'Astafort и Rabusson и корнетъ Michaud) и первый и третій призы за высшую школу ѣзды на состязаніи въ послѣднемъ обществѣ.

Въ Германіи, какъ извѣстно, каждый армейскій корпусъ получаетъ ежегодно два приза отъ императора за Jagdrennen и Distanzritt (призъ обращается въ собственность офицера лишь при выигрышѣ его два года подрядъ; пробѣгъ связанъ съ рѣшеніемъ задачи). Кромѣ того производятся особыя состязанія, имѣющія цѣлью

показать выѣздку лошади и тренировку всадника въ полевой работѣ (такъ называемыя «Militarys»; одиночная ѣзда, пробѣгъ, прыжки, умѣнье беречь и расходовать силы лошади).

Съ наступленіемъ весны повсюду энергично заработали летчики, правда, непрекращавшіе нигдѣ своей дѣятельности и въ холодное время года.

Спортивные журналы зарегистрировываютъ, что въ области безостановочнаго полета достигнутыя цифры уже очень серьезны и поставлены нѣмецкими летчиками.

Таковы: для биплана 16 ч. 20 м. Ингольда и для моноплана— 12 ч. 2 м. Крумезика.

«Matin» приводитъ, какъ образчикъ работы французскихъ эскадрилей, перелетъ, совершенный одной изъ нихъ во Франціи: 6.000 километровъ въ два мѣсяца, и только что начатый перелетъ въ Африкѣ Тунисской эскадрилей.

Первый перелетъ былъ начать еще въ мартѣ по очень простой причинѣ: сильная буря, пронесшаяся въ окрестностяхъ Ліона, разрушила большую часть ангаровъ мѣстнаго военно-авіаціоннаго центра.

— Намъ негдѣ помѣстить ваши аэропланы, было заявлено капитану Вуазену, начальнику эскадрильи № 19.—Отправляйтесь-ка попутешествовать на нѣсколько мѣсяцевъ. Мы васъ позовемъ, когда все будетъ готово, чтобы принять васъ.

И, недолго думая, отважный начальникъ, несмотря на не стихшую еще бурю, немедленно изготовился и поднялся со своей эскадрилей (шесть аэроплановъ) на воздухъ; забрали съ собой пассажировъ, механиковъ съ необходимыми для починки матеріалами и инструментами и для довольствія команды пустили вдогонку на хорошемъ грузовикѣ... и вотъ на лицо 6.000 километровъ и два мѣсяца полетовъ по всей Франціи.

Второй перелетъ намѣченъ изъ Туниса на Уджду (1.230 килом.), Аинъ-Сефра (808 килом.), Бискру (700 килом.), Габесъ (390 килом.), Тунисъ (400 килом.); всего 3.528 километровъ.

6-го мая н. ст. эскадрилья, въ составѣ 5 аэроплановъ, двинулась въ путь. А онъ ей предстоитъ нелегкій, причемъ захватывается кусокъ территоріи Марокко; тѣмъ не менѣе и здѣсь по пескамъ, безъ дорогъ, вдогонку за летчиками двигаются два грузовика и одинъ скороходный автомобиль.

Звѣздный слетъ въ Монако закончился побѣдой извѣстнаго летчика Гарро (Garros) на монопланѣ Моранъ-Сонье (Morane-Saulnier); вторымъ—Бриндежонъ-де-Мулинэ (тоже на Моранъ-Сонье); третьимъ—Рено (Renaux) на бипланѣ Мориса Фармана.

Какъ извѣстно, каждый изъ состязавшихся долженъ былъ совершить перелетъ 1083 километровъ надъ сушей и 210 километровъ надъ Средиземнымъ моремъ.

Гарро совершилъ побѣдоносные перелеты два раза: первый разъ 13-го апрѣля—Монако—Тамарисъ—Марсель—Бордо—Анжеръ—Бюкъ въ 12 час. 14 мин. 21 сек. (10 ч. 32 м. 53 сек. надъ землей и 1 ч. 41 м. 28 сек. надъ моремъ), чѣмъ установилъ рекордъ скорости для морского перелета; второй разъ 14-15 апрѣля—Брюссель—Кале—Дижонъ—Марсель—Тамарисъ—Монако въ 12 ч. 27 м. 13 с. (10 ч. 7 м. 18 сек. надъ землей и 2 ч. 19 м. 55 с. надъ моремъ), чѣмъ установилъ рекордъ скорости для сухопутнаго перелета.

Бриндежонъ совершилъ свой перелетъ 2-3-го апрѣля, покрывъ разстояніе Мадридъ—Викторія—Бордо—Марсель—Тамарисъ—Монако въ 16 ч. 2 м. 31,6 с. (12 ч. 53 м. 21,2 с. надъ землей и 3 ч. 9 м. 10,4 с. надъ моремъ).

Рено 12-14-го апрѣля (съ пассажиромъ) употребилъ на перелетъ Парижъ—Анжеръ—Бордо—Марсель—Тамарисъ—Монако 53 ч. 58 м. 43,4 с. (51 ч. 5 м. 13 с. надъ землей и 2 ч. 53 м. 30,4 с. надъ водой).

Далѣе имѣемъ: Веррье (бипланъ Анри Фарманъ)—63 ч. 15 м. 28 с.; Майяръ (монопланъ Ньюпоръ)—234 ч. 23 м. 30 с.; Гарро (первый его перелетъ)—245 ч. 45 м. 46 с.; остальные участники по разнымъ причинамъ не окончили перелета.

Такимъ образомъ изъ 26 записавшихся участвовало всего 12, причемъ окончило перелетъ 5 и изъ нихъ лишь 2 въ установленный срокъ.

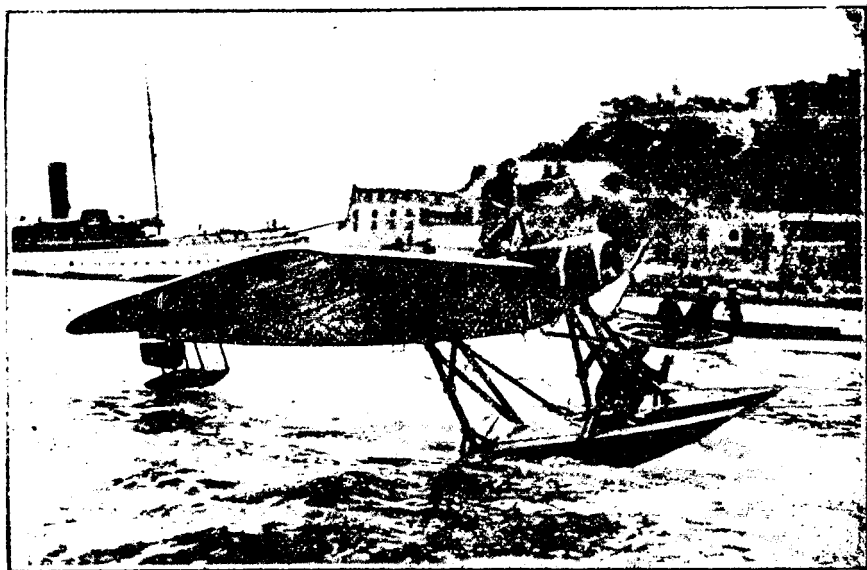
Гарро получилъ: первый призъ—25.000 фр. и второй—5.000 фр., призъ за лучшее время Парижъ—Монако—5.000 фр., призъ за лучшее время Брюссель—Монако—5.000 фр.; кромѣ того, цѣнныя вещи, составляющія призы: Президента республики, герцогини Мекленбургской, Французскаго морского министерства и Бельгійскаго аэро-клуба.

Бриндежонъ получилъ 8.000 фр., Рено—10.000 фр., Веррье—4.000 фр., Майяръ—4.000 фр., Хиртъ—3.000 фр., Муано—3.000 фр., Штефлеръ—1.500 фр. и Молла—1.500 фр.

Кубокъ Жака Шнейдера, разыгранный въ Монако же, за наилучшій морской перелетъ со спускомъ и взлетомъ съ воды, совершенно неожиданно достался не французу, а англичанину Пикстону на гидроаэропланѣ (бипланѣ) Sopwite; 150 морскихъ миль (280 километровъ) были покрыты имъ въ 2 ч. 13 сек.; вторымъ—швейцарець Бурри на аппаратѣ F. V. A.—2 ч. 52 м.

Побѣда Пикстона явилась огромнымъ успѣхомъ для англійской

Рис. № 1.

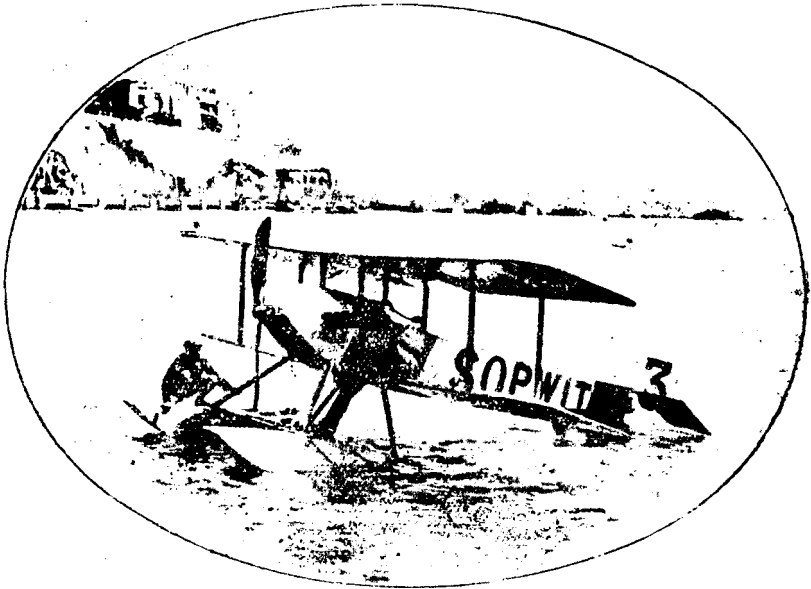

фирмы Sopwite; бипланъ далъ бѣльшую скорость со своимъ 100 сильнымъ моторомъ, чѣмъ лучшіе монопланы со 160-сильнымъ моторомъ; легко замедля ходъ (отъ 150 килом. въ часъ до 60), плавно спускаясь на воду, онъ явился совершенно новымъ типомъ аэроплана, вызвавшимъ большой интересъ среди всѣхъ интересующихся воздушнымъ спортомъ.

Французы не на шутку встревожились этимъ успѣхомъ англійской техники, но надо думать, что со свойственной имъ энергіей не надолго дадутъ другимъ торжествовать надъ собой.

На рис. № 1 изображенъ аппаратъ Гарро (Morane-Saulnier) побѣдителя звѣзднаго слета въ Монако, а на рис. № 2—Пикстона (Sopwite).

Рис. № 2.

Нашумѣвшая въ Парижѣ исторія упавшихъ съ неба снарядовъ разъяснилась. Оказывается, что извѣстному конструктору аэроплановъ Вуазену удалось установить на своемъ блиндированномъ би-планѣ (съ 200-сильнымъ моторомъ Сальмсона) 37 м.м. морское орудіе, опыты стрѣльбы изъ котораго показали полную возможность таковой, но очевидно пока еще съ попаданіемъ снарядовъ... не туда, куда слѣдуетъ.

Орудіе позволяетъ выпустить 10 выстрѣловъ въ минуту, причѣмъ отдача при выстрѣлѣ не оказывала никакого вліянія на полетъ аэроплана. Послѣдній снабженъ очень прочнымъ приспособленіемъ для спуска на землю (3 пары колесъ) и имѣетъ несущую поверхность въ 65 кв. метровъ.

Неутомимый Гарэ (Garaix), только что установившій рекорды высоты полета съ пассажирами (см. «Военный Сборникъ» с. г., № 4), совершилъ 22-го апрѣля въ Шартрѣ полетъ съ 6 пассажирами (всего 7 человекъ) на кругѣ въ 10 километровъ, сдѣлавъ въ 1 ч. 2 м. 25 сек. 110 километровъ.

Поднятый полезный грузъ равнялся 620 килогр., изъ которыхъ 465—вѣсъ пилота и пассажировъ, 10—груза, 105—бензина и 40—масла. Зарегистрованные скорости полета являются рекордными:

10 километровъ	5 м. 35 с.
20 »	11 » 12,2 с.
30 »	16 » 48,8 »
40 »	22 » 28,2 »
50 »	28 » 5,4 »
100 »	56 » 44 »

Наибольшая скорость (часовая)—107 кил. 462, средняя — 104 кил. 141.

Полетъ былъ совершенъ Гарэ на бипланъ «Шмитъ», рисунокъ котораго данъ въ № 4 «Военнаго Сборника»; аппаратъ этотъ позволяетъ во время полета мѣнять уголъ наклона обѣихъ несущихъ плоскостей по отношенію другъ къ другу.

Счастливымъ край съ его вѣчно лазурнымъ небомъ и моремъ былъ свидѣтелемъ въ истекшемъ мѣсяцѣ и гонки моторныхъ лодокъ; въ этомъ году въ Монако состоялось 11-е ихъ состязаніе, омрачившееся смертью изобрѣтателя этихъ лодокъ, Фернанда Форэ (отъ удара).

Достигнутые результаты таковы:

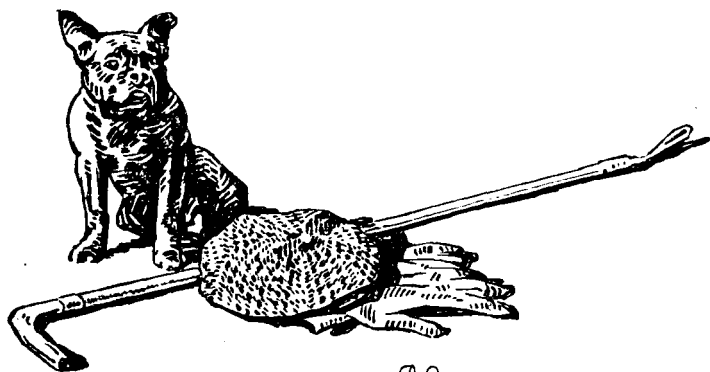
1 миля (1.857 метр.)—1 мин. 7,8 сек. («Sigma»).

50 килом.—38 мин. 38,6 сек. («Despujols Sigma»).

200 » —3 ч. 49 м. 1,6 сек. («Flambeau»).

Другими словами получены часовыя скорости, соотвѣтственно, 98 килом., болѣе 80 и около 53.

Бронскій.

Вс.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

— «*Journal des sciences militaires*» съ № 152 (отъ 11-го апрѣля н. ст.) изъ двухнедѣльнаго обратился въ еженедѣльный и сталъ выходить въ видѣ тетрадокъ въ 24 страницы вмѣсто книжекъ въ 8 листовъ.

Еще въ № 151 начата печатаніемъ большая статья капитана *Blaise* «*L'observation aérienne*». Въ предисловіи авторъ подчеркиваетъ, что появленіе новыхъ факторовъ—воздухолетательныхъ и воздухоплавательныхъ аппаратовъ—нисколько не измѣнило незыблемыхъ основаній веденія боя, но лишь переставило по относительному значенію различныя слагаемыя успѣха—средства борьбы. Мало того. Благодаря воздушнымъ аппаратамъ, управленіе войсками, становившееся столь труднымъ въ современномъ бою, снова окрѣпло въ рукахъ старшаго начальника; маневрированіе, крайне затруднявшееся введеніемъ въ дѣло огромнаго количества бойцовъ и ограниченностью кругозора войсковой развѣдки, снова сдѣлалось однимъ изъ основныхъ средствъ для достиженія успѣха.

Бой остается — и останется — главнымъ средствомъ войны. «Завтра, какъ и вчера», говоритъ авторъ, «побѣда будетъ принадлежать сильному народу, который жаждетъ побѣды; но завтра, болѣе чѣмъ когда-либо, усилія самыхъ лучшихъ войскъ будутъ имѣть цѣну при знаніи дѣла, искусствѣ и твердой волѣ начальника, который ихъ ведетъ».

Являясь прежде всего орудіемъ наступленія, увеличивая собою значеніе почина въ дѣйствіяхъ, воздушное наблюденіе (*l'observation aérienne*) будетъ особенно полезно вождю, который, обладая непреклонной волей, намѣтивъ себѣ цѣль, знаетъ чего онъ хочетъ. Будучи превосходнымъ орудіемъ въ рукахъ умѣющаго ею пользоваться, воздушная развѣдка—это новое оружіе полей сраженія будущаго—увеличить, правда, силы сильнаго, но увеличить и слабость слабого».

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію службы охраненія, авторъ отмѣчаетъ, что эта служба—неизбѣжное зло, такъ какъ она ведетъ къ переутомленію войскъ, медленности движеній и разброскѣ силъ. Между тѣмъ на войнѣ солдату необходимы всѣ его силы для движеній и боя, для маневра и сраженія. И болѣе, чѣмъ когда-либо, благодаря появленію на сцену воздушной развѣдки, потребуется быстрота исполненія маневра, какъ основное условіе успѣха.

Примѣненіе воздушныхъ аппаратовъ и особенно аэроплана позволяетъ значительно раздвинуть районъ своей развѣдки, позволяетъ быстро имѣть свѣжія свѣдѣнія о противникѣ (тогда какъ конница можетъ дать таковыя лишь о томъ, что было за нѣсколько часовъ, а то и дней, до момента полученія донесенія), наконецъ, позволяетъ произвести развѣдку непріятельскихъ силъ за завѣсой его конницы.

Авторъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что воздушная развѣдка: позволяетъ ограничить, какъ на походѣ, такъ и при остановкахъ, мѣры охраненія строго необходимымъ для каждаго даннаго случая: обезпечиваетъ свободу дѣйствій въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это было раньше, позволяя заранѣе принимать мѣры для парализованія частей противника, способныхъ помѣшать выполненію нашей задачи; соединенная съ подвижностью войскъ, она позволяетъ легче избѣгать ударовъ врага и наносить ему таковыя; наконецъ, она способствуетъ ускоренію передвиженій и, позволяя избѣгнуть напрасной усталости, способствуетъ сохраненію боевой годности войскъ.

Слѣдующая глава разсматриваетъ вопросъ объ «авангардѣ и завязкѣ боя корпусомъ въ составѣ арміи».

Воздушная развѣдка дастъ свѣдѣнія для организациі службы охраненія авангарда и характера завязываемаго имъ боя. Аэропланъ укажетъ, здѣсь ожидаетъ ли насъ противникъ, стоя на мѣстѣ и подготовивъ поле сраженія, или же онъ идетъ на насъ или въ другую сторону; мы будемъ знать, идемъ ли мы для атаки линіи обороны или вяжемся во встрѣчный бой; мы узнаемъ хочетъ ли противникъ принять столкновеніе или уклоняется отъ него; узнаемъ, кто изъ насъ съ нимъ сильнѣе другъ друга численно.

Донесенія воздушныхъ развѣдчиковъ дадутъ старшему начальнику основанія для развитія боя, завязаннаго авангардомъ (или еще до этой завязки), въ желательномъ направленіи, опредѣляя мѣсто возможнаго столкновенія, группировку силъ противника, его сильныя и слабыя стороны.

Вѣрнѣе даже сказать, что, благодаря воздушной развѣдкѣ, въ будущемъ маневръ—по крайней мѣрѣ, планъ его—будетъ предшествовать завязкѣ боя авангардомъ: завязка боя можетъ дать лишь (но зато только она одна и можетъ дать это) точныя указанія о фронтѣ, занятомъ противникомъ, что является необходимой данной для дальнѣйшаго развитія столкновенія.

И болѣе, чѣмъ когда-нибудь, исполненіе памѣченного должно быть ведено быстро, настойчиво, безъ оглядки назадъ. Завѣсы, демонстраціи не имѣютъ уже болѣе смысла; противникъ можетъ быть прикованъ къ мѣсту только рѣшительнымъ боемъ, дѣйствительной угрозой, заставляющей къ данному пункту привлекать свѣжія части противника *вопреки волю его начальника*, въ силу настоящей, а не мнимой необходимости.

Далѣе идетъ глава «сраженіе», гдѣ совершенно справедливо указывается, что всѣ способы развѣдки ничего не могутъ измѣнить въ сущности боя: борьбы человѣка противъ человѣка.

Отмѣтивъ содѣйствіе, которое можетъ оказать авіація артилеріи, авторъ переходитъ къ вопросу объ управленіи боемъ. Онъ снова отмѣняетъ, что авіація, появившись на поляхъ сраженій, возвращаетъ вождю возможность управлять боемъ; давая ему раньше и точнѣе свѣдѣнія, которыя прежде удавалось получить лишь боемъ, авіація заставляетъ его гораздо заблаговременнѣе обдумать свой маневръ; но, открывая противнику всѣ наши передвиженія, авіація не позволяетъ слишкомъ заблаговременныхъ диспозицій. Разъ какое-либо движеніе рѣшено, возможно болѣе скрытное его исполненіе должно въ быстротѣ видѣть главное условіе успѣха. Авіація особенно полезна тому изъ начальниковъ сторонъ, который сумѣетъ взять на себя починъ въ дѣйствіяхъ.

Ориентпруя начальника въ положеніи дѣлъ на полѣ сраженія, авіація даетъ ему возможность воспользоваться критическимъ положеніемъ противника, перейти, если онъ оборонялся, въ наступленіе тамъ, гдѣ создалась благопріятная обстановка.

Если успѣхъ стратегическаго маневра основывается на внезапности, то, наоборотъ, въ бою выдвигается другой факторъ—сила боевого натиска.

Въ этомъ и есть отличіе маневра *въ* сраженіи и маневра *для* сраженія. Этотъ натискъ воздушная развѣдка можетъ лишь направить куда слѣдуетъ, но и только: лишь энергія и мужество исполнителей обезпечиваютъ его успѣхъ и маневръ въ сраженіи служитъ только подготовкой этого удара.

Итакъ, особенное значеніе приобрѣтаютъ скрытность и быстрота переброски силъ на полѣ сраженія. Само собою разумѣется, что дѣло идетъ не о баталіонѣ, даже не о полкѣ, а о дивизіяхъ, корпусахъ. Съ одной стороны, надо пользоваться закрытыми пространствами, не позволяющими противнику опредѣлить тамъ численность нашихъ войскъ, и тѣми часами, когда нѣкоторые раіоны покрыты туманомъ; надо раздѣлять передвиженіе крупной части на рядъ независимыхъ, неравномѣрныхъ движеній его подраздѣленій; надо запретить примѣненіе шаблоннаго распредѣленія силъ и построеній, появленіе которыхъ на мѣстности, на дорогахъ, ясно обозначаетъ противнику наши намѣренія, цѣль нашего движенія.

Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сраженіе будетъ выигрываться «ногами» солдатъ, не только стратегическимъ маневромъ, но еще и маневромъ на полѣ сраженія. Отсюда «рейды» крупныхъ частей изъ всѣхъ родовъ войскъ приобрѣтаютъ первостепенное значеніе; можетъ быть придется идти налегкѣ только съ ружьемъ и патронами.

При этомъ начальнику необходимо путемъ воздушнаго наблюденія постоянно удостовѣряться въ положеніи своихъ войскъ и ходѣ своего маневра.

Но если старшій начальникъ постоянно и точно ориентированъ въ положеніи сторонъ на полѣ сраженія, его роль приобрѣтаетъ тѣмъ болѣе значеніе: вся армія живетъ отъ его силы, умираетъ отъ его слабости.

Въ №№ 152 и 153 капитанъ Блезъ разбираетъ «стратегическій маневръ», намѣчая много интересныхъ подробностей, причемъ для затрудненія развѣдки противнику особенно необходимо, по его мнѣнію, уничтоженіе регулярныхъ построеній (*irrégularisation*) при расположеніи на отдыхъ и на походѣ.

— Тамъ же (въ № 151) закончена статья капитана *Billard'a* «*Le combat du batallion et des unités subordonnées*». Авторъ разсматриваетъ дѣйствія его въ бою днемъ, ночью, вечеромъ въ день боя, дѣйствія въ туманѣ, въ бою за мѣстные предметы (лѣсъ, селеніе), при оборонѣ.

Въ № 152 начать печатаніемъ трудъ лейтенанта *Peyronnet* «*Ceux qui ont étudié Napoléon*»; въ первой главѣ «*La personnalité militaire de Napoléon*» дается характеристика великаго полководца

(въ № 152), какъ такового, и (въ № 153), какъ организатора армій.

— Какъ всегда, интересный матеріалъ даютъ маленькія книжки «*Revue d'infanterie*» (№№ 327 и 328).

Особенно надо отмѣтить продолженіе прекрасной статьи генерала *Cordonnier* «*Le fantassin à l'instruction*». Авторъ подробно разбираетъ подготовку роты и баталіона въ мирное время по періодамъ, давая рядъ цѣнныхъ указаній.

Было бы большою ошибкой, говоритъ онъ, стараться нивелировать боевыя качества ротъ одного баталіона. На войнѣ дерутся съ присущими каждому темпераментомъ, страстями; нивелировка мирнаго времени была бы самообманомъ; въ трудную минуту природы каждаго всегда выйдетъ наружу.

И каждая рота имѣетъ право имѣть свое «военное лицо», безъ чего она является лишь частью для парадовъ. Характеръ командира роты, при условіи не переходитъ подобающихъ границъ, долженъ имѣть свободу для своего проявленія и наложенія на роту своего отпечатка. Но надо пріучить командира роты къ постоянному владѣнію собою и примѣромъ въ этомъ ему долженъ быть командиръ баталіона.

Баталіонъ тактическая единица въ арміи; онъ первая ячейка, которая имѣетъ все для производства маневра; планъ послѣдняго заключается въ выборѣ и комбинированіи цѣлей каждой роты баталіона. Рота должна всегда имѣть точно поставленную цѣль и комбинировать нѣсколько цѣлей не можетъ. Свою задачу она будетъ стараться исполнить огнемъ и, если нужно, движеніемъ впередъ.

Авторъ указываетъ на необходимость упражненій въ сомкнутомъ строю, такъ какъ надо создать «рефлексы у офицеровъ и духъ непрекословной дисциплины въ ротѣ, кадры которой каждый годъ подвергаются многочисленнымъ перемѣнамъ».

Не должно быть «типичныхъ» построеній и шаблоновъ (*formule passe-partout*). Даже не вводя тактическаго элемента, а говоря о ремесленной сторонѣ дѣла, мы видимъ, что разнообразіе условій бесконечно и неправы тѣ, кто полагаетъ, что при фронтальной атакѣ неотдѣльной роты (*compagnie escadrée*) нѣтъ мѣста разумной инициативѣ.

Ремесленная часть нашего дѣла очень трудна. Необходима способность быстро принимать наиболѣе соотвѣтственное распредѣленіе людей, быстро подмѣчать детали, незамѣтныя неопытному глазу, правильно оцѣнивать мѣстность, опредѣлять интенсивность

огня, умѣть во-вовремя расходовать запасы, правильно судить о благопріятной минутѣ для риска. Надо умѣть разбираться въ игру противника, заставляя его дѣлать ошибки и ими пользоваться.

Огонь долженъ быть всегда скорый.

Если же желательнo израсходовать немного патроновъ, надо ограничить число стрѣлковъ и продолжительность огневого дѣйствія, но *нельзя никогда* заставлять большое количество стрѣлковъ *медленно выпускать определенное количество патроновъ*; другими словами измѣненіе интенсивности огня достигается лишь измѣненіемъ числа стрѣлковъ и продолжительностью урагана, но не иначе.

Выраженіе: «хорошая пѣхота скупа на огонь» приводитъ нерѣдко къ тому, что умѣло наступающій противникъ безнаказанно подходит на дистанцію въ 400 метровъ. Для этого ему только надо, примѣрно съ 2.000 метровъ, продвигаться впередъ по одиночкѣ (если рота имѣетъ участокъ по фронту въ 200 метровъ, то ротный командиръ можетъ высылать по 20 человекъ на интервалѣ въ 10 метровъ, слѣдующій рядъ въ 10 метрахъ дистанціи и т. д.). И «скупой», очевидно, не найдетъ возможнымъ стрѣлять по нимъ. Между тѣмъ это необходимо.

И вотъ въ програму обученія взвода на мѣстности должны войти: огонь—при оборонѣ; движеніе перебѣжками съ огнемъ—при наступленіи. Тактика должна рѣшить лишь открывать или не открывать огонь; рѣшеніе это—дѣло ротнаго командира; остальное должны умѣть дѣлать безъ него—это и есть ремесленная часть дѣла.

Авторъ указываетъ при этомъ подробную програму занятій роты на мѣстности.

— Капитанъ *Dupuis* въ томъ же журналѣ даетъ переводъ съ англійскаго интересной замѣтки «о *тактическихъ занятіяхъ въ японской арміи*».

Японцы считаютъ, что польза для каждаго обучаемаго отъ этихъ занятій находится въ прямой зависимости отъ подготовительной работы къ каждому занятію его руководителя: послѣдній долженъ заботливо обдумать весь намѣчаемый ходъ событій задачи и разобрать не случайно возникающіе, а опредѣленные вопросы.

Каждая тактическая задача обнимаетъ собой рядъ отдѣльных совершенно опредѣленныхъ положеній: отдыхъ, движеніе, развертываніе для атаки и т. п.; каждое положеніе подробно разбирается до перехода къ рѣшенію слѣдующаго.

Занятія ведутся *на планахъ и на мѣстности*. Что касается *первыхъ*, то въ каждой войсковой части они производятся 2-3 раза въ недѣлю по грушамъ: первая—штабъ-офицеры, капитаны и старшіе поручики; вторая—болѣе молодые офицеры. Для занятій пользуются картой въ масштабѣ 1 : 200.000 и для подробностей—1 : 20.000; цѣна листа карты Японіи меньше 5 коп. (12 сантимовъ).

Всѣмъ дается одна общая задача, причѣмъ исполненіе ея дѣлится на три части: принятое рѣшеніе (атаковать, отступить, передвинуться), мотивы этого рѣшенія, вытекающія изъ него распоряженія; все исполняется письменно.

Руководитель разбираетъ принятыя рѣшенія и даетъ свое, послѣ чего приступаютъ къ разработкѣ соотвѣствующихъ распоряженій, на что дается опредѣленное время.

Разборъ обнимаетъ собою все, что сдѣлано офицерами, и непременно оканчивается точнымъ указаніемъ какъ слѣдовало рѣшить задачу; всѣ общія замѣчанія записываются каждымъ офицеромъ въ особую книжку.

Занятія *на мѣстности* распадаются на: поѣздки генеральнаго штаба, тактическія задачи, бесѣды на мѣстности; ведутся они по той же системѣ.

Военной игрой японцы занимаются значительно менѣе и повидимому придаютъ ей гораздо меньшее значеніе въ дѣлѣ тактической подготовки офицеровъ.

Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе въ Японіи изученія офицерами военной исторіи [она не проходится также ни въ кадетской школѣ (соотвѣтствуетъ нашему военному училищу), ни въ военной школѣ (академіи)]; японцы считаютъ, что нужно знать тактическіе выводы изъ войнъ (что дается ежегоднымъ выпускомъ тактики для офицеровъ), а не перечень ихъ событій; понятно отдѣльные примѣры, приводимые тамъ, въ счетъ не идутъ.

Въ томъ же журналѣ продолжается печатаніемъ рядъ статей о «*Fantassin en campagne dans les principales armées*»; въ разбираемыхъ выпускахъ помѣщены свѣдѣнія о датской и голландской арміяхъ.

— «*Revue militaire générale*», издающійся подъ просвѣщеннымъ руководствомъ генерала де-Лакруа, въ мартовской книжкѣ, даетъ четыре статьи, изъ которыхъ особенно отмѣтимъ: «*Quelques*

reflexions à propos des manoeuvres de 1913», принадлежащую перу генерала X..., и «*Vers les prochains réglemens*» подполковника Debeugny.

Авторъ первой статьи подчеркиваетъ пользу высылки для обезпеченія фланговъ достаточно сильныхъ отрядовъ изъ трехъ родовъ войскъ и затѣмъ указываетъ на необходимость назначенія начальника общаго резерва и говоритъ о роли дивизионной и корпусной кавалеріи въ современномъ бою; относительно артилеріи имъ высказывается мнѣніе, что въ авангардахъ необходима артилерія, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ (въ авангардѣ дивизіи — 2 б-на и 1-2 орудія), чтобы помочь пѣхотѣ отбросить небольшія части противника и обнаружить (но не побороть) большія.

Отмѣчена неудовлетворительность работы обозовъ на маневрахъ 1913 г., правда затрудненная непрерывностью маневровъ. Недостаточно налаживаемую связь между штабами и частями на маневрахъ авторъ совершенно резонно объясняетъ несоотвѣтствіемъ наличныхъ средствъ связи предъявляемымъ требованіямъ (малый составъ штабовъ, недостаточное количество автомобилей); мѣшало этому и необдуманное удаленіе отъ передовыхъ частей штабовъ старшихъ начальниковъ (штабъ корпуса, напр., въ 7-8 километрахъ отъ дивизіи; желательнo не болѣе 4 килом.); посредники не всегда авторитетны и въ достаточномъ количествѣ, причѣмъ авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы одни лишь старшіе посредники (изъ членовъ военнаго совѣта или старшихъ корпусныхъ командировъ) имѣли право постановки рѣшенія.

Особенно же авторъ ополчается противъ возможности учитывать дѣятельность начальниковъ на маневрахъ въ аттестаціонномъ отношеніи, такъ какъ очень мало кто изъ лицъ высшаго команднаго состава имѣетъ самъ для этого необходимый критерій, благодаря существующей системѣ назначеній на командныя должности, не дающей имъ хорошаго знанія средствъ, находящихся въ ихъ рукахъ.

— Второй статьѣ предшествуетъ предисловіе генерала *de Lacroix*, горячо настаивающаго на необходимости установленія, при разработкѣ уставовъ, единой доктрины: «нѣтъ надежды на побѣду для арміи, гдѣ начальники не думаютъ и не дѣйствуютъ одинаково (à l'unisson)».

Авторъ начинаетъ съ того же требованія: необходимо установить въ арміи единство доктрины, безъ котораго невозможно обезпечить совмѣстную дружную работу всѣхъ родовъ войскъ на полѣ сраженія въ современной войнѣ.

Уставы должны быть совершенно объективными и для всѣхъ родовъ войскъ заключать въ себѣ слѣдующее: общую доктрину, спеціальныя задачи даннаго рода войскъ, обученіе полка, частей его, отдѣльнаго бойца. При этомъ въ отдѣлѣ обученія должны указываться основы, принципы и лишь строго необходимое въ отношеніи способовъ ихъ примѣненія.

Далѣе авторъ говоритъ о необходимости создать новые «маневренные уставы» (*Réglements de manoeuvre*) для каждаго рода войскъ, куда перенести изъ полевого устава все касающееся тактики (развѣдку, охраненіе, бой и т. п.), чтобы установить связь не только между родами войскъ, но между всѣми видами дѣятельности на полѣ сраженія; въ приложеніи къ этимъ уставамъ дать правила для парадовъ (вырабатывающихъ дисциплину строя): «надо», добавляетъ авторъ, «чтобы страна гордилась своей арміей, также какъ эта послѣдняя гордится собою; это необходимо именно въ видахъ войны».

Затѣмъ подполковникъ Debeugny подробно разбираетъ уставы и порядокъ обученія пѣхоты.

— Съ большимъ интересомъ читается продолженіе статьи генерала *Dumas* «*Un fourrier de Napoléon*» въ «*Spectateur militaire*» (№№ 565 и 566).

Кромѣ любопытныхъ подробностей всеобъемлющей работы великаго французскаго императора въ области политики и стратегіи (подготовка въ 1807 г. диверсіи въ Персіи противъ Россіи и Англіи, планы на счетъ Индіи, Адриатики и т. п.), находимъ много интереснаго и въ письмахъ «fourrier» Трезеля, приводимыхъ авторомъ.

Такъ 22-го мая 1808 г. Трезель пишетъ госпожѣ Лордонъ изъ Тегерана:... «мой личный опытъ утверждаетъ меня въ томъ, что кочевая жизнь есть именно та, для которой сама природа предназначила человѣка. Вотъ уже пять лѣтъ я если и былъ боленъ, то только въ короткіе перерывы между моими путешествіями и, если бы я остался дольше въ Константинополѣ, легкое недомоганіе, которое я чувствовалъ нѣсколько дней, очевидно перешло бы въ форменную лихорадку. Съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ уже около 200 дней похода, располагаясь на ночлегъ на снѣгу, на соли, на селитрѣ, часто при обильной росѣ, и у меня было всего нѣсколько непродолжительныхъ приступовъ лихорадки. Больныхъ я видѣлъ только

въ осѣдлыхъ поселеніяхъ... Народы, кочующіе въ Персіи, не знаютъ другихъ болѣзней, какъ пораненія».

— Въ томъ же журналѣ находимъ: продолженіе тактическихъ поученій майора *Bourquet* «*La mission militaire française au Pérou*»; капитанъ *Durette* даетъ очеркъ техники работы въ бою полевой англійской батареи (въ статьѣ «*Artillerie de campagne anglaise*»); капитанъ *Méra* снова возвращается къ «*Nietzsche et ses pensées sur la guerre*», причемъ попутно не безъ горечи подчеркиваетъ, что важнѣйшая изъ человѣческихъ наукъ для военнаго дѣла—психологія все еще не занимаетъ подобающаго ей мѣста.

Въ «*Revue de cavalerie*» (февраль) окончены печатаніемъ очерки «*Combat de cavalerie*» капитана *d'Aubert*; въ разсматриваемой книжкѣ даны заключительные выводы, останавливающіе на себѣ вниманіе, къ сожалѣнію, не только съ положительной стороны, но и съ отрицательной: въ послѣднемъ отношеніи особенно досадно отнесеніе вопросовъ боя кавалеріи исключительно въ обстановку кампаній... первой Имперіи. Трудно согласиться съ авторомъ, чтобы можно было переносить изученіе боя кавалеріи въ столь отдаленныя времена изъ-за «отсутствія кавалерійскихъ столкновеній въ послѣднихъ войнахъ»; слишкомъ ужъ измѣнились условія веденія современнаго боя, чтобы, говоря о *способахъ* его веденія, можно было опираться хотя бы на Аустерлицъ.

Второе—очень ужъ многорѣчиво изложеніе.

Но есть мысли, заслуживающія быть отмѣченными.

По мнѣнію автора, всѣ кавалеристы, собственно говоря, должны быть одной школы, школы *noblesse*; но эта школа готовить къ борьбѣ, комбинируя силы двухъ совершенно различныхъ видовъ: силы моральныя и силы интеллектуальныя (умственные), не говоря уже про матеріальныя силы, которыя очевидно присущи каждому виду дѣятельности.

Ясно, что знаніе не можетъ повредить мужеству и что надо имѣть и то и другое: сильный духъ въ войскахъ, знанія у начальниковъ. Сильный духъ у послѣднихъ—необходимое качество, но одного его еще недостаточно. Офицеръ долженъ имѣть знанія, умѣть разсуждать и дѣлать выводы, чтобы, не имѣя боевого опыта, располагать хотя бы теоретическимъ фундаментомъ; безъ этого

онъ можетъ быть «примѣромъ», но никогда не будетъ «начальникомъ».

«Сраженія», по словамъ А. Шерадама, «выигрываются въ дѣйствительности еще въ мирное время; другими словами побѣда есть лишь *подтвержденіе превосходства, приобретеннаго въ мирное время*».

Дуэль, которая совершится на полѣ сраженія, начинается еще въ мирное время; тамъ уже производятся атаки, отбивы, контратаки: мы атакуемъ или отбиваемъ удары нашими уставами и въ особенности нашими доктринами. Если на нашей сторонѣ знаніе дѣла, намъ не разъ удастся нанести тяжелый ударъ; если же наоборотъ—наши лучшіе маневры будутъ впусую и намъ не избѣжать пораженія.

Итакъ, никакихъ общихъ рецептовъ, но нѣсколько *неизмѣнныхъ принциповъ*, комбинація которыхъ, сообразная съ обстановкой, дастъ намъ небольшое число *правилъ* и значительно большее количество способовъ, *приемовъ* (procédés). Рѣшеніе—дочь воображенія, разсужденія и характера.

Авторъ совершенно правильно указываетъ на то, что только на конѣ конница располагаетъ всей своей матеріальной и моральной силой и является орудіемъ рѣшенія, но что, понятно, ей можетъ неоднократно представиться необходимость вести бой въ пѣшемъ строю, когда иначе задача, поставленная ей, выполнена быть не можетъ. Приэтомъ надо силой бить хитрость, хитростью брать силу, всегда пользоваться внезапностью.

Для боя наиболѣе удобны не линіи, а маневренныя группы; резервъ необходимъ.

Вооруженіе—пика для переднихъ частей главной атаки, сабля для маневренныхъ частей, для бьющихъ во флангъ и тылъ противника, для резерва, послѣднимъ ввязывающагося въ свалку.

Говоря о качествахъ кавалерійскаго начальника, авторъ приводитъ требованія де-Брака—острый умъ, вѣрный глазомѣръ, чутье мѣстности, рѣшительность, энергія, хладнокровіе, а также слова генерала Фоу: «если вы не ѣздите верхомъ какъ центавръ, если у васъ не орлиный глазъ, не львиное мужество, не рѣшительность молніи—назадъ! Вы недостойны командовать ураганомъ конницы».

Къ этому авторъ добавляетъ, что успѣхъ всякаго начинанія болѣе всего зависитъ отъ *вѣры части въ своего начальника*; а отсюда вытекаетъ необходимость для офицера всегда импонировать подчиненнымъ своимъ примѣромъ въ служебной и частной жизни, своей профессиональной цѣнностью, своимъ характеромъ.

Кончаетъ авторъ совсѣмъ хорошо. Желать все знать для пріятія рѣшенія, это значитъ позволить противнику разобраться въ обстановкѣ, упустить удобную минуту—одно изъ лучшихъ оружій конницы. Только смѣло проникая въ область неизвѣстнаго (противникъ, мѣстность), создаютъ благопріятную для себя внезапность: рискъ необходимъ кавалеріи.

Въ томъ же журналѣ капитанъ *Choppin* въ статьѣ «Montereau (18 février 1814)» напоминаетъ о блестящемъ кавалерійскомъ дѣлѣ у Монтеро, когда смѣлой атакой Пажолю съ 5.300 чел. конницы удалось сохранить за собой мостъ черезъ рѣку.

Наполеонъ встрѣтилъ раненаго Пажоля послѣ атаки и, высказавъ ему удовольствіе по поводу прекраснаго дѣйствія конницы, добавилъ:

«Мнѣ пріятно повторить, что я не разъ говорилъ: если бы всѣ генералы служили мнѣ такъ, какъ вы, противникъ не былъ бы во Франціи. Отправляйтесь полечить ваши раны и, когда вы поправитесь, я дамъ вамъ 10.000 лошадей, чтобы пойти попривѣтствовать отъ моего имени баварскаго короля». Затѣмъ, сдѣлавъ маленькую паузу, императоръ продолжалъ:

«Если утромъ третьяго дня у меня бы попросили 4 милліона за сохраненіе въ моихъ рукахъ мостовъ у Монтеро, я не задумываясь далъ бы ихъ!»

Пользуясь случаемъ, авторъ подчеркиваетъ обидное равнодушіе общества къ дѣламъ и событіямъ этой достопамятной эпохи.

«*Revue militaire des armées étrangères*» (№ 1136) даетъ очерки *англійскихъ и германскихъ маневровъ 1913 г.* (очеркъ послѣднихъ еще не законченъ) и удѣляетъ мѣсто послѣднимъ *Балканскимъ войнамъ*; кромѣ того тамъ помѣщено окончаніе статьи *объ японской арміи*.

Японская армія въ военное время состоитъ изъ: дѣйствующей, резервной (коби), территоріальной (кокуминъ) армій и запасныхъ частей.

Мобилизованная дѣйствующая армія, по предположенію автора статьи, будетъ состоять изъ: 19 дивизій изъ всѣхъ родовъ войскъ, 1 бригады (Корея), 2 смѣшанныхъ полковъ (Формоза), 6 баталіоновъ охраны Манчжурской желѣзной дороги, 4 бригадъ кавалеріи,

3 артилерійскихъ бригадъ, 18 горныхъ батарей и 24 дивизионовъ тяжелой артилеріи; кромѣ того, желѣзнодорожныя, телеграфныя, воздухоплавательныя и авіаціонныя части.

Резервная армія—19 дивизій, но лишь съ меньшимъ количествомъ артилеріи.

Запасныя части—на каждый дѣйствующій полкъ: пѣхотный—1 или 2 баталіона, кавалерійскій—1 эскадронъ, артилерійскій—2 батареи; на каждый баталіонъ специальныхъ родовъ войскъ—1 рота.

Общая численность показана въ слѣдующей таблицѣ:

	Пѣхота (баталіоновъ).	Конница (эскадроновъ).	Артилерія.				Инжен. войска.	Обозныя войска.		Жандармовъ (командъ).	
			Полевая и горная.		Тяжелая. баталіоновъ.	Ротъ.		Баталіоновъ.	Ротъ.		
			Батарей.	Орудій.							Батарей.
Дѣйствующая армія	248	89	174	1044	24 ¹⁾	—	24 ²⁾	—	19	—	30
Коби.	228	25—30	57	342	24	—	19	—	19	—	30
Запасныя части	152(?)	27	53	318	—	24	—	19	—	19	—

Составъ японскихъ дивизій съ предположенными и частью уже произведенными измѣненіями слѣдующій:

	Строевыхъ.		Нестроевыхъ.			
	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Повозокъ.
Дѣйствующая	447	14.106	191	5.741	5.363	2.115
Резервная.	392	13.133	177	4.799	3.447	1.685

Въ составъ дѣйствующей дивизіи входятъ: штабъ, 2 бригады пѣхоты, 4 пулеметныя роты; 1 кавал. полкъ (3 эск.); 1 артил. полкъ (2 дивизиона); 1 бат. инженер. войскъ; 1 мостовой паркъ; 1 отдѣленіе телеграфистовъ; 2 роты носильщиковъ; 11 обозныхъ колоннъ (5 съ боев. прип., 4 продовол. и 2 транспортн.); дивизионный лазаретъ; 6 полевыхъ госпиталей и подвижное ремонтное депо (1 офицеръ, 78 нижнихъ чиновъ и 124 лошади).

1) 288 полевыхъ орудій и около 1.000 осадныхъ и крѣпостныхъ.⁴

2) Въ томъ числѣ бригада войскъ сообщенія.

Въ общемъ всѣ категоріи вооруженныхъ силъ Японіи въ военное время требуютъ 25.000 офицеровъ, 800.000 нижнихъ чиновъ и 200.000 лошадей, причемъ предвидятся серьезныя затрудненія въ полученіи необходимаго количества лошадей.

Авторъ полагаетъ, что лѣтъ черезъ 12 Японія будетъ располагать запасомъ обученныхъ людей разныхъ категорій около 1.500.000 человекъ; къ этой цифрѣ надо прибавить около 2.700.000 территориальной арміи и 1.400.000 лицъ призывного возраста.

Въ «*Revue politique et parlementaire*» (№ 238) находимъ три статьи, имѣющія военно-политическое значеніе: *A. Gervais*. «*L'oeuvre militaire*», *F. Rottach*. «*Rivalité d'influences en Chine*» и *R. Recouly*. «*Une campagne russophobe*».

Въ первой статьѣ затронуть вопросъ о мѣрахъ для усиленія или вѣрнѣе для улучшенія обороны Франціи, ея живой силы—арміи.

Авторъ оптимистически смотритъ на численный перевѣсъ вооруженныхъ силъ Германіи по сравненію съ Франціей, но считаетъ необходимымъ тому прекрасному матеріалу, который представляютъ французскіе солдаты, дать хорошій командный составъ и хорошую организацію.

Прежде всего, какъ показываютъ маневры, пѣхота не имѣетъ надлежащей боевой подготовки. Причиной этому—исключеніе изъ полевого устава соответствующихъ техническихъ указаній и отсутствіе учебныхъ лагерей; отсюда—плохо стрѣляютъ, не умѣютъ наступать и атаковать. Начальствующія лица, при управленіи боемъ, не находятся на опредѣленныхъ уставомъ мѣстахъ, а большей частью держатся или на линіи огня или вблизи таковой, что понятно не будетъ имѣть мѣста въ дѣйствительномъ бою.

Занятія въ мѣстахъ постоянного расположенія по наступленію и атакѣ, напримѣръ, мостовъ производятся лишь по дорогамъ, не сходя въ сторону, во избѣжаніе потопокъ; это же повторяется и на маневрахъ. Ночные бои не практикуются. Служба связи хромаетъ.

Всему этому можно помочь, прежде всего, создавъ учебные лагеря. Необходимо извлечь армію изъ казармъ и городовъ; «*il faut la mettre en «campagne» dans la campagne*». Затѣмъ нужно обратить вниманіе на: 1) командный составъ; 2) методы обученія и 3) матеріальную обстановку обученія.

Въ настоящее время, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи, начиная съ капитана и кончая полковникомъ, очень много офицеровъ, физически отяжелѣвшихъ, безъ должной инициативы, недѣя-

тельныхъ, приче́мъ большая часть ихъ труда поглощается хозяйственными и административными заботами. Необходимъ энергичный отборъ на всѣхъ должностяхъ.

Курсъ обученія долженъ быть обдуманно распределенъ на всѣ годы службы, чтобы каждый изъ нихъ не былъ повтореніемъ того же самаго. Въ каждомъ пѣхотномъ полку обученіе должно вестись тремя баталіонными командирами, подъ руководствомъ командира полка, приче́мъ на должности баталіонныхъ командировъ должны назначаться дѣйствительно могущіе энергично вести дѣло обученія; на роту надо смотрѣть лишь какъ на часть баталіона и, въ силу этого, роль ротнаго командира въ дѣлѣ боевой подготовки можетъ быть ограничена элементарнымъ обученіемъ отдѣльныхъ бойцовъ, взвода и всей роты; тактическое, полевое обученіе ротъ баталіона должно быть дѣломъ баталіоннаго командира.

Для всего этого нужно дать частямъ: участки мѣстности для ежедневныхъ занятій съ отпускомъ денегъ на эти занятія (на случай потопокъ); стрѣльбища и тиры; учебные лагеря для совмѣстной жизни и обученія разныхъ родовъ войскъ.

Необходимо широко снабдить войска всѣми новостями техники: въ обозахъ должна быть введена механическая тяга, походныя кухни; надо дать побольше аэроплановъ, дирижаблей, автомобилей, телефоновъ, станцій искрового телеграфа и т. п.

Однимъ словомъ, нужна хорошая организація, хорошее обученіе.

Вторая статья рисуетъ картину экономическаго раздѣла Китая иностранцами, пока послѣдній *еще* богатъ и... беззащитенъ.

Третья статья Раймонда Рекули, по поводу травли Россіи германскою печатью, заканчивается слѣдующими словами:

«Будучи непосредственнымъ наблюдателемъ всей Русско-японской войны, видя на дѣлѣ работу русской арміи, я всегда говорилъ, что эта армія представляетъ огромную силу, могущую имѣть рѣшающее значеніе въ современныхъ дѣлахъ Европы. Самое важное, самое необходимое, это, чтобы мы, французы, въ случаѣ войны, стойко держались сами и не сдали сразу, дабы дать ей время для вступленія въ дѣло.

Въ «*Revue militaire suisse*» (№ 4) лейтенантъ *Turin* даетъ красивую статью «*Le chef de section*» (какимъ долженъ быть офицеръ—взводный командиръ). Авторъ цитируетъ вопросы и отвѣты изъ «катехизиса японскихъ новобранцевъ».

В.—Что такое воинскій духъ?

О.—Повиновеніе и самопожертвованіе.

В.—Что ты понимаешь подъ доблестью?

О.—Никогда не считать враговъ и идти впередъ.

В.—Откуда на твоёмъ знамени красное пятно?

О.—Отъ того, кто несъ его въ бой.

В.—О чемъ заставляешь тебя думать это пятно?

О.—Объ его счастьѣ.

В.—Но вѣдь человекъ умеръ, что же ему остается?

О.—Слава.

Затѣмъ авторъ противопоставляетъ японцамъ русскихъ, приводя выдержки изъ труда полковника Montaigne.

Въ томъ же журналѣ дано описаніе электромеханической мишени *Michoud* и затѣмъ въ хроникѣ сообщаются данныя о нѣкоторыхъ иностранныхъ арміяхъ.

Отмѣтимъ изъ нихъ, что въ Швейцаріи въ 1913 году было 4.058 стрѣлковыхъ обществъ съ 236.794 членами; что въ Германіи число приобрѣтенныхъ военнымъ вѣдомствомъ грузовыхъ автомобилей уже достигло 1.200; что въ Голландіи къ пулемету Шварцлозе придѣлано приспособленіе, устраняющее совершенно появленіе облачка дыма при стрѣльбѣ, и что тамъ же для всей арміи вводятся походныя кухни.

Въ «*Kriegstechnische Zeitschrift*» (№ 4) закончена печатаніемъ статья объ австро-венгерской тяжелой артиллеріи и помѣщено начало статьи капитана *Rottmann* о таковой же русской.

Капитаномъ *Engel* въ статьѣ «*Das Leppin'sche Signalgerät*» описывается портативный аппаратъ для свѣтовой сигнализациіи. Надъ биноклемъ прикрѣплена сигнализационная трубка съ оптическими стеклами, позволяющими бросать впередъ лучи отъ помѣщенной внутри трубки электрической лампочки; отъ трубки идетъ мягкій шнуръ съ проводами къ батарейкѣ изъ двухъ сухихъ элементовъ, надѣтой на поясъ; у трубки есть кнопка для замыканія и размыканія тока. Аппаратъ позволяетъ сигнализировать ночью на разстояніе до 10 километровъ; днемъ, невооруженнымъ глазомъ, сигналы видны на разстояніи болѣе 1 километра.

Статья подчеркиваетъ важное значеніе этого прибора въ военное время, въ виду его портативности и необходимости широко пользоваться ночной темнотой для боевыхъ дѣйствій.

Передачѣ приказаній и донесеній посвящена статья «*Nachrichtenwesen und Befehlsübermittlung*»:

В. Бжляевъ.

«Rivista militare italiana» 1914 г., январь.

Въ 1910 и 1911 годахъ итальянскимъ военнымъ министерствомъ изданы «Общія правила употребленія крупныхъ боевыхъ единицъ» и «Правила для боя», взамѣнъ дѣйствовавшихъ прежде. Въ прошломъ году послѣдовало новое изданіе, указывающее, что во взглядахъ высшихъ итальянскихъ военныхъ авторитетовъ произошли коренныя измѣненія. Какъ видно изъ статьи, подписанной литератами U. J. M., Правила 1910 года давали относительно употребленія въ бою тяжелой полевой артилеріи указанія: «гаубицы назначаются для пораженія войскъ на дальнихъ разстояніяхъ и въ особенности укрытыхъ въ складкахъ мѣстности или позади насыпей, а также для стрѣльбы по закрытіямъ и занятымъ войсками зданіямъ, съ цѣлью производства пожаровъ; пупки употребляются, напротивъ того, для состязанія съ легкою артилеріею противника, имѣя въ виду облегчить своей легкой артилеріи исполненіе ея задачъ; для стрѣльбы на дальнія разстоянія по открытымъ войскамъ, а также по матеріальнымъ закрытіямъ большого сопротивленія». По указаніямъ Правилъ 1913 года, наоборотъ, «гаубицы назначаются для стрѣльбы по фортификаціоннымъ постройкамъ полевого характера, въ особенности по укрытіямъ и прочнымъ горизонтальнымъ защитамъ; для бомбардированія опорныхъ пунктовъ, населенныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ зданій; для дѣйствія по войскамъ, укрытымъ въ складкахъ мѣстности и позади брустверовъ, но лишь съ крайнею осмотрительностью въ расходованіи боевыхъ припасовъ. Пушки употребляются, напротивъ того, главнымъ образомъ, для пораженія на дальнихъ дистанціяхъ войскъ, представляющихъ хорошія цѣли; для состязанія съ легкою артилеріею противника въ цѣляхъ облегченія своей легкой артилеріи исполненіе ея задачъ; и, наконецъ, для обстрѣливанія прочныхъ вертикальныхъ закрытій». По Правиламъ 1910 года гаубицы назначались въ составъ корпусовъ, а пушки въ составъ армій; въ настоящее время орудія обонихъ родовъ входятъ въ составъ армій, причемъ обстоятельно указывается, что при распредѣленіи таковыхъ орудій слѣдуетъ руководствоваться не какими-либо общими основаніями, а исключительно дѣйствительными требованіями даннаго случая. Таковыя требованія служатъ руководствомъ также и при опредѣленіи мѣста тяжелой артилеріи въ походныхъ колоннахъ: какъ общее правило, она слѣдуетъ въ хвостѣ главныхъ силъ, но разныя условія и потребности могутъ оправдать и совершенно иное ея расположеніе. Указаніе Правилъ 1910 года на выгоды соединенія въ наступательномъ бою орудій тяжелой артилеріи въ большія батареи—исключено. По этому поводу авторъ высказываетъ, что нѣтъ возможности понять преимуществъ размѣщенія орудій на одной позиціи, тогда какъ стрѣльба съ различныхъ позицій

представляетъ существенныя выгоды, какъ при стрѣльбѣ по цѣлямъ большого сопротивленія, такъ и по войскамъ.

Значительно расширены предѣлы нормальной величины авангарда. По прежнимъ правиламъ величина эта была $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{4}$ силъ отряда, по новымъ— $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$. Такое измѣненіе дополняется еще нижеслѣдующимъ указаніемъ: «когда особыя условія не требуютъ противнаго, слѣдуетъ при назначеніи въ авангардъ пѣхоты держаться возможно ближе низшаго предѣла». Въ авангардъ корпуса можетъ быть назначенъ полкъ пѣхоты.

Послѣдовало существенное измѣненіе въ указаніяхъ, касающихся исполненія авангардомъ его назначенія. Къ указанію прежнихъ Правилъ, что «авангардъ есть охраняющій отрядъ, коего главное назначеніе состоитъ въ обезпеченіи главныхъ силъ отъ неожиданной атаки и предоставленіи имъ возможности подготовиться къ бою», добавлено, что авангардъ есть также и прикрывающій отрядъ; а указаніе на необходимость со стороны авангарда «осторожности въ цѣляхъ продленія сопротивленія до подхода главныхъ силъ и обезпеченія послѣднихъ отъ вынужденныхъ и недостаточно подготовленныхъ дѣйствій» значительно развито: «Трудность надлежащаго исполненія авангардомъ его задачъ безъ вовлеченія главныхъ силъ въ выдужденныя или недостаточно подготовленныя дѣйствія можетъ быть въ значительной мѣрѣ ослаблена путемъ установленія и сохраненія между авангардомъ и главными силами непрерывной и тѣсной связи и согласованности въ дѣйствіяхъ. Въ общихъ чертахъ эта согласованность устанавливается еще до начала движенія, а затѣмъ она достигаетъ все большей полноты по мѣрѣ поступленія свѣдѣній отъ конницы и изъ другихъ источниковъ». Получивъ первыя указанія, начальникъ авангарда не долженъ быть затѣмъ предоставленъ самому себѣ; онъ долженъ не только доставлять начальнику отряда свѣдѣнія, но и получать ихъ отъ послѣдняго, какъ равно и приказанія въ дополненіе, а иногда и въ измѣненіе прежде полученныхъ. При современныхъ средствахъ сношеній, передача приказаній и донесеній совершается такъ быстро, что, даже при очень значительныхъ разстояніяхъ между авангардомъ и главными силами, положеніе можетъ быть разъяснено своевременно и устранена возможность ошибки авангарда: вовлеченія въ нежелательный и недостаточно подготовленный бой. Правила 1913 года указываютъ также, что если какія-либо особыя условія недопускаютъ возможности полученія начальникомъ авангарда своевременныхъ указаній относительно предстоящей операціи, то онъ долженъ «занять положеніе, которое предоставило бы ему возможность дать начальнику отряда наиболѣе полныя свѣдѣнія о непріятелѣ; предпринять операцію, которая заставила бы послѣдняго остановиться, развернуть свои силы и облегчить сборъ необходимыхъ

свѣдѣній». Тутъ же Правила напоминаютъ, что авангардъ не долженъ никогда упускать изъ виду случайностей, которыя могутъ вызвать необходимость прекращенія боя. Эта послѣдняя операція исполняется тѣмъ легче, чѣмъ меньше отрядъ и чѣмъ больше при немъ артилеріи; послѣднія Правила предписываютъ поэтому, въ противоположность Правиламъ 1910 года, назначеніе въ авангарды надлежащаго числа артилерійскихъ орудій.

По отношенію частей инженерныхъ войскъ при авангардахъ, Правилами 1910 года было указано, что главное назначеніе этихъ частей состоитъ въ приведеніи въ оборонительное состояніе пунктовъ, которые могутъ получить особую важность при послѣдующемъ развитіи боя. Нынѣ, напротивъ того, главнымъ назначеніемъ такихъ частей признается облегченіе всѣми мѣрами войскамъ развертыванія изъ походнаго порядка и дальнѣйшаго наступленія. Это измѣненіе вполне соотвѣтствуетъ наступательному духу послѣднихъ Правиль.

Изъ числа графическихъ приложений признаны бесполезными примѣры движенія отрядовъ по нѣсколькимъ дорогамъ, такъ какъ составъ колоннъ зависитъ тутъ, главнымъ образомъ, отъ мѣстныхъ и другихъ особыхъ условій. Рота телеграфистовъ продвинута ближе къ головѣ походнаго порядка. Предвидится возможность назначенія въ авангардъ корпуса корпусной артилеріи.

Признано цѣлесообразнымъ держать во время боя пулеметы при баталіонныхъ резервахъ; относительно же ихъ употребленія въ дѣло новыя Правила указываютъ: «Пулеметы сохраняются по преимуществу для ближней борьбы, и огонь ихъ принесетъ особую пользу при необходимости прекращенія боя».

Атака заключаетъ въ себѣ, по опредѣленію новыхъ Правиль, также и штыковой ударъ: «атака, т.-е. тотъ періодъ, когда пѣхота, чередуя огонь съ движеніемъ, ведетъ наступленіе, чтобы подавить противника превосходнымъ огнемъ, а гдѣ этого недостаточно—ударомъ въ рукопашную». «Достиженіе превосходства надъ непріателемъ въ огнѣ составляетъ необходимое условіе успѣха атаки, независимо отъ того, будетъ ли послѣдній достигнуть исключительно огнемъ или же при содѣйствіи штыкового удара». Съ другой стороны, штыковой ударъ заключается также въ движеніи пѣхоты, и средства дѣйствія послѣдней составляются не изъ движенія, огня и штыкового удара, какъ было по прежнему опредѣленію, а только изъ движенія и огня».

Какъ Общія Правила, такъ и Правила для боя 1913 года не имѣютъ болѣе характера временныхъ правилъ, а обратились, наконецъ, въ окончательныя положенія.

Въ статьѣ «Неожиданности и отступленіе» капитанъ Pietro Gilberti даетъ изслѣдованіе различныхъ дѣйствій отряда, подвергшагося

нечаянному нападенію непріятеля. Опытъ показываетъ, что, при отступленіи подь огнемъ противника, шагъ отступающаго легко переходитъ въ бѣгъ, а этотъ послѣдній стремится къ увеличенію скорости; большая быстрота движенія отступающихъ подь огнемъ ведетъ къ дезорганизаціи частей, которыя выходятъ, при этомъ, изъ рукъ начальниковъ. Съ другой стороны, неожиданное нападенія влечетъ за собою нравственное впечатлѣніе, заставляющее видѣть опасность въ преувеличенномъ размѣрѣ, а если тутъ же послѣдуетъ еще и приказаніе отступать, то опасность принимаетъ еще болѣе страшный видъ, и, чтобы отступленіе могло совершаться при изложенныхъ условіяхъ въ порядкѣ, войска должны отступать медленно. Въ смятеніи, послѣдовавшемъ за неожиданностью, легко возникаютъ недоразумѣнія; тѣ или другія приказанія доходятъ не во время и понимаются иногда превратно; разнаго рода задержки замедляютъ движеніе. Переноска раненыхъ сопряжена съ значительною потерей времени, между тѣмъ какъ въ войнахъ съ противникомъ, не дающимъ пощады и бьющимъ лежачаго, каждый солдатъ долженъ быть увѣренъ, что онъ не попадетъ раненымъ въ руки врага. По совокупности перечисленныхъ причинъ движеніе отступающаго будетъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, всегда медленнѣе движенія атакующаго, почему разстояніе между противниками будетъ съ теченіемъ времени уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ увеличиваться потери отступающаго. Подвергшійся нечаянному нападенію отрядъ можетъ обратиться къ отступленію, съ цѣлью увеличить разстояніе между собою и противникомъ, уменьшить свои потери и избѣгнуть боя, но эти цѣли не могутъ быть отступленіемъ достигнуты, и авторъ признаетъ таковое, изъ всѣхъ способовъ дѣйствій отряда, подвергшагося нечаянному нападенію, ведущими къ наиболѣе пагубнымъ послѣдствіямъ. Отвѣтъ на нечаянное нападеніе контръ-атакой и движеніемъ навстрѣчу непріятелю есть способъ доблестный, могущій поднять духъ отряда, но способъ, въ виду невыясненности силъ и намѣреній противника, очень рискованный. Выгоднѣе всего остаться твердо на мѣстѣ, принявъ положеніе, наиболѣе удобное для встрѣчи неожиданностей.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франція. Новые полевые уставы: «Инструкція для веденія крупныхъ единицъ» и «Уставъ полевой службы»; развѣдка артиллерійской позиціи.

Франція.

Въ текущемъ году осуществлено во Франціи преобразование уставовъ для веденія и дѣйствія войскъ въ полѣ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи дѣйствовали Полевой уставъ 1895 года; въ дополненіе къ нему въ 1902 г. была издана Инструкція для дѣйствія пѣхоты въ бою, а къ Полевому уставу приложенъ былъ особый отдѣлъ о боѣ соединенныхъ родовъ войскъ.

Съ февраля текущаго года появилась выработанная комиссіею подъ предсѣдательствомъ генерала По «Инструкція для веденія крупныхъ единицъ», предназначаемая, какъ въ ней сказано, для высшаго команднаго состава и генеральнаго штаба, и касающаяся высшихъ соединеній до отдѣльнаго корпуса включительно, а также обороны пограничнаго пространства и крѣпостей.

Загѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ вышелъ новый Уставъ полевой службы, предназначаемый для всѣхъ офицеровъ арміи и касающийся полевой службы частей отъ дивизіи и ниже. «Инструкція для веденія высшихъ единицъ» подраздѣляется на 11 отдѣловъ, главные черты которыхъ будутъ изложены ниже, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что только отдѣлы III, IV и VII частью заимствованы изъ прежняго Полевого устава, а всѣ остальные разработаны вновь.

I. *Общая понятія о веденіи войны.* Политическая цѣль войны опредѣляется правительствомъ, отвѣтственнымъ за охраненіе жизненныхъ интересовъ страны. Поэтому въ случаѣ войны на нѣсколько фронтовъ оно опредѣляетъ главнаго противника и противъ него направляетъ главныя силы арміи (*la masse de l'armée*). Цѣлью военныхъ операцій служитъ уничтоженіе непріятельской арміи; исключеніе изъ этого правила допустимо только на побочныхъ театрахъ войны и вообще тамъ, гдѣ не ожидается главнаго рѣшенія. Значительная численность современныхъ армій, затрудненія въ снабженіи ихъ и нарушеніе всей общественной и экономической жизни народа требуютъ быстрого окончанія войны; единственнымъ для сего средствомъ является вполне использованное рѣшительное сраженіе. За-

нятіе части территоріи или овладѣніе крѣпостью не приводитъ къ рѣшающему результату. Въ силу этого необходимо принудить противника къ бою и сломить его волю; послѣднее достигается только неудержимымъ, доведеннымъ до крайности наступленіемъ и лишь кровавыми жертвами. Всякое другое возрѣніе противорѣчитъ идеѣ войны и потому должно быть откинуто; какимъ бы то ни было искуснымъ «маневромъ» можно только подготовить побѣду, но не одержать ее. Искони вѣковъ значительные успѣхи выпадали только на долю того полководца, который желалъ боя и искалъ его; энергичный и дѣятельный главнокомандующій никогда не даетъ себя предупредить противнику подъ предлогомъ ожиданія болѣе полныхъ извѣстій; если это тѣмъ не менѣе удалось противнику, то энергичная контръ-атака можетъ создать благопріятный переворотъ. При этомъ уже первыя столкновенія имѣютъ большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе событій.

Въ рѣшающемъ сраженіи должны принять дѣятельное участіе всѣ части арміи, находящіяся на данномъ театрѣ. Оно представляютъ собою сумму столкновеній нѣсколькихъ армій, болѣе или менѣе разнящихся между собою, но руководимыхъ одною общею идеею. Сдѣйствіе всѣхъ силъ достигнуто, если всѣмъ арміямъ удастся принять участіе въ общемъ рѣшеніи въ мѣстахъ, указанныхъ главнокомандующимъ. Побѣда оцѣнивается не меньшими потерями, а достигается наиболѣе сильною волею и высшими духовными свойствами. Тотъ, кто въ критическую минуту, когда успѣхъ грозитъ перейти къ сторонѣ противника, бережетъ резервы для занятія тыловой позиціи, для охраненія фланговъ или прикрытія отступленія, тотъ упускаетъ изъ рукъ послѣднее вѣроятіе на успѣхъ. Резервы существуютъ не для ограниченія неудачи, а для достиженія побѣды. Борьба должна продолжаться до полного истощенія средствъ. Послѣ побѣды слѣдуетъ довершить полное уничтоженіе противника неутомимымъ, беспощаднымъ преслѣдованіемъ; этимъ путемъ быть можетъ для окончанія войны достаточно будетъ одного сраженія (въ указаніяхъ о примѣненіи резервовъ замѣчается существенное различіе съ прежнимъ Полевымъ уставомъ. Комиссія подчеркиваетъ также ошибочность выдѣленія значительныхъ силъ для побочныхъ охранительныхъ цѣлей—рѣшительное наступленіе есть лучшая форма охраненія).

II. *Руководительство.* Здѣсь снова подчеркивается вредъ выжиданія. Требуется составленіе опредѣленнаго плана операцій, даже при неполныхъ свѣдѣніяхъ о противникѣ, и выполненіе его вопреки противнику (*malgré l'ennemi*); при составленіи его главнымъ основаніемъ служить не противникъ, а собственное намѣреніе; противникъ является лишь препятствіемъ, которое слѣдуетъ устранить; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ избѣгать предвзятости и при выполненіи

поставленной задачи принимать во вниманіе измѣненія въ обстановкѣ, тщательно отдѣляя извѣстія важныя отъ второстепенныхъ; это достигается заданіемъ органамъ развѣдыванія опредѣленныхъ вопросовъ, по возможности простыхъ и въ небольшомъ числѣ. Цѣль развѣдыванія заключается не въ томъ, чтобы доставить основанія для составленія плана операцій, а въ томъ, чтобы постепенно выяснять обстановку при выполненіи его. Первоначальное распредѣленіе силъ должно отвѣчать составленному плану операцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладать достаточною гибкостью для приспособленія къ измѣненіямъ, вызываемымъ выясненіемъ обстановки.

III. *Свобода дѣйствій. Собираніе свѣдѣній и разведка.* Подъ свободою дѣйствій инструкторъ понимаетъ возможность располагать всѣми силами до наступленія рѣшительной минуты; не слѣдуетъ подвергать отдѣльныя части арміи внезапному нападенію, а стремиться къ своевременному сосредоточенію войскъ; только въ предвидѣніи непріятельскаго нападенія надлежитъ заблаговременно въ угрожаемомъ направленіи собрать отрядъ изъ всѣхъ родовъ войскъ для выигрыша времени и прикрытія главныхъ силъ.

Въ этомъ и заключается охраненіе въ обширномъ смыслѣ (*sureté du chef*); охраненіе передовой линіи и охраненіе колоннъ, съ упраздненіемъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ бригадъ, отпало и передано въ корпуса. Въ число средствъ для собиранія свѣдѣній, кромѣ специальныхъ агентовъ, кавалеріи и высшихъ штабовъ, включены воздушныя развѣдки главныхъ силъ противника, дальнія, исходяція отъ гл. квартиры и группы армій, и ближнія—отъ арміи, корпуса и кав. дивизіи, а также бой, дающій надежныя свѣдѣнія, но лишь для ограниченнаго раіона. Развѣдки высшихъ штабовъ производятся воздушнымъ путемъ или кавалеріей. Для развѣдыванія кавалеріей, мѣста сосредоточенія ея массъ и характеръ дѣйствія опредѣляются гл. квартирой или штабомъ группы армій; разбитіе непріятельской кавалеріи облегчаетъ задачу, а для сего необходимо сосредоточеніе кавалеріи; развѣдочные эскадроны не упоминаются, а только дальніе развѣзды и развѣд. отряды; кавалерія даетъ очертаніе расположенія противника и корректируетъ имѣющіяся свѣдѣнія. При извѣстныхъ обстоятельствахъ ей придаются баталіоны пѣхоты или смѣшанные отряды, но отнюдь не допускается при этомъ уменьшеніе подвижности и раіона дѣйствія кавалеріи.

IV. *Вспомогательные органы руководства. Отдача приказаній. Донесенія и отчеты. Служба связи.* Такими органами являются штабы и отрасли управленія. Задача генеральнаго штаба—сборъ и обработка свѣдѣній и поддержаніе связи. Начальникъ генеральнаго штаба обязанъ безъ обиняковъ высказать свое мнѣніе, когда его спрашиваютъ, но, когда главнокомандующій принялъ рѣшеніе, онъ долженъ воздержаться отъ дальнѣйшаго выраженія

своего мнѣнія. При отдачѣ приказаній дѣлается различіе между «инструкціею» и «приказомъ». По части донесеній и отчетовъ особенностей не замѣчается.

Поддержанію связи придается большое значеніе не только поддержаніемъ ея при помощи офицеровъ (органовъ связи) съ высшими, подчиненными и сосѣдними частями, но и въ смыслѣ оказанія поддержки: каждая часть обязана идти на помощь угрожаемой сосѣдней части, если это допускаетъ собственная задача; съ другой стороны, часть не должна безусловно рассчитывать на поддержку сосѣдей, а умѣть справляться собственными силами.

V. *Группа армій.* Она служитъ для выполненія обширныхъ «стратегическихъ» задачъ, въ составѣ «главной операціи», подготовляемой и поддерживаемой второстепенными операціями. Этому отвѣчаетъ распредѣленіе группы по фронту—оставляя свободу дѣйствій для армій—и въ глубину, гдѣ выгодно расположеніе эшелонами. Первоначальное сосредоточеніе въ районѣ, безопасномъ отъ нападенія, происходитъ при пользованіи ж. д. сѣтью и подъ прикрытіемъ пограничной охраны (*couverture*) и крѣпостей. Во время операцій охраненіе группы достигается самимъ распредѣленіемъ силъ. Если районы сосредоточенія противниковъ удалены одинъ отъ другого, то рядомъ передвиженій принимается «боевое расположеніе»; если оба собираются близко къ границѣ, то уже въ первоначальномъ сосредоточеніи выражается идея боевой обстановки. Руководительство группою заключается въ направленіи операцій армій къ общей цѣли; измѣненія въ расположеніи и передвижаніе резервовъ допускается, но лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, принимая во вниманіе, что даже по ж. д. это требуетъ много времени. При преслѣдованіи полезны дальніе обходы въ тылъ противника, причемъ армейской кавалеріи, съ придачею артиллеріи и смѣшанныхъ отрядовъ, принадлежитъ главная роль. Для освобожденія полевой арміи отъ побочныхъ задачъ, возможно скорѣе продвигаются впередъ войска 2-й линіи; они занимаютъ непріятельскую территорію, осаждаютъ его крѣпости и уничтожаютъ его источники снабженій. Въ случаѣ потери сраженія, командующій группою указываетъ арміямъ направленіе отступленія и районы для оказанія вновь сопротивленія; онъ отвѣчаетъ за возможно скорѣйшее возобновленіе операцій.

VI. *Армія.* Она служитъ для достиженія «тактическихъ» успѣховъ; высылка общаго авангарда арміи въ принципѣ отвергается; это допускается лишь для прикрытія сосредоточенія арміи или если условія мѣстности требуютъ очень разбросаннаго расположенія; въ принципѣ охраненіе обуславливается распредѣленіемъ силъ—искусство распредѣленія заключается въ томъ, чтобы располагать силы возможно шире, но въ минуту необходимости имѣть ихъ подъ рукою; степень разброски зависитъ отъ близости противника; тре-

буется гибкость распредѣленія силъ; оно подраздѣляется на «маневренное» и «боевое»; первое постепенно переходитъ въ послѣднее. Для составленія плана наступленія новое Положеніе не противопоставляетъ принципозъ фронтальной атаки и обхода фланга другъ другу, а предоставляетъ командующему арміею полную свободу въ примѣненіи ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ; отмѣчается лишь, что «слишкомъ» тѣсное расположеніе силъ (даже вблизи противника) подвергаетъ ихъ охвату и затрудняетъ развертываніе; нѣкоторое растягиваніе по фронту скрываетъ отъ противника истинныя намѣренія; болѣе глубокое расположеніе облегчаетъ перемѣну направленія движенія и выдѣленіе резервовъ. Принципіально каждый корпусъ на походѣ слѣдуетъ по особой дорогѣ; слѣдованіе нѣсколькихъ корпусовъ по одной дорогѣ—рѣдкое исключеніе. Армейская кавалерія задерживаетъ наступленіе противника, а въ бою должна участвовать; командующій арміею оставляетъ ее либо въ своихъ рукахъ, либо распредѣляетъ по корпусамъ или же придаетъ одному корпусу; она съ успѣхомъ можетъ дѣйствовать во флангъ и тылъ противника, но не должна останавливаться и передъ фронтальною атакою.

Въ особыхъ случаяхъ могутъ быть высланы впередъ отдѣльныя части арміи, напримѣръ, для удержанія дефиле или удержанія части силъ противника вдали отъ важнѣйшаго района операцій, но чаще всего незначительныя и преимущественно для обороны выгодныхъ пѳзицій, а не для атаки.

Инструкція различаетъ главное сраженіе, принципіально наступательное, и второстепенныя бои; послѣдніе могутъ происходить для выясненія обстановки. Передъ боемъ составляется «планъ сраженія» и «распредѣленія для боя». Въ «планѣ сраженія» рѣшается вопросъ объ обходѣ фланга или атакѣ съ фронта; въ виду большого протяженія фронта арміи, направленіе и время для атаки придется опредѣлить заранѣе; обходъ фланга поселяетъ неурядицу у противника и угрожаетъ его сообщеніямъ; прорывъ съ фронта на опредѣленномъ участкѣ труднѣе и требуетъ больше жертвъ; онъ можетъ быть примѣненъ лишь при рѣшимости доведенія прорыва до конца и при имѣніи достаточныхъ средствъ для охвата раздѣленныхъ частей арміи противника. «Распредѣленіе для боя» должно быть достаточно широкимъ по фронту, чтобы противникъ могъ быть встрѣченъ вездѣ, гдѣ онъ покажется (не считая отдѣльныхъ его частей, не могущихъ поспѣть къ «рѣшенію»). Распредѣленіе силъ на разныхъ участкахъ различное, въ зависимости отъ «плана сраженія» и условій мѣстности: въ районѣ атаки «участки» наиболѣе узкіе; на мѣстности, затрудняющей совмѣстное дѣйствіе войскъ—болѣе широкіе; въ общемъ фронтъ корпуса при наступленіи не менѣе 4 и не болѣе 8 километровъ. Если рѣшенъ обходъ фланга, то требуется заранѣе широкое расположеніе предназначаемыхъ для сего частей. Тяжелая

артилерія придается корпусамъ, которые участвуютъ въ «рѣшеніи». Командующій арміей не долженъ часто мѣнять своей стоянки; если онъ временно отлучается, то штабъ дѣлаетъ распоряженія.

Послѣ одержанной побѣды въ войскахъ, даже сильно утомленныхъ, не должно возникнуть убѣжденія, что дѣло закончено; организація немедленнаго беспощаднаго преслѣдованія составляетъ главную задачу штаба арміи. Въ случаѣ неудачи необходимо приложить всѣ старанія къ удержанію противника до наступленія темноты; ночью передовая линія удерживаетъ позицію, а остальные войска собираются позади, образуя новые резервы; штабъ арміи дѣлаетъ распоряженія о возобновленіи боя на слѣдующій день; если это признается невозможнымъ, то тотчасъ принимаютъ мѣры къ уходу отъ противника.

Въ концѣ отдѣла разсматриваются на вышеизложенныхъ основаніяхъ дѣйствія «отдѣльнаго армейскаго корпуса»; если въ немъ всего 2 дивизіи, то полезно составить нѣсколько отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ для увеличенія самостоятельности «участковъ».

VII. *Армейскій корпусъ.* Онъ назначается, въ составѣ арміи, для выполненія ограниченныхъ тактическихъ задачъ и ему предоставлена извѣстная доля самостоятельности. Относительно походныхъ движеній корпуса, различаются 3 особыхъ вида ихъ: вдали отъ противника—глубокія колонны, вблизи противника—укороченныя путемъ уширенія фронта или, лучше, раздѣленіемъ на нѣсколько колоннъ, наступающихъ по разнымъ дорогамъ, и въ предвидѣніи боя — сближеніе колоннъ и уменьшеніе числа ихъ до 3 или 2. Передъ самымъ боемъ наступленіе не должно происходить массами, какъ это наблюдается на маневрахъ, а расчлененными тактическими группами съ примѣненіемъ къ мѣстности, въ какихъ построеніяхъ слѣдуетъ останавливаться и на ночлегъ въ непосредственной близости къ противнику. Расположеніе на отдыхъ не должно вообще быть слишкомъ разбросаннымъ; такое «сбереженіе силъ» обыкновенно вызываетъ потомъ усиленные и притомъ ночные марши.

Относительно охраненія тутъ уже упоминается объ авангардахъ, арьергардахъ и боковыхъ охранительныхъ отрядахъ. Изъ двухъ задачъ авангарда—прикрывать главныя силы и (при помощи атаки) выяснять обстановку—Инструкція склоняется въ пользу первой, не отвергая безусловно и второй; во всякомъ случаѣ авангарду не слѣдуетъ преждевременно ввязываться въ бой, а выясненіе обстановки теперь въ большинствѣ случаевъ будетъ достигнуто органами развѣдки. Боковые отряды высылаются лишь въ случаяхъ крайней необходимости, дабы не ослаблять главныхъ силъ.

Глава о *бояхъ* совершенно переработана; прежде бой расчленялся на нѣсколько періодовъ (4): бой авангарда, для выясненія

обстановки, послѣ котораго можно было и не ввязываться въ общее сраженіе; подготовительные бои, главный бой и завершеніе боя; это порождало путаницу, недоразумѣнія и нерѣшительность дѣйствій. Теперь рѣшеніе вступить въ бой должно быть принято до начала столкновенія и для войскъ, въ приказаніяхъ, существуетъ только единственный бой—главный и рѣшительный. Только въ мысляхъ командующаго допускается различать главную и вспомогательныя атаки. Бой складывается изъ «завязки боя» и «рѣшительнаго удара». Первая имѣетъ цѣлью заставить противника развернуться и обнаружить свои силы, въ зависимости отъ чего бой принимаетъ характеръ встрѣчнаго, энергичной атаки или сборонительнаго. Въ составѣ корпуса слѣдуетъ сохранять въ бою дѣленіе на дивизіи, избѣгая составленія импровизованныхъ отрядовъ (это, какъ сказано выше, не относится къ корпусу, дѣйствующему въ отдѣлѣ).

Завязка боя. Если высланъ впередъ только одинъ авангардъ, то командиръ корпуса самъ руководитъ завязкой боя; если выслано болѣе одного авангарда, ею руководятъ начальники дивизій. Расходованіе пѣхоты—бережливое, артилеріи—обильное; кавалерія пытается разбить кавалерію противника, а потомъ охраняетъ прочіе роды войскъ. Завязка боя есть кризисъ, изъ котораго желательно возможно скорѣе выйти, что зависитъ отъ образа дѣйствій противника и времени, необходимаго для подхода и развертыванія главныхъ силъ; онъ будетъ наиболѣе продолжительнымъ, если предстоитъ овладѣніе опорными пунктами для прикрытія развертыванія.

Веденіе *встрѣчнаго боя* затруднительно и обѣщаетъ успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если командующій и старшіе начальники проникнуты однимъ общимъ планомъ дѣйствія. При атакѣ позиціи важно возможно скорѣе выяснитъ мѣстоположеніе «главной позиціи», а потому передовыя части противника должны быть быстро отброшены; атака же главной позиціи требуетъ методичности. При оборонѣ завязку боя ведутъ высланныя впередъ части; если вполне выяснились намѣренія противника, достаточно имѣть сторожевыя посты.

Распредѣленіе войскъ для боя. Инструкція различаетъ войска для завязки боя, войска въ распоряженіи руководителя и если нужно особыя охранительныя отряды. Распредѣленіе войскъ можетъ быть либо фронтальное по участкамъ (*accolées*), либо въ глубину въ нѣсколько линій (*successives*); послѣднее рекомендуется для фланговыхъ корпусовъ или дѣйствующихъ въ отдѣлѣ.

Рѣшительный ударъ. Главная роль принадлежитъ пѣхотѣ; артилерія поддерживаетъ ее обстрѣливаніемъ пункта атаки, не обращая вниманія на собственныя потери. Кавалерія принимаетъ участіе въ общей атакѣ и прикрываетъ фланги. Дальнѣйшія подробности о веденіи боя здѣсь не включены, а помѣщены въ полевомъ уставѣ.

VIII. *Кавалерійскій корпусъ.* Основнымъ принципомъ для дѣйствій

кавалерійскаго корпуса служить: сосредоточеніе силъ для нанесенія пораженія непріятельской кавалеріи, а послѣ этого—возможно болѣе широкое развертываніе. Корпусъ составляется изъ двухъ или болѣе дивизій съ придачею нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты; принимаются мѣры для быстрой перевозки послѣднихъ. Кавалерійскимъ корпусомъ пользуются тамъ, гдѣ пространство и время не допускаютъ примѣненія пѣхоты, и главнымъ образомъ для дѣйствія противъ кавалеріи противника, задержанія его наступленія, для обходовъ на полѣ сраженія, при преслѣдованіи и отступленіи. Командиръ кавалерійскаго корпуса долженъ дѣйствовать также по опредѣленному плану въ зависимости отъ близости противника, условій мѣстности и условій снабженія.

Въ бою командиръ корпуса назначаетъ части для главной атаки и побочныхъ атакъ, а затѣмъ предоставляетъ самостоятельность начальникамъ дивизій. Если нѣтъ времени для отдачи приказаній объ атакѣ по корпусу, онъ лично принимаетъ на себя командованіе ближайшей дивизіей, рѣшая этимъ вопросъ о главной атакѣ, къ которой прочія дивизіи должны примкнуть, не колеблясь, по собственной инициативѣ.

IX. Пограничная охрана и крѣпости. Этотъ отдѣлъ внесенъ въ Инструкцію съ цѣлью указать на значеніе пограничной охраны (*couverture*) и крѣпостей для веденія операцій. Охрана прикрываетъ мобилизацію и сосредоточеніе армій, а также желѣзныя дороги, телеграфныя линіи, сооруженія и магазины. Войска пограничнаго района мѣшаютъ развѣдыванію противника и нападенію его на пункты высадки частей армій; они непосредственно подчиняются главнокомандующему; охрана раздѣляется на участки и въ каждомъ войска дѣлятся на передовыя и главныя силы; первыя составляютъ завѣсу и производятъ развѣдки, вторыя остаются въ распоряженіи начальника участка. Упраздненіе охраны точно опредѣляется приказомъ и тогда части ея поступаютъ въ составъ армій. Во время операцій также можетъ возникнуть потребность въ пограничной охранѣ, на примѣръ, во время перерыва операцій или въ тылу осаждающей армій.

Крѣпости служатъ лишь для облегченія операцій полевой армій; въ пограничномъ районѣ онѣ служатъ опорными пунктами для охраны.

Крѣпостные районы вблизи границы заставляютъ противника раздѣлять свои силы, стѣсняють его свободу дѣйствій, угрожаютъ его сообщеніямъ и связываютъ часть его силъ; они поэтому могутъ облегчить временное отступленіе и начало новыхъ операцій. Главнокомандующій распоряжается примѣненіемъ гарнизоновъ крѣпостей и въ случаѣ нужды придачею ихъ арміямъ или корпусамъ. Каждый начальникъ, оперирующій вблизи крѣпости, долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы не быть запертымъ въ крѣпость.

Дѣйствія по отношенію къ непріятельскимъ крѣпостямъ опредѣляются главнокомандующимъ въ зависимости отъ ихъ значенія для операцій. Независимо отъ сего, каждый начальникъ, оперирующий вблизи такой крѣпости, обязанъ принять надлежащія мѣры охраненія противъ нея. Осада крѣпости можетъ быть начата только послѣ подвоза всѣхъ средствъ для правильной атаки ея.

X. *Наблюдательные корпуса.* Этимъ названіемъ обозначаются части войскъ на второстепенныхъ театрахъ; силы ихъ должны быть возможно меньшія. Они обезпечиваютъ свободу дѣйствія главной арміи и прикрываютъ опредѣленные части территоріи страны. Задачи ихъ оборонительныя и схожи съ дѣйствіями пограничной охраны, но лишь болѣе продолжительны; однако, они не могутъ разсчитывать на поддержку, а потому должны принимать болѣе глубокое расположеніе, чѣмъ пограничная охрана. Они должны тщательно пользоваться условіями мѣстности и устройствомъ укрѣпленій, а также желѣзными дорогами для дѣйствія по внутреннимъ линіямъ.

XI. *Особыя постановленія.* Здѣсь перечисляются всѣ отмѣняемые, противорѣчащія новой Инструкціи, постановленія прежняго устава.

Въ заключеніе упоминается, что настоящая Инструкція должна служить руководствомъ для генеральнаго штаба при подготовкѣ и выполненіи операцій на картѣ и на мѣстности, а также учебникомъ для высшей военной школы и для курсовъ подготовки начальниковъ частей; этимъ будетъ достигнуто установленіе единообразныхъ принциповъ во всей арміи и положенъ конецъ всякимъ спорамъ о доктринахъ.

Полевой уставъ заключаетъ въ себѣ указанія для дѣйствія въ полѣ дивизій и меньшихъ единицъ. При разсмотрѣніи его, во избѣжаніе повтореній, отмѣтимъ, что въ немъ проводятся тѣ же главные принципы, какъ и въ инструкціи о веденіи высшихъ единицъ: наступательный принципъ (оборона не даетъ побѣды), взаимная поддержка (движеніе «на выстрѣлы»), самоохраненіе (охраненіе снимается съ кавалеріи), а для боя—отсутствіе подраздѣленій (единый рѣшительный бой).

I. *Организація арміи.* Здѣсь нѣтъ выдающихся особенностей.

II. *Приказанія. Связь.* Относительно приказаній указываются общепринятые правила. Въ главѣ о связи повторяется принципъ взаимной поддержки на изложенныхъ въ «Инструкціи вед. круп. ед.» условіяхъ, причемъ подчеркивается условіе выполненія собственной задачи—сохраненіе направленія и соприкосновенія съ противникомъ.

III. *Походныя движенія и расположеніе на отдыхъ.* Нормальнаго походнаго порядка не установлено—онъ зависитъ отъ обстоя-

тельствъ; начальникъ дивизіи обыкновенно—при авангардѣ; «боевой» обозъ за войсками впереди арьергарда (при наступленіи). До выступленія людямъ полагается горячая пища; передъ выступленіемъ снимаются всѣ надписи и значки на квартирахъ; колонна слѣдуетъ вдоль правой стороны дороги; когда часть сворачиваетъ на перекресткѣ, то объ этомъ сообщается позади идущей части; послѣ 50 минутъ марша привалъ въ 10 минутъ, если позволяетъ тактическая обстановка, съ составленіемъ ружей и сниманіемъ ноши; большой привалъ—по усмотрѣнію, одновременный или по частямъ колонны; громкія команды воспрещены; при скрещиваніи колоннъ—прохожденіе по частямъ въ промежуткахъ другъ у друга усиленнымъ шагомъ.

Мѣсто артилеріи—достаточно впереди, но всегда за прикрывающею колонною пѣхоты для обезпеченія отъ внезапнаго артил. огня; авангарду придается артилерія только тогда, если сила его не меньше полка пѣхоты; въ колоннѣ—пѣхота между частями артилеріи для защиты отъ непріятельской кавалеріи и велосипедистовъ.

При движеніи въ предвидѣніи боя только главная колонна высылаетъ «авангардъ дивизіи», прочія—лишь слабые головные отряды. Усиленные переходы продолжаются днемъ и ночью не свыше 36 часовъ съ промежуточными большими привалами въ 4—6 часовъ для ѣды и сна.

Ночныя движенія примѣняются часто для скрытія отъ противника; особыя мѣры: сокращеніе дистанціи между частями, усиленная связь, загражденіе отвѣтвляющихся дорогъ, артилерія—въ хвостѣ колонны, для кавалеріи, если можно, особая дорога или болѣе позднее выступленіе.

При расположеніи на отдыхъ различаются квартиры, биваки, квартиро-биваки и лагерь; правила—обычныя; при занятіи квартиръ артилерія внѣ селенія и на тыловой сторонѣ. «Тревожныя квартиры» (*cantonnement d'alerte*)—цѣлыя части въ большихъ помѣщеніяхъ; освѣщеніе помѣщеній и улицъ; люди одѣты, всадники и ѣздовые при лошадяхъ: послѣдніе осѣдланы и взнузданы; дежурная часть—отъ пѣхотнаго полка рота, отъ кавалерійскаго—полуэскадронъ; она выставляетъ караулы; воспрещены всѣ сигналы, кромѣ «тревоги»; назначается мѣсто сбора по тревогѣ.

Въ отдѣлѣ есть глава «особыя постановленія», заключающая въ себѣ подробныя мѣры предохраненія отъ воздушнаго развѣдыванія, а также мѣры для соблюденія тайны—не оставлять на квартирахъ никакихъ бумагъ, въ частной корреспонденціи не помѣчать мѣста отправленія письма.

IV. *Охраненіе*. Мѣры охраненія имѣютъ цѣлю не только охраненіе войскъ, но главное—сохраненіе начальнику свободы дѣйствій (*sureté du chef*). На походѣ высылается авангардъ, арьергардъ и боковая

охрана; авангардъ колонны—вся или часть кавалеріи колонны, $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ пѣхоты колонны; впереди передовой отрядъ—кавалерія и немного пѣхоты, головной отрядъ— $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ пѣхоты авангарда, главныя силы—остальныя части его; дистанціи—въ зависимости отъ обстановки; главныя силы авангарда не должны подвергаться внезапному артил. огню; если въ авангардѣ нѣтъ артилеріи, то въ главныхъ силахъ она ближе къ головѣ колонны. Арьергардъ выдѣляется и при наступленіи для наблюденія въ тылу и охраненія отъ непріятельской кавалеріи; сила его—не болѣе 2 роты въ колоннѣ дивизіи и нѣсколько всадниковъ; при отступленіи—значительный, особенно сильный кавалерією и артилерією. Боковыя отряды очень различной силы отъ небольшой конной части до отряда изъ всѣхъ родовъ войскъ; слѣдуютъ на высотѣ авангарда или главныхъ силъ или же занимаютъ важныя пункты.

Охраненіе на отдыхѣ поручается авангарду, который выдѣляется для сего части или цѣликомъ переходитъ въ сторожевое охраненіе; задача послѣдняго: охраненіе, развѣдываніе и оказаніе сопротивленія; днемъ охраняетъ и кавалерія, ночью только пѣхота. Послѣ боя сторожевое охраненіе выставляется безъ особаго приказанія частями боевого порядка; при движеніи впередъ дивизіи, сторож. охраненіе остается на мѣстѣ до прохода головного отряда; при отступленіи—пока главныя силы не отойдутъ на надлежащее разстояніе; сторож. охраненіе смѣняется приблизительно черезъ каждыя 24 часа и притомъ днемъ, но въ разное время.

Части сторожевого охраненія: 1) парныя посты ночью не могутъ садиться или ложиться, иногда снаряженіе остается на заставѣ; 2) заставы преимущественно на дорогахъ; онѣ слабаго состава; на заставахъ огня не разводять и не курятъ, пища варится въ резервѣ сторож. охраненія, ночью спитъ поочередно половина; заставы и посты сопротивленія не оказываютъ, а только сторожатъ; 3) сторож. роты на опредѣленныхъ участкахъ; онѣ должны оказать сопротивленіе, но не сходить съ участка; сосѣдней ротѣ помогаютъ только огнемъ; составъ—цѣлая рота; стоятъ бивакомъ или на «тревожныхъ квартирахъ»; $\frac{1}{4}$ составляетъ дежурную часть, готовую къ выступленію; 4) резервъ сторож. охраненія въ извѣстномъ разстояніи позади сторож. роты, иногда на высотѣ ихъ; составъ— $\frac{1}{2}$ всего сторож. охраненія; онѣ оказываютъ сопротивленіе въ сомкнутомъ строю, поддерживая сторож. роты или принимая ихъ на себя и переходя въ наступленіе; располагается на «тр. квар.», а за неимѣніемъ таковыхъ—бивакомъ; соединенъ телефономъ съ сторож. ротами и тыломъ.

Патрули высылаются въ составѣ 3 человекъ и старшаго, иногда офицера, ночью не далѣе 1 кил. впередъ постовъ; передъ разсвѣтомъ число ихъ увеличивается. Повѣрочные патрули по линіи высылаются для повѣрки и связи; въ рѣдкихъ случаяхъ—пропускныя посты на высотѣ заставъ. Ночью вниманіе усиливается, занимаются

дороги и селенія близъ нихъ; часто мѣняется расположеніе; примѣняются искусственныя преграды. За часъ до разсвѣта всѣ части сторожевого охраненія становятся въ ружье; утромъ посылается донесеніе объ истекшей ночи. Очень подробны и строги постановленія о пропускѣ лицъ и командъ. Если кто-либо не отвѣчаетъ на двукратный окликъ—въ него стрѣляютъ; начальникъ заставы лично провожаетъ до постовъ команды и лицъ, имѣющихъ пропускъ. Ночью командиръ сторожевой роты самъ осматриваетъ и опрашиваетъ проходящія команды; относительно парламентаровъ сказано, что они могутъ быть временно задержаны, если имѣли случай наблюдать или видѣли передвиженія, не подлежащія огласкѣ. Кавалерія по окончаніи перехода прикрываетъ выставленіе сторожевого охраненія, выдѣляя пикеты и разѣзды; затѣмъ кавалерія уходитъ на отдыхъ, оставивъ лишь небольшую часть въ распоряженіи начальника сторожевого охраненія; днемъ части ея придаются сторожевымъ ротамъ и резерву; она выставляетъ пикеты и посылаетъ разѣзды; ночью—остается при резервѣ; для передачи приказаній избѣгаютъ пользоваться ею. Артилерія входитъ въ составъ сторожевого охраненія только въ исключительныхъ случаяхъ.

V. *Бой.* Цѣль боя заключается въ уничтоженіи противника; это достигается только атакою, доведенною до конца. Авангардъ начинаетъ бой, чтобы заставить противника показать силы, затѣмъ избирается пунктъ атаки, противъ котораго направляются главныя силы и гдѣ наносится рѣшительный ударъ штурмомъ и ударомъ въ штыки; на остальномъ протяженіи фронта—наступленіе для отвлеченія противника (второстепенныя атаки—только въ мысли главнаго начальника, для войскъ—всѣ атаки главныя).

При встрѣчномъ боѣ пытаются предупредить противника; при атакѣ позиціи—возможно быстрѣе оттѣснить передовыя части для узнанія главной позиціи и выбора пункта атаки; разъ назначенное направленіе атаки не можетъ быть измѣнено; наибольшее протяженіе фронта дивизіи—4 километра.

Относительно образа дѣйствій различныхъ родовъ войскъ уставъ говоритъ: главный родъ войскъ пѣхота дѣйствуетъ движеніемъ и огнемъ; движеніе происходитъ подъ прикрытіемъ артилерійскаго огня, сначала сомкнуто, когда это невозможно—цѣпями, перекатами и, наконецъ, съ остановками для открытія огня; пѣпи постоянно усиливаются особенно противъ главнаго пункта атаки. Задача артилеріи поддержать наступленіе пѣхоты; борьба съ непріятельскою артилеріею—только средство; цѣли для артилеріи указываются начальникомъ дивизіи. Выраженіе «подготовка атаки артилерійскимъ огнемъ» исключено и замѣнено «поддержкою атаки пѣхоты», ибо послѣдняя заставляетъ противника показаться (въ бурскую войну буры во время «подготовки» прятались и потерь не несли). Кавалерія

поддерживаетъ другіе роды войскъ; она освѣщаетъ, охраняетъ раз-
вертываніе, участвуетъ въ бою атаками, преслѣдуетъ и прикры-
ваетъ отступление, жертвуя собою. Предпочтительный образъ дѣйстви-
я—атака въ конномъ строю; только когда таковая невозможна по
обстановкѣ или условіямъ мѣстности—пѣшіи строй. Инженерныя
войска устраиваютъ сообщенія и исправляютъ ихъ.

Оборона допускается только частная, мѣстная—въ видахъ сбе-
реженія силъ для нанесенія въ другомъ мѣстѣ главнаго удара. На
фронтѣ обороны выбирается «центръ сопротивленія» съ однимъ или
нѣсколькими «опорными пунктами», а также артилерійскія позиціи,
фланкирующія «центръ» и обстрѣливающія впередилежащую мѣст-
ность и закрытія на ней; опорные пункты укрѣпляются инженер-
ными частями; свободный обстрѣлъ 800—1.000 метровъ; они зани-
маются сильнымъ гарнизономъ; прочія войска—позади «центра»;
искусственныя преграды; ночью—прожекторы. Занятіе передовыхъ
позицій слѣдуетъ избѣгать—они ведутъ къ дробленію и частнымъ
пораженіямъ, влияющимъ на моральное состояніе войскъ; впередъ вы-
сылаются только сторожевое охраненіе, а отряды изъ всѣхъ родовъ
войскъ лишь тогда, когда есть сомнѣніе относительно намѣреній
противника. Артилерія открываетъ огонь на дальнія дистанціи; реко-
мендуются контръ-атаки; въ случаѣ потери опорнаго пункта, его слѣ-
дуетъ взять обратно; если дивизію атакуютъ лишь слабыя силы, она
переходитъ въ наступленіе, если не послѣдовало категорическаго
воспрещенія.

Послѣ побѣды полный успѣхъ достигается только немедленнымъ
и неотступнымъ преслѣдованіемъ; сохраненіе тактическихъ формъ
при этомъ отступаетъ на второе мѣсто. Въ случаѣ отступленія надо
удерживать противника до наступленія темноты. Вліяніе мѣстности
характеризуется тѣмъ, что закрытая мѣстность облегчаетъ движеніе
и подходы; слишкомъ пересѣченная нарушаетъ тактическую связь и
порождаетъ отдѣльные бои; начальникъ дивизіи въ этомъ случаѣ
долженъ удерживать въ своихъ рукахъ часть силъ, чтобы пользоваться
частнымъ успѣхомъ; артилерію приходится дробить и придавать вой-
сковымъ единицамъ; важно сохраненіе направленія движенія.

Ночные бои имѣютъ мѣсто либо въ видѣ продолженія дневнаго
боя, когда не удалось достигнуть успѣха, или для атаки плохо охра-
няющагося противника и морально потрясеннаго и, наконецъ, для вне-
запнаго овладѣнія важными пунктами. Они предпринимаются неза-
долго передъ разсвѣтомъ, чтобы днемъ использовать успѣхъ; съ уве-
личеніемъ силъ растутъ затрудненія; превосходство въ силахъ ночью
пропадаетъ, зато растетъ значеніе моральнаго элемента и даже
слабыя части могутъ достигнуть успѣха; въ нихъ участвуетъ только
цѣхота въ построеніяхъ глубокихъ и эшелонированныхъ и прямо

бросается въ штыки; требуется тщательная подготовка, простота задачи и точное обслѣдованіе мѣстности.

Начальникъ дивизіи долженъ все время сохранять за собою общее руководство боемъ; приказанія о развѣтываніи и атакѣ даются письменно; во время боя онъ главнымъ образомъ распоряжается артилеріею и резервами; онъ опредѣляетъ задачи, предоставляя исполненіе подначальнымъ лицамъ. Бой продолжается до истощенія всѣхъ средствъ; сдача въ открытомъ полѣ считается позорною.

VI. *Дѣятельность кавалеріи.* Армейская кавалерія дѣйствуетъ обыкновенно въ составѣ дивизій; ей дается краткая задача обслѣдовать районъ, куда направляется армія. Кавалерія отыскиваетъ неприятельскую для разбитія ея, для чего сосредоточивается, а затѣмъ наступаетъ широкимъ фронтомъ; она высылаетъ развѣдочные отряды и офицерскіе развѣзды; важна своевременная доставка донесеній. Иногда кавалеріи приходится прорвать сторожевое охраненіе противника для полученія о немъ свѣдѣній. Во время общаго боя она старается принять въ немъ участіе; на долю ея выпадаетъ безпощадное преслѣдованіе.

Корпусная кавалерія собираетъ свѣдѣнія, необходимыя для обезпеченія корпуса и охраненія его отъ нечаянныхъ нападений. Въ виду сего полкъ раздробляется; часть его распределяется въ дивизіи (не менѣе взвода на каждую), другая остается въ распоряженіи командира корпуса.

Кавалерія въ отдѣлѣ охраняетъ себя такъ, чтобы дать начальнику свободу дѣйствій; авангардъ наступаетъ «перекатами». Скорость движенія кавалеріи: шагомъ 6½ кил. въ часъ, смѣшаннымъ аллюромъ—8; только рысью 10 кил. въ 40 минутъ.

Кавалерійская дивизія въ предвидѣніи столкновенія наступаетъ «перекатами» отъ одного поля дѣйствія къ другому, отъ одного гребня къ другому; въ дефиле втягивается только послѣ занятія выхода изъ него. При авангардѣ слѣдуютъ велосипедисты ¹⁾, иногда пулеметы и артилерія; присутствіе велосипедистовъ увеличиваетъ наступательную силу и даетъ возможность овладѣвать опорными пунктами противника. Кромѣ дальнихъ развѣдокъ, кавалерія производитъ форсированныя развѣдки при помощи боя. Бой кавалеріи рѣшается въ рукопашную; при этомъ атака является только средствомъ дорваться до нея. Главная атака сопровождается побочными во флангъ; главная атака всегда прикрывается фланговыми эшелонами. При атакѣ требуется быстрота и сомкнутость; нѣсколько эскадроновъ составляютъ поддержку, иногда въ рукахъ начальника дивизіи, который затѣмъ лично распоряжается ими.

(Нѣкоторые французскіе критики удивляются, что въ новомъ

¹⁾ Войсковыя части на велосипедахъ.

уставѣ не упоминается вовсе о дѣйствіяхъ кавалеріи въ пѣшемъ строю въ періодъ развѣдыванія, между тѣмъ, какъ это часто окажется полезнымъ для вытѣсненія незначительныхъ частей пѣхоты, мѣшающихъ развѣдкѣ; правда, это поручается велосипедистамъ, но они не вездѣ будутъ подъ рукой. Впечатлѣніе получается такое, что кавалерія дѣйствуетъ только противъ кавалеріи; какъ увидела пѣхоту—кончено, развѣдка прервана. *Debats, de Thomasson*).

VII. *Выдѣленіе отрядовъ.* Допускается только въ исключительныхъ случаяхъ во избѣжаніе дробленія силъ. Составъ ихъ преимущественно кавалерія и пѣхота; артилерія только, когда не менѣ полка, и то слѣдуетъ взвѣсить, окупится ли прикрытіе артилеріи пользою отъ нея. Начальникъ отряда—возможно высшаго чина; дѣйствія отряда—по обстоятельствамъ съ примѣненіемъ образа дѣйствій малой войны.

VIII. *Полевая работа.* Улучшеніе путей сообщеній. При наступленіи—укрѣпленіе пройденнаго участка въ случаѣ остановки въ наступленіи. При оборонѣ—укрѣпленіе опорныхъ пунктовъ. Уставъ даетъ общія правила для устройства полевыхъ укрѣпленій и пользованія ими; они обыкновенно возводятся частями, назначенными для занятія ихъ.

IX. *Воздухоплаваніе и телеграфная часть.* Воздухоплавательная часть подчинена штабу арміи; начальникъ штаба даетъ указанія завѣдующему авіаціонною службою, который распредѣляетъ задачи между авіаціонными отрядами. Войска оказываютъ воздухоплавателямъ и летчикамъ необходимую помощь.

Относительно телеграфной службы установлено, что сообщеніе отъ войскъ и штабовъ прежде всего устраивается снизу вверхъ, къ высшей инстанціи; напримѣръ, корпусное телегр. отдѣленіе прежде всего устанавливаетъ сообщеніе со штабомъ арміи, а уже потомъ съ дивизіями, авангардомъ и пр.; сообщеніе съ сосѣднимъ корпусомъ идетъ черезъ штабъ арміи.

X. *Обозы и обозныя колонны.* Здѣсь разсматривается организація и примѣненіе боевого и большого обоза, парковъ и обозныхъ колоннъ. Уставъ требуетъ для поддержанія порядка въ тылу подчиненія колоннъ одному общему начальнику на слѣдующихъ основаніяхъ: раздѣленіе колоннъ на отдѣльныя парковья, провіантскія, багажныя, санитарныя и др., откидывается, какъ непрактичное; дѣйствительно, при началѣ ихъ дѣйствій онѣ силою обстоятельствъ тотчасъ раздробляются; уставъ требуетъ подчиненія особому начальнику обозовъ всѣхъ категорій, обслуживающихъ корпусъ на одной дорогѣ и пользующихся одними эталными пунктами; начальникъ этотъ, въ свою очередь, непосредственно подчиненъ штабу корпуса, отъ котораго получаетъ распоряженія.

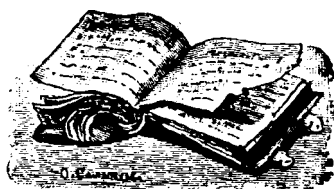
XI. *Снабженіе продовольствіемъ и боевыми припасами. Эвакуа-*

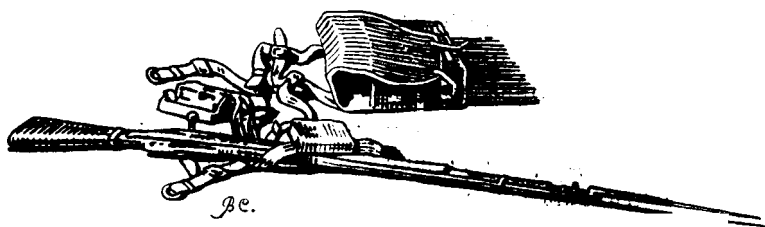
ція раненыхъ. Реквизиціи. Снабженіе продовольствіемъ происходитъ принципиально путемъ подвоза; сборъ мѣстныхъ средствъ поручается не войскамъ, а интенданству; подвозъ происходитъ на полковомъ обозѣ изъ корпусныхъ продов. центровъ (3 на корпусъ) или съ этапной ж. д. станціи; полагается корпусный гуртъ скота и подвозъ мяса на грузовикахъ. Измѣнены правила пользованія одною «неприкосновенною порціею» (на людяхъ): прежде—по распоряженію корпуснаго командира, теперь—по приказанію командира части или начальника ктряды (ибо части могутъ очутиться въ неодинаковыхъ условіяхъ снабженія продовольствіемъ). Для снабженія армейской кавалеріи пользуются грузовиками. Для эвакуаціи раненыхъ—санитарными автомобилями. Реквизиціи производятся только по письменному предписанію.

XII. Полевые жандармы. Они подчиняются штабу арміи; выдаютъ свидѣтельства лицамъ, занимающимся промысломъ въ районѣ расположенія арміи; купцы и торговцы продуктами носятъ повязки съ обозначеніемъ номера свидѣтельства, который обозначается и на охъ повозкахъ. Жандармы во всякое время могутъ проникать на иквартиры и биваки, почему имъ ежедневно сообщается пароль. Производство охоты въ районѣ арміи воспрещено, также и чинамъ арміи.

XIII. Приложенія. Они касаются подробностей организаціи этапныхъ учреждений, снабженія боевыми припасами, телеграф., ж. д. и санитарной частей; правилъ для отданія приказаній, составленія донесеній и отчетовъ; свѣдѣній о числѣ порцій и раціоновъ: неприкосновенныхъ порцій—на 2 дня, въ полковомъ, корпусномъ и армейскомъ обозахъ на 2 дня въ каждомъ, всего на 8 дней (раціоновъ на 7). Наконецъ, въ приложеніи приведены постановленія Женевской конвенціи и различные соглашенія и договоры изъ области международнаго права.

М. Б.

УСТАВЪ

для обученія и дѣйствія пѣхоты.

(Съ болгарскаго).

Общія основанія.

Единственная цѣль обученія войскъ есть подготовка ихъ къ войнѣ—такими словами начинается этотъ уставъ, гдѣ кромѣ собственно строевого пѣхотнаго устава, имѣются интересные для насъ отдѣлы—*пѣхота въ бою*, наставленіе для веденія боя пѣхотою, и *методы обученія*, одиночнаго, взвода, роты и большихъ единицъ, характеризующіе всю подготовку болгарской арміи.

Всякая пѣхотная часть, говоритъ уставъ, можетъ считаться подготовленной къ войнѣ, если она дисциплинирована и умѣетъ искусно маневрировать, т.-е. будетъ способна двигаться легко и быстро на всякой мѣстности, умѣетъ приспосабливать формы строя къ обстановкѣ и можетъ встрѣтить самыя непредвидѣнныя случайности наиболѣе простыми и скорыми способами, а также сохраняетъ вполнѣ порядокъ и тишину, необходимыя для управленія ею.

При теперешнихъ короткихъ срокахъ службы, дисциплина въ строю и чувство солидарности въ части достигаются только солиднымъ и детальнымъ обученіемъ уставнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ съ соблюденіемъ наибольшей точности.

Всякая пѣхотная часть, которая обученіемъ на плацу уже достигла дисциплины въ строю, совершенствуется въ искусствѣ ма-

неврированія посредствомъ частаго повторенія уставныхъ и боевыхъ упражненій, производимыхъ на разнаго вида мѣстности и при обстоятельствахъ, которыя представляли бы все большія и большія трудности.

Начальствующія лица могутъ успѣшно руководить частями на боевомъ полѣ только тогда, когда—обладая нужными для ихъ положенія знаніями, они умѣютъ еще принимать надлежащія и быстрыя рѣшенія, давать ясныя и точныя приказанія и дѣйствовать быстро. Начальники, которые обучаютъ части въ мирное время, одновременно учатся водить ихъ и на войнѣ.

Въ виду сокращенныхъ сроковъ службы особенно важно дать начальствующимъ лицамъ такое образованіе и воспитаніе, которое вполне подготовитъ ихъ къ роли начальниковъ и учителей.

Всякій начальникъ долженъ быть способенъ командовать и обучать часть, которую поведетъ на войнѣ, а также долженъ быть подготовленъ къ командованію и слѣдующими высшими единицами.

Штабъ-офицеры должны *умѣть* командовать отрядами изъ трехъ родовъ войскъ.

Начальникъ, на какой іерархической ступени онъ бы ни находился, долженъ обучать и воспитывать непосредственно подчиненныхъ ему начальствующихъ лицъ.

Офицеры будутъ на высотѣ своего положенія и получать въ части нужное имъ довѣріе, только когда знаютъ основательно свои обязанности, когда цѣнятъ высоко свое служебное призваніе и обладаютъ высокими нравственными качествами, а особенно такой твердостью характера, *которая сдѣлаетъ ихъ способными принять на себя отвѣтственность всегда, когда обстоятельства того потребуютъ*. Страхъ отвѣтственности недостойнъ возвышеннаго характера, которымъ долженъ отличаться офицеръ.

Офицеръ не только учитель своихъ подчиненныхъ, но еще и ихъ воспитатель; поэтому, для успѣха въ послѣдней роли, ему необходимо передъ всѣми доказать свое моральное превосходство надъ его подчиненными, чтобы внушить послѣднимъ полное довѣріе къ себѣ и расположить ихъ къ добровольному и сознательному подчиненію; такое подчиненіе заставитъ ихъ слѣдовать за офицеромъ повсюду и быть готовыми на всякія жертвы.

Подъ-офицеры (унтеръ-офицеры), особенно сверхсрочные, въ мирное время помощники офицеровъ, а въ военное время, когда нужда потребуетъ, замѣстители послѣднихъ. Они, благодаря постоянному и непосредственному соприкосновенію съ солдатами,

имѣютъ большое вліяніе на дисциплину части, а слѣдовательно весьма важно дать имъ солидное военное воспитаніе.

Въ основаніи командованія и управленія частью должно лежать слѣдующее начало: высшій начальникъ опредѣляетъ и указываетъ цѣль, а подчиненный начальникъ сохраняетъ полную инициативу въ выборѣ средствъ для непремѣннаго достиженія данной цѣли.

Это необходимо, чтобы подготовить начальствующихъ лицъ въ арміи водить войска при различныхъ обстоятельствахъ на войнѣ. Ограниченіе инициативы строго запрещается.

Команды, знаки, сигналы и приказанія.

Начальникъ передаетъ свою волю командами, знаками, сигналами и приказаніями.

Знаки показываются рукой или саблей:

Смирно—рука поднимается вертикально.

Шагомъ маршъ.

Стой.

Направо (налѣво).

Правое (лѣвое) плечо впередъ.

} какъ у насъ.

Въ цѣль маршъ, обѣ руки простираются впередъ горизонтально и разводятся быстро въ стороны.

Стой (какъ у насъ).

Для ускоренія движенія—правая рука быстро поднимается вверхъ и опускается внизъ со сгибаніемъ въ локтѣ; это повторяется быстро нѣсколько разъ.

Когда дѣйствіе или движеніе, переданное знакомъ, требуетъ одновременнаго исполненія, знакъ повторяется самымъ быстрымъ движеніемъ и замѣняетъ исполнительную команду.

Когда приказаніе передается знакомъ, предварительно требуется обратить вниманіе чиновъ свисткомъ.

Команда употребляется всегда, когда часть въ сомкнутомъ строю должна дѣйствовать или двигаться одновременно и съ точностью. Знаки употребляются для подтвержденія командъ, когда начальникъ найдетъ это необходимымъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они замѣняютъ команды и приказанія.

При движеніяхъ и дѣйствіяхъ на разнообразной мѣстности, полезно употреблять *одновременно команды и знаки.*

Отдѣль I.

(Строевой пѣхотный уставъ).

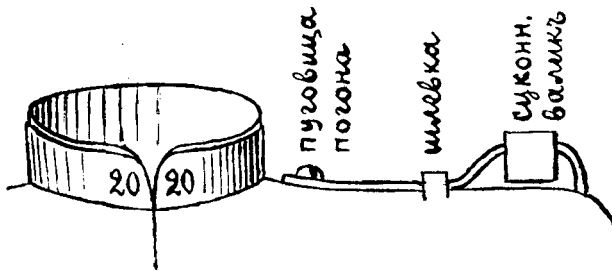
Одиночное обученіе.

Уставъ начинается, какъ и у насъ, объясненіемъ стойки безъ ружья, поворотами на мѣстѣ, движеніемъ шагомъ и бѣгомъ, поворотами на ходу. Затѣмъ слѣдующіе отдѣлы разбираютъ тоже самое уже съ ружьемъ и ружейные приемы.

Отличія отъ нашего устава небольшія, какъ то: размѣръ шага 75 сант. (1 арш. 1 верш.), при движеніи бѣгомъ—90 сант. (1¹/₄ арш.); скорость движенія шагомъ 120—124 ш., бѣгомъ 160—180 ш.

Движеніе шагомъ объяснено такъ: по командѣ маршъ выносятся впередъ лѣвая нога и ставится на землю, прежде всего пяткой, на 75 сант. отъ правой, которая затѣмъ поднимается, а тяжесть тѣла передается на лѣвую ногу и т. д.

При движеніи бѣгомъ, по командѣ маршъ, лѣвая нога, немного согнутая въ колѣнѣ, выносится впередъ на 90 сант., не отдѣляя ее много отъ земли, и далѣе, какъ у насъ.

Ружье держится: у ноги, на ремень ¹⁾, на плечо и на изготовку для стрѣльбы. Ружейные приемы, какъ у насъ, только винтовка кладется на плечо магазиномъ къ шеѣ, а рукоятку затвора внизъ подъ ключицу плеча. Затѣмъ уставъ снабженъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «войсковыя части, команды и отдѣльные нижніе чины держать ружья на плечо только тогда, когда проходятъ черезъ городъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ то: на ученіи, въ походѣ, на стрѣльбищѣ и пр., когда части и команды выходятъ вонъ изъ черты города, должны брать ружья на ремень». И дѣйствительно, наблюдая болгаръ и сербовъ въ минувшую войну съ турками, намъ не удалось ни разу видѣть ихъ въ полѣ съ винтовками на плечо—правило, заслуживающее подражанія. Ружейные приемы на караулъ

¹⁾ На рисункѣ—буферъ для уменьшенія давленія ружья на плечо, принятый въ сербской арміи. Буферъ валикъ изъ сукна, надѣтый на нижній край погона.

и тоже по-ефрейторски исключены—войска встрѣчаютъ начальниковъ, всегда держа винтовку у ноги.

Стрѣльба.

Стрѣльба производится изъ трехъ положеній—стоя, съ колѣна и лежа.

Приемы для изготовки тѣ же, какъ у насъ. Команда нѣсколько сокращена:

1. По такой то цѣли.
2. Съ колѣна или лежа (если нужно).
3. Стрѣль—ба.

Огонь.

Огонь бываетъ: а) одиночный—опредѣленнымъ числомъ патроновъ, б) одиночный—неопредѣленнымъ числомъ патроновъ и в) залповый.

А. Опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ числомъ патроновъ.

1. 800 (примѣрно).
2. По батареѣ (колоннѣ и пр.); цѣлься въ такую то точку.
3. По три (примѣрно), начинай (при неопредѣленномъ числѣ патроновъ только—начинай).

По первой командѣ ставится прицѣль. Прицѣль ставится на соотвѣтствующее разстояніе правой рукой, поднявъ немного вверхъ винтовку лѣвой и склонивъ ее такъ, чтобы видѣть дѣленія.

По второй командѣ стрѣлокъ вглядывается въ цѣль.

По третьей—открывается огонь.

Б. Залпы.

1. Залпы.
2. 800 (примѣрно).
3. По колоннѣ (батареѣ и пр.); цѣлься въ такую то точку.
4. Огонь—пли (бій!)

Первая команда служитъ предупрежденіемъ, что огонь долженъ производиться одновременно.

По второй командѣ ставится прицѣль.

По третьей—стрѣлки вглядываются въ цѣль.

По четвертой—по предварительной командѣ «огонь» стрѣлки одновременно цѣлятся, а по исполнительной—«бій!» одновременно спускаютъ ударники.

Прекращеніе огня, какъ у насъ: «предохранитель!» (курокъ)

и «вынь патроны!». Итакъ—на первомъ мѣстѣ прицѣль, на второмъ—цѣль и на послѣднемъ—приемы заряжанія.

Бой съ ножомъ (штыковой бой).

Бой ножомъ имѣеть цѣлью: упражнять солдата дѣйствовать ножомъ искусно, что дастъ ему увѣренность побороть врага при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Для этой цѣли солдатъ долженъ умѣть: а) держать ружье крѣпко и владѣть увѣренно ножомъ; б) наносить быстрые и сильные удары въ опредѣленные точки; в) съ сильнаго разбѣга колоть и бить съ размаха противника, забивая ножъ до крестовины и выдергивая быстро назадъ ¹⁾; г) наносить послѣдовательно, одинъ за другимъ, удары въ разныхъ направле- нійхъ, отбивая сильно и быстро ножъ противника ²⁾.

Стрѣлокъ въ бою.

Солидно подготовленный къ дѣйствіямъ въ бою стрѣлокъ придасть борбѣ пламенность, энергію и осмысленность, которыя позволяютъ начальнику все предпринимать, на все рѣшаться.

Стрѣлки должны использовать всѣ закрытія на мѣстности, чтобы прикрыть себя и устроить опору для ружья. Наилучшая позиція та, которая позволяетъ это сдѣлать одновременно и такимъ образомъ способствуеть стрѣлять мѣтко и безъ утомленія.

Близлежащіе стрѣлки помогаютъ другъ другу. Когда кто нибудь изъ нихъ будетъ выведенъ изъ строя, передаетъ сосѣду патроны и тотъ продолжаетъ борьбу.

Въ наступательномъ бою стрѣлокъ продвигается впередъ по подступамъ, используя всѣ закрытія на мѣстности, не поддерживая равненія, но не отклоняясь много отъ даннаго направленія и не мѣшая сосѣдямъ. Когда нѣтъ закрытій, кратчайшій путь до указанной начальникомъ позиціи есть наилучшій.

Разъ приказано солдату наступать впередъ, онъ не долженъ отходить безъ приказанія назадъ, какъ бы убійственъ ни былъ непріятельскій огонь. Отступленіе назадъ позоръ; кромѣ того опасность уменьшится только тогда, когда онъ достигнетъ указанной позиціи.

Въ оборонительномъ бою стрѣлокъ ожидаетъ наступающаго

¹⁾ Въ Болгаріи колотье чучель производится на улицѣ ежедневно, почему солдаты такъ увѣренно лѣзутъ на ножъ. Конечно, сюда надо присоединить ненависть къ врагу, сознание своего культурнаго превосходства и изрѣстное воспитаніе пѣхоты въ духѣ Драгомирава, котораго болгары большіе поклонники.

²⁾ Турецкій ножъ вдвое длиннѣе болгарскаго.

безъ страха, убѣжденный, что отобьетъ его огнемъ, когда тотъ приблизится на близкое разстояніе.

Стрѣлокъ долженъ строго сохранять дисциплину огня, а именно: немедленно прекращать огонь по командѣ или по свистку начальника; ставить точно указанный прицѣль; занимать положеніе, которое ему позволяетъ видѣть обстрѣливаемый предметъ и даетъ возможность точно и спокойно прицѣливаться. Чтобы стрѣлокъ прицѣливался спокойно и точно, стрѣльба всегда совершается *на мѣстѣ*. Скорость огня увеличивается только *быстрымъ заряжаніемъ*.

Стрѣлокъ долженъ имѣть непоколебимое довѣріе къ могуществу своего ружья; если онъ будетъ сообразоваться съ приказаніями своихъ начальниковъ, то всегда причинитъ непріятелю потери, достаточныя, чтобы ослабить его огонь и уменьшить опасность въ бою.

Стрѣлокъ избираетъ самъ цѣль и прицѣль, когда дѣйствуетъ самостоятельно или когда не получилъ указаній отъ своихъ начальниковъ или не можетъ узнать ихъ отъ своихъ товарищей. Тогда онъ долженъ беречь патроны и немедленно прекращать огонь, лишь цѣль исчезнетъ.

Ударъ ножомъ даетъ возможность окончательно прогнать непріятеля съ позиціи. Починъ удара зависитъ отъ молодечества солдатъ.

Еще съ самаго начала боя каждый солдатъ долженъ быть проникнутъ горячимъ желаніемъ напасть съ ножомъ на непріятеля, что есть единственное и наиболѣе мощное средство подчинить его своей волѣ и обезпечить побѣду.

Въ разсыпномъ строю вліяніе начальника на солдатъ бываетъ слабо, а потому чрезвычайно важно, чтобы послѣдніе были особенно внимательны къ приказаніямъ, а, когда не могутъ ихъ слышать, непременно должны узнавать отъ сосѣдей.

Когда въ бою стрѣлокъ выйдетъ временно изъ подъ непосредственнаго руководства своего прямого начальника, онъ долженъ присоединиться къ ближайшей группѣ, принять участіе въ ея движеніяхъ и дѣйствіяхъ и исполнять приказанія и команды начальниковъ той группы.

Если всѣ офицеры будутъ выбиты, то подъ-офицеры или опытные и энергичные рядовые должны принять начальство и указать всякому, что нужно сдѣлать.

Всякій здоровый и способный солдатъ, который оставитъ на-

чальниковъ своихъ и уйдеть назадъ безъ приказанія, совершитъ позорное преступленіе.

Шереножнаго ученія, какъ у насъ, въ болгарскомъ уставѣ нѣтъ, а прямо послѣ одиночнаго обученія слѣдуетъ взводное ученіе.

Взводное ученіе.

Строй взвода—*сомкнутый и разсыпной*. Въ сомкнутомъ строю солдаты строятся обыкновенно въ двѣ шеренги на 15 см. между локтями (т.-е. на 3—4 вершка). Въ рассыпномъ строю они строятся въ одну шеренгу съ различными интервалами въ разныхъ случаяхъ.

Взводъ въ 16 и болѣе рядовъ дѣлится, какъ у насъ, на 4 отдѣленія; кромѣ того, самое характерное въ болгарской арміи, это то, что взводъ рассчитывается справа налѣво по четыре. Каждый четыре номера по порядку обѣихъ шеренгъ составляютъ *группу*, которая служитъ основой для всѣхъ построений.

Взводъ строится и двигается обыкновенно *развернутымъ* строемъ (въ двѣ шеренги) и въ *колоннѣ по четыре*.

Взводный командиръ находится обыкновенно передъ взводомъ, которымъ онъ *управляетъ* и который онъ *водитъ*. Если онъ оставляетъ мѣсто, когда обстоятельства того требуютъ (главное для развѣдки мѣстности), то приказываетъ одному изъ подъ-офицеровъ *вести* взводъ.

Въ *развернутомъ строю* взводный командиръ въ двухъ шагахъ впереди взвода, командиры 2-го и 3-го отдѣленій въ двухъ шагахъ позади середины своихъ отдѣленій (замыкающіе); остальные начальники, какъ у насъ.

Въ *колоннѣ по четыре*, когда взводу не предшествуетъ другая часть, взводный командиръ въ двухъ шагахъ впереди головной группы; остальные начальники *правѣе* первыхъ группъ своихъ отдѣленій.

По командѣ или знаку—«сборъ» взводъ быстро собирается къ взводному командиру, который опредѣляетъ строй.

Движеніе не въ ногу.

Продолжительныя движенія не могутъ исполняться съ одинаковой правильностью безъ утомленія солдатъ. Поэтому, когда взводный командиръ находитъ возможнымъ, онъ разрѣшаетъ солдатамъ извѣстную свободу въ движеніяхъ, для чего командуетъ: не въ ногу.

При подпискѣ на годъ черезъ канцелярію своей части (съ уплатою взносовъ черезъ нее) допускается **ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЛЬГОТНАЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА** по слѣдующему расчету: совмѣстно на «Русск. Инв.» и «В. Сб.»—по 1 р. 25 к. въ мѣсяць; на одинъ «Р. И.»—по 75 коп. въ мѣсяць; на одинъ «В. Сб.»—по 50 коп. въ мѣсяць. Плата должна быть вносима не позже 1-го числа каждаго мѣсяца, чтобы не было перерыва въ доставкѣ изданій.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяць	30 коп.
„ 2 мѣсяца	50 „
„ 3 „ и свѣше	70 „

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается безплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну С.-Петербургскаго адреса на таковой же платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разниця между вышеуказанною подписною платою на соотвѣтственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается безплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго на иногородный или обратно—60 коп., иногороднаго на иногородный—20 коп.; за перемѣну С.-Петербургскаго на таковой же С.-Петербургскій—платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяць текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп. (при размѣрѣ № въ 2 листа—за 9 коп.).

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{7}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»
Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Бьялевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора,
Ген. Шт. Полковникъ *Шеманскій*.

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й .

1. Авторевъ, присылающихъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редація проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистою). Страницы должны быть перенумерованы (спивать или брошкровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилия автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются ¹⁾).

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желалъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ переверстки изготовляется бесплатно. Больше же число ихъ, но не болѣе 100, а также переверстка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Номера эти предоставляются авторамъ только за плату. Отдѣльныхъ оттисковъ статей «Русскаго Инвалида» не дѣлается.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляет ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемыя почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не исполнѣ оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакція не принимаетъ.

6) Чертежи должны быть присылаемы при рукописи, но отнюдь не въ текстѣ ея, т.-е. совершенно отдѣльно или вклеенными въ рукопись, но такъ, чтобы ихъ можно было отъ нея легко отдѣлить. Исполненіе чертежей должно быть, по возможности, авторамъ, такъ, чтобы съ нихъ можно было дѣлать клише, не перечерчивая ихъ начисто.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями и исправленіями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не входить.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

4) Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ изданій помѣщается *лишь* въ видѣ платнаго объявленія.

5) При желаніи получить отзывъ о книгѣ слѣдуетъ доставлять въ редакцію два экземпляра книги.

¹⁾ Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ официальное положеніе своего оппонента.